PG 3361
.S55P6
1860

U S GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class PGR 2244
Book .S86
P
YUDIN COLLECTION

По совет

ПОВѢСТИ И РАЗКАЗЫ.

Slavutinskiĭ, Stepan Timofeevich

Povesti

ПОВѢСТИ

и

razskazy

РАЗКАЗЫ

С. Т. СЛАВУТИНСКАГО.

МОСКВА

Въ типографіи Лазаревскаго института восточныхъ языковъ.

1860.

PG 3361
.S55 P6
1860

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Москва, 20-го октября 1859 г.

Цензоръ *И. Росковшенко.*

19 Jan. 23-1974

ЧИТАЛЬЩИЦА
ИСТОРІЯ МОЕГО ДѢДА
МІРСКАЯ БѢДА

Rede 73

ЧИТАЛЬЩИЦА.

I.

Чрезвычайно тяжки были для всѣхъ почти губерній Россіи, а въ томъ числѣ и для Рязанской, — гдѣ я жилъ тогда, — 1839, 1840 и 1841 годы, оставшіеся въ памяти народной подъ общимъ названіемъ «голодныхъ годовъ». По многимъ обстоятельствамъ живо помню и я это трудное время.

Въ 1839 году озимый и яровой хлѣба, особенно первый, весьма дурно уродились. А съ самаго начала осени установилась погода чрезвычайно холодная и съ сильными вѣтрами; всходы ржи, посѣянной къ будущему году, были вездѣ крайне плохи, — и еще тою же осенью начали довольно сильно возвышаться цѣны на всякій хлѣбъ. Настала зима совершенно безснѣжная и съ необык-

новенно-сильными морозами, отъ которыхъ, какъ основательно стали опасаться, должны были вымерзнуть непокрытыя снѣгомъ, слабыя озими. Отъ всѣхъ этихъ ближайшихъ причинъ цѣны на хлѣбъ росли въ зимнее время съ каждымъ базарнымъ днемъ. Къ тому же дурное состояніе путей сообщенія препятствовало дѣлать вовремя и по сходнымъ цѣнамъ подвозы хлѣба изъ мѣстъ, неподвергшихся неурожаю, какъ напримѣръ изъ вятской губерніи.

Весна 1840 года оправдала опасенія на счетъ озимыхъ посѣвовъ: во многихъ мѣстахъ они совсѣмъ пропали. Настало лѣто; съ половины апрѣля и по конецъ августа ни капли дождя не упало на землю. Еще съ начала лѣта поля покрылись мутно-сѣроватымъ, пыльнымъ цвѣтомъ. Всѣ растенія поблекли, помертвѣли отъ чрезмѣрнаго жара и недостатка питающей влаги. Это было лѣто необычайно жаркое и душное, несмотря на то, что солнце, постоянно застилаемое мглою, свѣтило вовсе неярко. Гдѣ-то, въ отдаленныхъ мѣстахъ Россіи, горѣли тогда лѣса и торфяныя болота *); красноватая мгла, застилавшая свѣтъ солнечный, скоплялась на краяхъ горизонта темными, грозными тучами; удушливый смрадъ наполнялъ воздухъ,

*) Пожары эти начались еще съ 1839 года.

проникая всюду, даже въ тѣ дома, гдѣ не растворяли оконъ. Въ самомъ сильномъ вѣтрѣ не было ничего освѣжающаго. По ночамъ сухой туманъ висѣлъ надъ окрестностью, надъ водами и надъ землей, и росы не было для освѣженія полей.

Съ наступленіемъ же осени открылась вся обширность бѣдствія. Озимый хлѣбъ совсѣмъ не родился, яровой во многихъ мѣстахъ принесъ только тощія сѣмена, ненадежныя къ будущему посѣву. За немногими исключеніями, даже и у богатыхъ скопидомовъ-помѣщиковъ, запасовъ хлѣба отъ прежнихъ годовъ уже не существовало, и потому цѣны на всякій хлѣбъ достигли громадныхъ и незапамятныхъ цифръ. Народъ, съ сентября мѣсяца, нищенствовалъ цѣлыми толпами, испрашивая милостыню уже не копеечками, а кускомъ хлѣба для утоленія голода.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ народъ не только ѣлъ разныя коренья и древесную кору, но даже какую-то мягкую глину, изъ которой, съ малою примѣсью муки, пекли хлѣбы. Конечно, такая пища должна была производить болѣзни. Послѣ всѣхъ трехъ голодныхъ годовъ многія деревни потеряли не малую часть народонаселенія. Этимъ временемъ судьба видимо хотѣла дать нѣкоторымъ тяжелый, многозначительный урокъ.

Помѣщики тоже очень потерпѣли. Они, на ту пору, не только лишились всякихъ доходовъ съ

имѣній, не только не могли уже извлекать изъ нихъ всегдашнихъ средствъ для обычной своей жизни, но и должны были, во что бы то ни стало, находить способы къ обсѣмененію полей на будущій годъ и къ продовольствію голоднаго народонаселенія своихъ имѣній. Да, бѣднымъ помѣщикамъ было тогда очень, очень тяжело: гроза бѣды народной возмутила ихъ спокойную жизнь. Пришлось инымъ изъ нихъ, съ сокрушеніемъ сердечнымъ, перевѣшать своихъ охотничьихъ собакъ, а многіе подверглись и не такимъ еще горькимъ лишеніямъ. Огромное большинство помѣщиковъ должно было тоже прибѣгнуть къ займамъ, и занятыя денежки пошли, увы! не на поддержаніе дворянскаго достоинства, а на другія, по правдѣ сказать, болѣе существенныя нужды. Къ этому-то времени, мнѣ кажется, надо отнести причины настоящаго положенія большей части помѣщиковъ *средней руки*, обремененныхъ огромными долгами, а черезъ это связанныхъ по рукамъ и по ногамъ.

Разказъ мой относится къ 1840 году, самому бѣдственному изъ всѣхъ голодныхъ годовъ.

Уже въ началѣ 1840 года положеніе дѣлъ моихъ было крайне затруднительно,— но незачѣмъ излагать здѣсь подробно причины. У меня родился тогда первый сынъ; мать моя, жившая съ нами, начала сильно болѣть именно съ этого времени; доходы съ имѣнія должны были значительно со-

кратиться отъ прошлогодняго неурожая; имѣніе же это не могло быть перезаложено въ опекунскомъ совѣтѣ, по причинѣ процесса. Для всѣхъ насъ было совершенно ясно, что, при угрожавшей далѣе дороговизнѣ на хлѣбъ и на все, надо было заранѣе озаботиться пріисканіемъ средствъ провести текущій годъ,— прокормить и всю семью, и довольно большую дворню. Долго мы думали, передумывали, разсуждали, совѣщались о нашемъ положеніи, но все-таки не находили средствъ для облегченія его и предотвращенія въ будущемъ грозной нужды. Пробились мы кое-какъ еще сентябрь, забирая въ кредитъ по разнымъ мѣстамъ всякіе припасы, но и этотъ кредитъ видимо истощался. Денегъ, денегъ надо было достать.

Наконецъ мы порѣшили что̀ дѣлать. Рѣшеніе это было предложено матушкою. Помню, что у нея замѣтно поблѣднѣло лицо и слезы на глазахъ навернулись, когда она выговорила его.

— Ну, что же, мой другъ, сказала она мнѣ,— слѣдуетъ продать домъ въ деревнѣ. Я знаю, что Петръ Дмитричъ М*** не построилъ и не купилъ себѣ дома и все еще ищетъ готовое строеніе.

Я было пустился въ горячія возраженія, и какъ будто на минуту позабылъ совсѣмъ объ угрожавшемъ намъ голодѣ. Мнѣ невыносима была мысль о продажѣ дома, въ которомъ я провелъ тихіе дѣтскіе дни, гдѣ жило для меня столько прекрасныхъ,

свѣтлыхъ воспоминаній, гдѣ и немногія, грустныя впечатлѣнія, сохраненныя моею живою памятью, были для меня исполнены прелести. Но скоро мать моя на отрѣзъ покончила всѣ мои возраженія.

— Ты знаешь, сказала она печально,—что наши обстоятельства слишкомъ тѣсны стали. У насъ никакихъ средствъ не остается на житье самое умѣренное. Гораздо бы легче было намъ жить теперь въ деревнѣ, не пришлось бы платить за квартиру и дрова покупать, да невозможно туда переѣхать: ребенокъ твой слишкомъ слабъ, я тоже больна; намъ, хоть изрѣдка, нужно пособіе доктора, да къ тому жь и за тяжбой надо слѣдить здѣсь. Да! очень трудно намъ! нужда страшная, неминуемая... На оброкъ съ крестьянъ нечего намъ и разсчитывать; они еще не бѣдствуютъ, слава Богу, да все имъ, бѣднымъ, будетъ очень тяжело... Какъ быть!.. знаю, что грустно и больно рѣшиться на это средство, а надо непремѣнно такъ сдѣлать. Хорошо еще, что есть возможность достать денегъ... Поѣзжай завтра же въ деревню и продай домъ за что̀ бы ни лобы.

На другой день ранехонько утромъ, — это было 1-го октября, — я отправился въ дорогу. Боже мой! сколько печальныхъ мыслей перебывало тогда въ головѣ моей!.. Сколько горькихъ, болѣзненныхъ чувствъ душа моя перенесла!..

Памятенъ мнѣ день, въ который я ѣхалъ. На краяхъ горизонта стояли темныя тучи непроглядной мглы; сквозь завѣсу красноватаго тумана солнце свѣтило тускло и безъ лучей; воздухъ былъ наполненъ удушливою гарью. Вокругъ меня все имѣло такой мрачный колоритъ! Засѣянныя рожью поля были покрыты рѣдкими, тощими и поблеклыми зеленями: всходы были такъ же дурны, какъ и въ прошломъ году. Поля, оставленныя подъ паръ, уже побурѣли; на нихъ рѣдко-рѣдко виднѣлись деревенскія стада. Луга тоже не зеленѣли.

Я ѣхалъ проселочными дорогами на село Д—во. Справа, за Окой, тянулись далекою, непрерывною полосой хвойные лѣса, которые сквозь мглистый туманъ, надъ ними висѣвшій, представлялись огромною, черною тучей.

Всѣ селенія, чрезъ которыя я проѣзжалъ, въ обыкновенное время столь оживленныя, имѣли видъ чрезвычайно печальный. Ни на улицахъ, ни у воротъ не толпились бабы, дѣвки и молодые парни, хотя день былъ праздничный и пора была нерабочая; изрѣдка только проходилъ кто-нибудь по улицѣ, повѣся голову, видимо не съ гульливою цѣлію, а за какимъ-нибудь нужнымъ дѣломъ; даже ребятишекъ попадалось на глаза очень мало. Ни одной пѣсенки не услыхалъ я во все время дороги, какъ будто народъ русскій никогда не любилъ, никогда не пѣвалъ пѣсень.

Я пріѣхалъ въ нашу деревню уже въ сумерки и тотчасъ же послалъ за управляющимъ Петра Дмитрича.

Во всѣхъ комнатахъ нетопленнаго дома было очень холодно. Я велѣлъ затопить печку въ той довольно большой, угловой комнатѣ, гдѣ, бывало, по зимамъ, мы съ матушкой живали постоянно. Старый слуга часто подкладывалъ сухихъ дровъ, они громко трещали, разливая яркія полосы свѣта и теплоту по комнатѣ.

Печальныя мысли совершенно завладѣли моей душею. Съ какою грустью оглядывалъ я эту полуосвѣщенную комнату и мысленно прощался съ нею!

Старикъ уже узналъ о причинѣ моего пріѣзда въ деревню и заговорилъ со мною.

— Какже это, баринъ, сказалъ онъ, пристально глядя на меня,—неужто надо безпремѣнно домъ-то продать?

— Что дѣлать! надо, Леонтичъ, отвѣчалъ я.

Онъ помолчалъ нѣсколько и промолвилъ потомъ, какъ-бы разсуждая съ самимъ собою.

— Вишь ты, судьба-то какая! И дѣду и отцу все неудача была....

Скоро пріѣхалъ управляющій Петра Дмитрича и купилъ домъ отъ имени своего помѣщика. Я, разумѣется, продалъ его невыгодно.

Кончивъ это дѣло, я велѣлъ запрягать лошадей, ибо тотчасъ же рѣшился ѣхать въ обратный путь. Невыносимо тяжело стало для меня оставаться въ стѣнахъ дома, который съ этой минуты становился чужимъ домомъ.

И какъ горько было мнѣ прощаться съ любимымъ жилищемъ! Мнѣ казалось, что я прощаюсь со всею прошлою и еще близкою ко мнѣ порой дѣтства, порою тихой, свѣтлой любви; одинокаго, свѣжаго развитія и рѣдкой, неясной, незлобной печали, которую наводили на меня слезы, испугъ и грусть моей бѣдной матери, когда она не успѣвала скрывать отъ меня заботъ и лишеній своихъ.

Наконецъ я отправился въ путь. Онъ былъ недалекъ, всего верстъ шесть, но очень затруднителенъ. Надъ лугами, по которымъ я долженъ былъ пробираться къ Д—ву, темь стояла страшная. Мы должны были безпрестанно отыскивать мало накатанную, луговую дорожку. Нескоро попалъ я въ Д—во.

Тамъ я остановился въ двухъ-этажномъ, въ три окна, деревянномъ домѣ, въ нижнемъ этажѣ котораго помѣщался крестьянинъ нашъ Максимъ Ивановъ, содержавшій этотъ постоялый дворъ. Комната, гдѣ привелось мнѣ ночевать, была просторна, чиста и тепла, и въ ней пахло пріятно свѣжимъ, сосновымъ лѣсомъ. Въ переднемъ углу было много

образовъ въ серебряныхъ окладахъ и вѣнчикахъ. Передъ образами ярко горѣли двѣ лампады.

Когда я уже улегся, Максимъ сказалъ мнѣ съ озабоченнымъ видомъ:

— Ужь вы, батюшка, не взыщите!.. Я все боюсь, чтобы ночью-то какъ-нибудь васъ не потревожили...

— Да отчего же, Максимъ?

— А вотъ, батюшка, въ комнату, съ вашей рядомъ, придутъ съ полуночи псалтирь читать по покойникѣ, по шуринѣ моемъ, которому шесть недѣль еще не вышло. Хоть читать-то будутъ и оченно тихо, да все какъ бы...

— Э, не безпокойся, Максимъ, отвѣчалъ я,—сплю я всегда, какъ убитый. Ступай себѣ, мнѣ спать очень хочется.

Онъ вышелъ и я скоро прекрѣпко заснулъ.

Не знаю, долго ли я спалъ; только вдругъ стало будить меня что-то особенное. Показалось мнѣ, сквозь улетавшій, но еще не совсѣмъ разсѣявшійся, сонъ, что въ моей комнатѣ есть кто-то чужой; потомъ почудилось, что бѣлый, туманный призракъ носится по серединѣ комнаты; слышалъ я легкій шелестъ и какъ будто тихій, тихій плачь. Наконецъ я совсѣмъ проснулся. Приподнявъ голову, облокотившись на край кровати, я сталъ тревожно прислушиваться, и съ невольнымъ, ребяческимъ страхомъ вглядываться въ предметы. Но все обстояло благополучно. Даже для направляемаго взвол-

нованнымъ воображеніемъ взора все, что было вокругъ меня, имѣло свою естественность и приличную неподвижность. И въ комнатѣ было свѣтло: еще ярко горѣли обѣ лампады передъ образами.

Однакоже, все мутилось мое воображеніе. Я продолжалъ прислушиваться и приглядываться. Мало-по-малу сталъ я различать тихіе звуки, льющіеся плавно и мѣрно. Скоро я убѣдился, что они не чудятся мнѣ, а дѣйствительно раздаются въ сосѣдней комнатѣ. Тогда я вспомнилъ слова Максима о чтеніи псалтиря по покойникѣ. Мнѣ стало досадно на самого себя за этотъ дѣтскій испугъ, которому я было поддался. Повернувшись къ стѣнѣ, я сомкнулъ глаза съ твердымъ намѣреніемъ заснуть какъ можно скорѣе; но, какъ на зло, не являлся ко мнѣ теперь сонъ. Воображеніе все-таки продолжало бродить, и опять невольно сталъ я вслушиваться въ тихое, чуть льющееся чтеніе. Скоро обаяніе легко доносившихся изъ сосѣдней комнаты звуковъ подѣйствовало на меня всесильно. Въ нихъ было столько печальнаго, чего-то зовущаго, скорбно молящаго, высокаго, святаго и притомъ глубоко-стройнаго, что вся душа моя внезапно настроилась на молитву... Я не могъ уже лежать, приподнялся съ кровати, подошелъ къ перегородкѣ, за которою слышалось чтеніе. Долго я слушалъ его съ затаеннымъ дыханіемъ, съ бьющимся сердцемъ; долго я былъ въ какомъ-то напряженномъ состояніи.

Доски перегородки были неплотно прилажены; было мѣсто, сквозь которое проникала въ мою комнату тоненькая полоска свѣта. Притаивъ дыханіе, я заглянулъ въ сосѣднюю комнату.

Вотъ что́ представилось мнѣ: подъ образами въ переднемъ углу, гдѣ теплилась лампада, стоялъ столъ, покрытый бѣлою скатертью; на немъ была поставлена небольшая, съ серебрянымъ вѣнчикомъ, икона; передъ иконой горѣла тонкая, бѣлая, восковая свѣча; на концѣ стола лежала большая разогнутая книга въ кожаномъ переплетѣ и съ мѣдными застежками. Передъ столомъ, положивъ на него правую, худощавую руку, стояла женщина высокаго роста, одѣтая въ темное платье. Голова ея была покрыта чернымъ платкомъ, концы котораго свѣшивались по сторонамъ. Озаренное свѣтомъ лампады, лицо ея было видно мнѣ совершенно. Никогда не встрѣчалъ я физіономіи поразительнѣе. Продолговатое, худощавое и блѣдное лицо, темноголубые глаза съ длинными рѣсницами и грустнымъ, но спокойнымъ взоромъ, маленькій, полураскрытый ротъ съ немного потемнѣвшими губами, всѣ эти черты, правильныя, прекрасныя и полныя сосредоточеннаго, глубокаго выраженія, поразили меня... Она читала тихо, внятно и пѣвуче. Видно было, что смыслъ священныхъ словъ глубоко трогалъ ея душу.

Долго я смотрѣлъ на нее, какъ на сверхъестественное видѣніе и, кажется, въ изумленіи этомъ, просмотрѣлъ бы много часовъ. Но она окончила чтеніе, помолилась тихо, положила передъ образами нѣсколько земныхъ поклоновъ, потушила свѣчку и тихонько вышла изъ комнаты.

Еще нѣсколько минутъ пробылъ я у перегородки, все смотря въ опустѣлую комнату; потомъ сталъ ходить и думать. На душѣ было свѣтло и спокойно, она была полна еще глубокимъ умиленіемъ; а между тѣмъ образъ читальщицы псалтиря былъ постоянно передо мною. Но скоро стало казаться мнѣ, что то было какое-то видѣніе; воображеніе начало одѣвать его цвѣтами фантастическими. Опять подошелъ я къ перегородкѣ и заглянулъ въ сосѣднюю комнату. Она была пуста, но еще горѣвшая лампада слабо освѣщала столъ, накрытый скатертью, икону и уже закрытую книгу. Я вполнѣ увѣрился, что то было не видѣніе.

И сталъ я задавать себѣ безплодные вопросы: что́ же это за женщина? ужели крестьянка, простая крестьянка? Но какъ прекрасно ея лицо! какое выраженіе!.. Быть не можетъ, чтобъ это была простая крестьянка. Крестьянка можетъ быть прекрасна, но ей нельзя имѣть столько изящной простоты и естественности, такой величавой осанки, такого чистаго, одухотвореннаго выраженія физіо-

номіи; крестьянка не съумѣетъ читать съ такимъ глубокимъ смысломъ, такъ вдохновенно просто.

Между тѣмъ уже разливался по комнатѣ слабый свѣтъ осенняго утра. Я позвалъ Максима.

— Скажи пожалуста, Максимъ, спросилъ я его,— кто это нынче ночью читалъ здѣсь псалтирь по покойникѣ?

— Читальщица, батюшка, Татьяна Андревна, отвѣчалъ онъ.

— Кто она такая?

— Да дѣдъ-то ея крестьянинъ изъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, а отецъ купцомъ былъ, сама же она какъ словно барышня.

— Какъ же это? Разкажи о ней, Максимъ, покуда лошадей будутъ запрягать.

— Да многаго-то, батюшка, разказать не съумѣю. Знаемъ мы только про нее, что, какъ есть, святая дѣвушка. Все божественнымъ займается, по святымъ мѣстамъ иной разъ ходитъ, а больше-то здѣсь проживаетъ. Дѣдъ у ней есть, старикъ, ужь чай лѣтъ подъ семьдесятъ, да бездомовникъ, гулящій такой старикъ, человѣкъ, что́ и говорить, не хорошій. Служилъ онъ долго по питейной части, ну и привыкъ къ такой жизни, да такъ-то привыкъ, что и отстать отъ нея не можетъ. Вотъ какъ стала съ нимъ жить внука-то, такъ онъ, словно, и поудержалъ себя сначала маненько, а тамъ опять принялся гулять. Да и какъ теперича обходится съ

нею: бьетъ ее, тиранитъ, все попрекаетъ, зачѣмъ, дескать, она жизнь такую богоугодную ведетъ, да иной разъ возьметъ и прогонитъ отъ себя: «пошла, говоритъ, прочь отъ меня, на чортъ ли ты мнѣ? спокоить меня, на старости лѣтъ моихъ, не умѣешь...» и ужь такія-то рѣчи еще тутъ говоритъ... Да что! каверзникъ, старичишка! (Тутъ Максимъ и рукой махнулъ и плюнулъ съ негодованіемъ). А она, сердешная, все-то его, стараго грѣховодника, не покидаетъ; знать все желаетъ въ разумъ его привести, чтобъ онъ хоша пѣредъ смертью-то покаялся, на путь настоящій попалъ. Прогонитъ онъ такъ-то ее, а она все норовитъ поскорѣе къ нему вернуться; полагать надо, оттого это, что старика такого опасается одного надолго покинуть; ну, и живетъ, мается съ нимъ, безъ устали по домашнему дѣлу хлопочетъ, за дѣдомъ ухаживаетъ, больныхъ лѣчитъ, за иными безсемейными и неимущими все тоже ухаживаетъ, ребятишекъ учитъ грамотѣ, да вотъ читаетъ псалтирь по упокойникамъ. А что́ наберетъ деньжонокъ, кто сколько дастъ,—а за псалтирь, что́ читаетъ, ничего не беретъ, — то все отдаетъ дѣду, а онъ-то, не путевой, все и пропьетъ и пропьетъ... развѣ-развѣ выпроситъ она у него рублишко на какія ни наесть снадобья лекарскія, да на милостыню нищей братіи... Лечитъ-то куда хорошо!

— А отца и матери нѣтъ уже у ней?

— Нѣтъ никого. Мать давно померла, и отецъ умеръ лѣтъ восемь, что-ли, тому назадъ. Сказываютъ, что отецъ-то въ большихъ дѣлахъ попался, никакъ въ смертоубійствѣ. Онъ тоже все по питейной части служилъ, въ острогъ угодилъ, да и померъ тамъ... А большой капиталъ имѣлъ. Сказываютъ тоже про нее, про Татьяну-то Андревну, что какъ мать ея померла, такъ она замѣсто дочери была у барыни-генеральши, да и генеральша померла теперича. А больше я ничего про нее не знаю.

Тѣмъ и покончилъ Максимъ разказъ свой о читальщицѣ; жена его тоже не могла сообщить мнѣ о ней никакихъ особенныхъ свѣдѣній. Она сказала мнѣ только, что ей уже лѣтъ подъ тридцать.

Какъ таинственное видѣніе, будто не даромъ, явилась она мнѣ въ трудную минуту жизни. Но еще однажды я видѣлъ ее, и уже при другой обстановкѣ, при иномъ освѣщеніи...

II.

Это было въ началѣ іюля 1846 года и опять все въ томъ же селѣ Д—вѣ.

Мнѣ довелось проѣзжать черезъ него, по дѣламъ службы, во время казанской ярмарки, въ ту ожив-

ленную, шумную пору, когда, по словамъ моего злаго на языкъ сосѣда, мѣстный становый приставъ чуть-ли не на цѣлый годъ набирается сильныхъ и сладкихъ впечатлѣній: сосѣдъ увѣряетъ, что становой, въ теченіи одной трети года, вспоминаетъ, облизываясь, про эту ярмарку, въ теченіи другой, разсуждаетъ о ней и затѣмъ во все остальное время ожидаетъ ее съ крайнимъ нетерпѣніемъ.

Я пріѣхалъ въ Д—во утромъ и поневолѣ долженъ былъ остаться до поздняго вечера, такъ какъ нельзя было добиться лошадей. Нестерпимо душно было въ комнатахъ «въѣзжаго» дома, гдѣ я остановился, и я вышелъ на улицу. Шумными толпами народа, сновавшаго взадъ и впередъ, меня увлекло въ самую середину ярмарочной свалки: незамѣтно я очутился на базарной площади.

Стонъ стоялъ надъ нею. Крикливыя рѣчи мужиковъ, визгливые голоса бабъ, ржанье лошадей, кудахтанье куръ въ кошолкахъ, ревъ телятъ, блеянье овецъ, визгъ поросятъ, скрипъ телѣгъ, иногда чуть двигавшихся сквозь тѣсно-сжатую толпу, все это сливалось въ нестройный и оглушительный шумъ. Иной разъ въ шумъ этотъ врывались звуки пѣсенъ, раздававшихся у кабаковъ, у трактировъ и съ лодокъ на рѣкѣ. Надъ всею толпою народа и промежь нея двигалась тяжелыми клубами туча душной пыли. А сквозь эту тучу, облитую горячими лучами іюльскаго солнца и принимавшую въ иныхъ

мѣстахъ оттѣнки пожарнаго зарева, прорѣзывались, больно для глазъ, яркіе цвѣта бабьихъ головныхъ платковъ и пестрыхъ фартуковъ.

Отрывая иногда усталый взоръ отъ толпы, безпрестанно двигавшейся и переливавшейся въ цвѣтахъ своихъ, я взглядывалъ туда, гдѣ широко и многоводно текла одна изъ величавыхъ, прекрасныхъ рѣкъ русскихъ. Подъ лучами солнечными вся она горѣла въ искрахъ; быстро и безпрестанно скользили по ней, отъ берега къ берегу, лодки и челны, биткомъ набитые нарядным людомъ. Вся картина ярмарки была разнообразно оживлена.

Скоро потокомъ народа придвинуло меня къ большому трактиру на площади, гдѣ было всего тѣснѣе и шумнѣе. Тутъ былъ полный разгулъ ярмарочнаго веселья. Изъ открытыхъ оконъ трактира выглядывали раскраснѣвшіеся, горластые бородачи; иные пѣли, другіе громко перекликались съ стоявшими внизу людьми; внутри трактира слышались звонъ посуды, пѣнье, смѣхъ, говоръ, топотъ, страшный шумъ и гамъ. Внизу, у входа въ трактиръ, было маленькое мѣстечко, вокругъ котораго тѣсно жался гульливый народъ: тутъ стояли, обнявшись, пошатываясь и горланя плясовую пѣсню, трое мужиковъ въ красныхъ рубахахъ, съ заломленными на бекрень шляпами; возлѣ нихъ парень съ ухорской ухваткой, съ лицомъ румянымъ и веселымъ, наигрывалъ на гармоникѣ; а позади, прислонясь

къ стѣнѣ, бренчалъ на балалайкѣ нескладно и съ большимъ азартомъ малый среднихъ лѣтъ, въ суконномъ сюртукѣ и тепломъ картузѣ, лакей, не лакей, а какой-то межеумокъ; передъ этою кучкой народа, отплясывалъ другой картузникъ такого же сорта, какъ первый. Въ пляскѣ его не было ни удали, ни живости, а была какая-то скверная смѣсь безобразныхъ прыжковъ и наглыхъ ухватокъ; онъ болталъ что-то безъ умолку, иногда взвизгивалъ и задыхался отъ усталости. Въ толпѣ, смотрѣвшей на него, слышались насмѣшливые возгласы: «ай, ну! эй, Ермишка!... задохся!... живѣй!... эхъ, ты! гдѣ ужь тебѣ!» Гадко было мнѣ смотрѣть на эту пляску, и я хотѣлъ было выбраться изъ толпы, какъ вдругъ подлѣ меня раздался голосъ, хриплый и рѣзкій.

— Эка ты дрянь, Ермишка! Гдѣ тебѣ плясать! Даромъ что я старикъ старый, а пожалуй коли кто поднесетъ мнѣ, пропляшу, ей, ей, пропляшу, да такъ-то! за поясъ заткну любаго! Ну, ужь народъ нонѣ сталъ!

Я взглянулъ на говорившаго эти слова. Это былъ старикъ приземистый и коренастый, но уже дряхлый. Онъ стоялъ, тяжело опершись на суковатую палку; голова его тряслась, руки судорожно дрожали. Несмотря на лѣтній зной, на немъ былъ овчинный, засаленный и изорванный полушубокъ, надѣтый въ одинъ рукавъ. Онъ былъ на босу ногу въ котахъ;

у пояса его ситцевой, грязной рубашки съ стеганнымъ нагрудникомъ висѣлъ винтовый ключь, принадлежность главы семейства. Вся наружность его отличалась крайнимъ неряшествомъ. Странно и непріятно было лицо его, темноцвѣтное, морщинистое, дряблое, съ рѣденькою, желтовато-сѣдою бородкой. Бѣлые изжелта волосы непокрытой его головы и совершенно черныя брови придавали ему выраженіе особенной жесткости и суровости. Невольно засмотрѣлся я на эту физіономію: на ней такими рѣзкими, такими наглыми чертами выражалась вся прошедшая, темная жизнь его.

— А ну, что-жь, Несторъ Савинычъ, вскричалъ Ермишка, подвернувшись бочкомъ къ старику, — не угодно ли-съ пройдтиться, мы вотъ и мѣсто очистили.

— Ишь ты! Вотъ такъ сейчасъ и пойду! отвѣчалъ Несторъ: — ты мнѣ, чортовъ сынъ, поднеси, да и то попроси еще хорошенько. Вотъ мы, можетъ, тогда....

Ермишка запнулся. Видно было, что деньжонокъто у него нѣтъ.

— Эй, ты, Ермишка! прочь пошелъ! промолвилъ хриплымъ басомъ толстый, чернобородый человѣкъ среднихъ лѣтъ, повидимому зажиточный торговецъ.

— Какъ угодно-съ, хозяинъ, произнесъ подобострастно Ермишка и замѣшался въ толпѣ.

Толстякъ подошелъ къ Нестору Савинову.

— Ну, ужь такъ и быть, куда ни шло! сказалъ онъ: — угощу, дамъ тебѣ важную порцію, только ты ужь смотри, потѣшь, а мы посмотримъ на твою удаль.

Онъ кликнулъ изъ трактира половаго и велѣлъ подать большой стаканъ водки. Съ жадностію схватилъ Несторъ Савиновъ дрожащими руками стаканъ, залпомъ осушилъ его, опрокинулъ надъ головою и крякнулъ громогласно. Внезапная перемѣна произошла въ немъ; онъ вдругъ выпрямился, пріободрился, впалые глаза его ярко заблистали и запрыгали.

— Ай да благодѣтель, крикнулъ онъ, — Иванъ Гордѣичъ! Вотъ уважили. Ручку дайте облобызать! Только что, ужь сказать по откровенности, маловата порція эвта для меня, старика стараго.... Вотъ еще бы стаканчикъ....

— Хорошо, изволь, отвѣчалъ Иванъ Гордѣичъ, важно посматривая на стараго пьяницу.

Принесли другой стаканъ водки. Несторъ Савиновъ выцѣдилъ его потихоньку досуха, опять опрокинулъ надъ головою, потомъ бросилъ его на земь, и вдругъ выкинулся на середину кружка. Онъ сталъ плясать медленно, съ трудомъ выдѣлывая ногами мелкія дроби; но въ его буйныхъ возгласахъ, въ его вскидываньяхъ рукъ надъ головою, было что-то размашистое и удалое. Откуда голосъ взялся у старика? Онъ звенѣлъ и гремѣлъ, покрывая раз-

дававшіеся кругомъ крики. Толпа съ восторгомъ смотрѣла на эту дикую пляску. Трое мужиковъ, стоявшихъ обнявшись, громче и скорѣе прежняго пѣли плясовую: картузникъ неистово бренчалъ на балалайкѣ; малый съ гармоникою игралъ изо всѣхъ силъ и подплясывалъ, стоя на мѣстѣ. Отовсюду слышались крики: «ходи малый! ай, старичина!,.. ай да ну!... вотъ такъ!..» Но скоро старикъ сталъ медленнѣй и медленнѣй выдѣлывать ногами разныя штуки, голосъ его внезапно оборвался, и онъ началъ лепетать что-то хриплымъ полушопотомъ. Въ эту самую минуту вдругъ послышались въ толпѣ полусдержанныя восклицанія: «Татьяна Андревна!» Я оглянулся. Народъ, поталкиваясь и колыхаясь, медленно разступался. И вдругъ я увидѣлъ читальщицу.

Съ опущенною головою, съ печальнымъ лицомъ, тихо и робко шла она, высокая, худая и блѣдная, въ черномъ, ветхомъ шушунѣ, съ чернымъ платкомъ на головѣ. Она приблизилась къ старому дѣду своему (это былъ онъ), который все еще топталъ и взвизгивалъ.

При видѣ Татьяны, во всемъ сборищѣ, выразилось какое-то особенное движеніе, крики разомъ прекратились, тихій шопотъ пронесся по толпѣ, и тотчасъ затѣмъ настало глубокое молчаніе; даже картузникъ пересталъ бренчать на балалайкѣ. Сквозь неблизкій гулъ ярмарочной суматохи и

шумъ въ трактирѣ можно было разслышать тяжкое дыханіе Нестора Савинова, который, замѣтивъ внуку свою, пересталъ наконецъ плясать.

— Пойдемъ домой, дѣдушка! сказала она ему тихимъ, дрожащимъ голосомъ.

Минуты двѣ онъ ничего не отвѣчалъ, а только смотрѣлъ сердито на внуку. Толпа слѣдила, съ видимымъ участіемъ, за этою сценою.

— Пойдемъ домой, дѣдушка, повторила Татьяна еще тише.

— Чортъ тебя принесъ! промолвилъ онъ наконецъ глухимъ голосомъ.—Нянька какая досталась!.. Словно, я малый ребенокъ...

Чернобородый толстякъ рукой махнулъ и пошелъ, не оглядываясь, въ трактиръ. Картузникъ опять сталъ потихоньку бренчать на балалайкѣ. Малый съ гармоникою промолвилъ: «вишь, старый хрѣнъ!» и прочь пошелъ отъ толпы; за нимъ послѣдовало нѣсколько молодыхъ парней. Толпа стала рѣдѣть, расходясь тихо и молча. Старый пьяница простоялъ на одномъ мѣстѣ еще нѣсколько минутъ, сурово уставясь на внуку; изъ-подъ черныхъ, густыхъ бровей глаза его тускло блестѣли. А Татьяна стояла подлѣ него, поникнувъ головою, и легкая дрожь пробѣгала иногда по ея худому тѣлу. Наконецъ старикъ пошатнулся впередъ и ухватилъ ее за руку.

— Ну, ну!.. нянюшка городская!.. енаральская воспитанница... дрянь ты.., ну, что̀ жь ты стала? веди теперича!.. прорычалъ онъ.

Подхвативъ подъ руку, она повела его бережно. Тяжело опираясь на внуку, сильно пошатываясь, онъ пошелъ съ нею черезъ ту узкую полоску площади, которая не была занята народомъ. Невольно и я послѣдовалъ за ними, въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ.

Скоро они повернули за уголъ, въ узкую улицу. Сновавшій и тутъ, малыми кучками, народъ, повременамъ, скрывалъ отъ меня Нестора Савинова и его внуку. Мало-по-малу началъ я отставать отъ нихъ. Но вдругъ я увидѣлъ, что на самомъ концѣ улицы старикъ остановился, вырвался изъ рукъ Татьяны, замахнулся на нее кулакомъ, погрозилъ ожесточенно, и было замѣтно, что онъ хотѣлъ вернуться на площадь. По невольному движенію, я хотѣлъ было подойдти къ нимъ; но въ ту же минуту я увидѣлъ, что къ нимъ приблизился, малаго роста, худенькій, сѣдой старичокъ, повидимому священникъ. Старичокъ этотъ взялъ Нестора Савинова за руку и съ большимъ жаромъ сталъ говорить ему что-то; въ двухъ шагахъ отъ нихъ стояла Татьяна и отирала глаза рукавомъ. Видно было мнѣ, что Несторъ спорилъ съ священникомъ, но наконецъ махнулъ онъ рукой, внука подбѣжала къ нему и, поддерживая его подъ руку, повела далѣе. Скоро

они скрылись за угломъ улицы. Священникъ постоялъ съ минуту и потомъ, покачивая головою, пошелъ по направленію къ площади и навстрѣчу мнѣ.

Когда онъ приблизился, я подошелъ къ нему.

— Батюшка, сказалъ я ему,—извините, что я остановлю васъ на минуту... Бѣдная эта дѣвушка!... Уговорили-ли вы стараго пьяницу?.. Дома онъ, пожалуй, прибьетъ ее...

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, — славу Богу, онъ никогда не поднимаетъ на нее рукъ своихъ... поругаетъ только, пригрозитъ.. Что дѣлать! Старикъ онъ неугомонный и въ грѣхахъ закоренѣлый.

Старый, заштатный,—какъ онъ сказалъ мнѣ,—священникъ былъ простой, добрый и почтенный человѣкъ. Онъ охотно разговорился со мною, тутъ же гостепріимно зазвалъ меня въ домъ своего зятя, гдѣ онъ жилъ, и разказалъ мнѣ много подробностей про читальщицу, про ея мать, отца и дѣда безпутнаго, про ея воспитаніе и прежнюю жизнь. Все это было извѣстно ему отъ воспитателя Татьяны Андревны. Затѣмъ священникъ предложилъ мнѣ пойдти, послѣ вечеренъ, въ домъ Татьяны, гдѣ она жила съ своимъ дѣдомъ.

Къ вечеру, ярмарка кончилась. Почти весь пришлый народъ оставилъ Д—во; но на площади и главной улицѣ села, прилегающей къ рѣкѣ, было еще людно и шумно. Мѣстный народъ разгулялся и,

распѣвая пѣсни, бродилъ взадъ и впередъ. Послѣ вечерни, я съ отцомъ Василіемъ (такъ звали заштатнаго священника) отправился къ дому Татьяны Андревны. Онъ стоялъ на самомъ концѣ обширнаго села; это былъ домишко маленькій и ветхій, и рядомъ съ нимъ находился небольшой огородъ.

—А вотъ взгляните-ка на огородъ Татьяны Андревны, сказалъ мнѣ священникъ: — овощей тутъ мало, только-что про свой обиходъ, а все больше лѣкарственныя растенія. И вѣдь, все сама работаетъ, гряды копаетъ, полетъ, поливаетъ...

У колодца, насупротивъ дома, я увидалъ женщину, съ усиліемъ вертѣвшую колесо.

— А мы къ тебѣ въ гости идемъ, Татьяна Андревна, сказалъ привѣтливо священникъ,— вотъ это баринъ изъ Малѣева. Рада ли будешь намъ?

— Милости просимъ, отвѣчала она застѣнчиво, просто, но очень учтиво,— я всегда рада добрымъ людямъ... Не взыщите только на бѣдности нашей...

Избушка, въ которую мы вошли, была мала и темна, но очень чиста; въ ней пріятно пахло разными растеніями, развѣшенными по стѣнамъ въ кулечкахъ. У образовъ на полкѣ и на столѣ въ переднемъ углу лежало нѣсколько книгъ духовнаго содержанія. Только-что мы усѣлись, дверь не много отворилась, и въ нее выгляпула бѣлокурая головка хорошенькой, но бѣдно и нечисто одѣтой дѣвочки лѣтъ восьми, девяти.

— Татьяна Андревна, сказала она тоненькимъ, дѣтскимъ голоскомъ, — я пришла...

— Войди, Уляша, молвила Татьяна, и потомъ потихоньку спросила о чемъ-то дѣвочку.

— Маненько полегчѣло, отвѣчала довольно громко дѣвочка.

Татьяна посмотрѣла въ дверь, выглянула въ окно, потомъ взяла съ полки узелокъ какой-то, завязанный въ старый ситцевый платокъ, сунула его проворно въ руки дѣвочки, и въ сѣняхъ что-то приказала ей.

— Спасибо, громко крикнула дѣвочка, — небось, не увидитъ.

И стрѣлою пролетѣла мимо оконъ.

Не прошло пяти минутъ, какъ дверь опять отворилась и вошелъ, крехтя, Несторъ Савиновъ. Онъ остановился посереди горницы, пристально посмотрѣлъ на меня, постоялъ немного въ раздумьѣ и наконецъ спросилъ у Татьяны неласково, указывая на меня:

— А кто такой?

— Помѣщикъ изъ Малѣева, отвѣчала она.

— Милости просимъ, сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ, — мы, сударь, еще дѣдушку вашего, Николая Михайловича, знавали. Баринъ былъ славный, да ужь больно крутъ... подикось съ его сіятельствомъ какъ воевалъ... А я вотъ ходилъ опохмѣлиться маненько, внучка-то моя мудреная смиловаться изво-

лила, дала на шкаликъ,—продолжалъ онъ, подходя наконецъ подъ благословеніе къ священнику.

Татьяна тоже подошла къ отцу Василію и тихонько попросила его о чемъ-то; онъ кивнулъ ей головою, въ знакъ согласія. Затѣмъ она обратилась ко мнѣ.

— Извините, сказала она,— я оставлю васъ на полчаса.

Старикъ, когда она ушла, подсѣлъ ко мнѣ и сталъ смотрѣть на меня очень умильно.

— Баринъ! а, баринъ! сказалъ онъ наконецъ: — есть у меня до васъ просьба... А ужь вы старичка-то стараго пожалѣйте, дайте вы мнѣ деньжонокъ маненько, хоть на завтрашнюю выпивку.

— Не стыдно-ль тебѣ, Несторъ Савинычъ... началъ было священникъ.

Но старикъ и слушать его не хотѣлъ.

— Эхъ! что ты знаешь? прервалъ онъ:— Вы, сударь, не слушайте его, Христа-ради...

Я подумалъ, что отказомъ не отучишь его отъ пьянства, что отказъ мой, пожалуй можетъ быть причиною непріятности для бѣдной Татьяны, и далъ старому пьяницѣ какую-то мелкую монету.

— Напрасно, напрасно, сказалъ отецъ Василій, качая головою.

Но Несторъ Савиновъ былъ въ восторгѣ. Онъ сдѣлался чрезвычайно разговорчивъ и отложилъ со мцой всякія церемоніи: вмѣсто *вы*, онъ говорилъ

уже мнѣ *ты*. Несвязныя рѣчи свои онъ пересыпалъ безсмысленными жалобами на внуку.

— Ты что думаешъ, баринъ? болталъ онъ:— вѣдь и мы тоже достатки имѣли, да все *одуванъ* взялъ. А горя-то сколько я принялъ на своемъ вѣку!.. Вотъ сынъ былъ и помогалъ мнѣ кое-чѣмъ при жизни-то, а послѣ себя, что̀ мнѣ оставилъ?.. Ровнехонько ничего, оставилъ лишь внучку, тяготу мнѣ при старости... Вѣдь, ты не гляди, что она смиренницей смотритъ... Вотъ взялась кормить меня, а кормитъ-то какъ!.. Хлѣбъ черствый да вода, да изрѣдка, каша — мать наша, вотъ тебѣ и все, а въ голодные годы лебеднымъ хлѣбомъ кормила. Ну, а посмотришь, со двора всякую всячину тащитъ...

— Не грѣхъ ли тебѣ ? сказалъ опять священникъ.

— Да ты что̀ знаешь-то? прервалъ Несторъ: — ты, вѣдь, знамо, потатчикъ ей, ну, и все... Вотъ видишь ты, продолжалъ онъ, обращаясь опять ко мнѣ,— тамъ, на другомъ концѣ села, Лушка вдова живетъ, такъ внучка-то моя чего, чего ей не посылаетъ?.. Какъ намедни была больна, калачи посылала... самъ я видѣлъ... Добро бы Лушка родня намъ была, аль кума, сватья... А то что̀? Вотъ она какова Татьяна-то Андревна! Змѣя, сущая змѣя!.. Нѣтъ у ней ко мнѣ жалости, иной разъ въ горлѣ пересохнетъ, душа вся изноетъ, винца испить хо-

чется, а она и гривенничка не дастъ... Лѣшій бы ее задавилъ!..

Я не могъ удержать негодованія.

— Перестань! сказалъ я: — какъ ты можешь жаловаться, когда, по ея милости, ты сытъ и по міру не ходишь?..

Старикъ тотчасъ же замолкъ и какъ будто оробѣлъ; потомъ покачалъ головою, раза два вздохнулъ, всталъ кряхтя съ лавки, и, бормоча себѣ подъ носъ что-то, поплелся на печку, гдѣ тотчасъ же захрапѣлъ.

Тѣмъ же временемъ воротилась Татьяна, принеся самоваръ отъ священника, и попросила насъ напиться у ней чаю. Съ удовольствіемъ согласились мы. Но сама она не стала пить, и это удивило меня. Я уже довольно зналъ ее и былъ увѣренъ, что не по какому-нибудь предубѣжденію отказывается она. На вопросъ мой объ этомъ, она отвѣчала, что не пьетъ чаю съ голодныхъ годовъ, когда многимъ не доставало даже лебеднаго хлѣба. Я опять подивился ея преувеличенной, можетъ-быть, но все-таки почтенной деликатности, а еще болѣе простотѣ и скромности, съ которыми она выражалась.

Долго просидѣли мы у ней, и незамѣтно прошло время въ тихой бесѣдѣ. Она говорила сперва застѣнчиво и робко, но мало-по-малу оживилась, и рѣчь ея, простая, величавая въ своихъ безыску-

ственныхъ, задушевныхъ оборотахъ, потекла плавно и стройно. Въ ея словахъ такъ легко высказывались святыя убѣжденія, отражалась душа чистая, никогда невозмущаемая порывами темныхъ страстей, да суетами житейскими, душа, вся проникнутая высокою любовію къ Богу и людямъ. Чудное впечатлѣніе произвела она на меня и въ этотъ разъ. Боже мой! какой тяжкой трудъ подняла она на себя! Съ какимъ великимъ терпѣніемъ переносила свою долю!

Въ ночь я уѣхалъ изъ Д—ва, и никогда болѣе не довелось мнѣ видѣть Татьяну-читальщицу; но воспоминаніе о ней навсегда во мнѣ осталось. Разказы отца Василія и нѣсколькихъ лицъ изъ того города, гдѣ она жила прежде, лицъ, хорошо знавшихъ ее самою и всѣхъ, близкихъ къ ней, открыли мнѣ вполнѣ ея жизнь, которую я и хочу разказать здѣсь.

III.

Познакомимся сначала съ отцомъ и дѣдомъ Татьяны читальщицы.

Отецъ ея, Андрей Нестеровъ Нахраповъ, былъ свободный хлѣбопашецъ села Л—ъ. Какъ многіе крестьяне этого села, и другихъ окрестныхъ се-

леній, Андрей съ малолѣтства пошелъ по «питейной части». Отецъ его Несторъ Савиновъ, тоже бо̀льшую часть жизни своей провелъ, служа по кабакамъ, да въ питейныхъ конторахъ. Впрочемъ, старшій Нахраповъ, когда сынъ его послѣдовалъ родительскому примѣру, уже нѣсколько времени какъ оставилъ питейную часть: ему не повезло какъ-то напослѣдокъ, онъ чуть было не сгнилъ въ острогѣ за черезчуръ уже рискованное дѣльцо, а потому и рѣшился домаячить свой вѣкъ дома, въ родномъ уголку. И сталъ Несторъ Савиновъ,—ему было тогда лѣтъ около сорока,—жить да поживать пріобрѣтеннымъ всячески прибыткомъ, размашисто погуливая на вольныя денежки и нисколько ихъ не сберегаючи. «Будетъ смышленъ Андрюшка, говаривалъ онъ, и самъ деньгу наживетъ, а я для него не работникъ. Вишь ты: не задалось мнѣ въ *хорошіе* люди выйдти, хоть я и не хуже кого другаго изъ нашей братьи умомъ да хитростію раскидывалъ. Вѣдь чего, чего не принялъ я на своемъ вѣку; и побоевъ, и страху разнаго, и больно много всякихъ трудовъ и скорбей, да и грѣха довольнотаки на душу прихватилъ... А что̀ много, что-ль, нажитку у меня осталось?.. такъ, пустяки сущіе.. Но что̀ мое, то мое. Я наживалъ, я самъ и проживу, а Андрюшкѣ, дураку эдакому, ничего не оставлю; да ему такія деньги и въ прокъ, пожалуй, не пойдутъ. Пускай, какъ пришли, такъ и уходятъ!.. И

того для Андрюшки довольно, что я его рòдилъ, да вотъ дорогу широкую указалъ. Чего жь еще больше-то?..»

Такія разсужденія Несторъ Савиновъ повершилъ самымъ дѣломъ, а потому сынъ его, Андрюшка, съ одиннадцати-лѣтняго возраста сталъ жить на чужой сторонѣ, одинъ-одинешенекъ безъ присмотра, безъ призора. Много обидъ и горя онъ вытерпѣлъ, много всякаго зла увидѣлъ, и научился помаленьку, но крѣпко-накрѣпко, многимъ дурнымъ дѣламъ. Онъ имѣлъ умъ быстрый, смѣтливый, хитрый, предпріимчивый, а нравъ—скрытный, смѣлый до дерзости, необыкновенно-упорный и жестокій; совѣсти же онъ совсѣмъ не имѣлъ. Лгать всегда и передъ всѣми, обманывать и обкрадывать всякаго, кто входитъ съ нимъ въ какія-либо сношенія, поступать такимъ образомъ иной разъ и не изъ корысти, а изъ какого-то особеннаго удовольствія, *для практики*, какъ онъ выражался, вотъ въ чемъ заключалась вся жизнь Андрея Несторова Нахрапова, вотъ въ какой сферѣ вращались всѣ его стремленія, надежды и дѣйствія. Онъ чрезвычайно скоро постигъ всю грамоту и весь смыслъ той глубоко-растлѣнной среды, которая у насъ въ народѣ слыветъ подъ названіемъ *питейной части*. Двадцати двухъ лѣтъ отъ рожденія онъ уже управлялъ откупомъ въ какомъ-то уѣздномъ городкѣ, гдѣ, впрочемъ, недолго пробылъ. Съ тѣхъ поръ онъ занималъ все-

гда должности управляющихъ или главныхъ ревизоровъ по большимъ откупамъ. Впрочемъ, часто, очень часто, приводилось ему мѣнять мѣста и хозяевъ, и почти нигдѣ добромъ онъ не оканчивалъ: то на него, бывало, насчитывали, то онъ насчитывалъ, то у него имущество задерживали, то онъ захватывалъ чужое имущество. Въ такихъ случаяхъ всегда заводились дѣла тяжебныя; дѣла эти тянулись, путались, перепутывались, но постоянно шли какъ-то въ пользу Нахрапова: онъ изъ воды сухъ выходилъ, а все потому, что со всякимъ чиновнымъ людомъ завсегда старался жить какъ можно лучше, не жалѣлъ для этого и хозяйскихъ денегъ, и хозяйскихъ водокъ. Всѣ рѣшительно чиновники, начиная съ мелкаго приказнаго полицейскихъ и судебныхъ мѣстъ и доходя до самаго судьи, заступающаго иногда въ уѣздѣ мѣсто представителя благороднаго сословія, находились у него на жалованьи, и всѣ эти признательные чиновники за благостыню, перепадавшую имъ отъ Нахрапова, готовы были при случаѣ всячески помогать такому ловкому человѣку. Впрочемъ, всѣ такіе процессы оканчивались обыкновенно мировыми, и, часто обманутые Нахраповымъ хозяева-откупщики считали совершенно-необходимымъ не только вновь приглашать, но даже всячески переманивать его къ себѣ на службу. Упомянемъ здѣсь хоть мимоходомъ о тѣхъ блистательныхъ качествахъ Нахрапова, ко-

торыя дѣлали его столь драгоцѣннымъ для откупныхъ дѣлъ. Никто лучше его не могъ *залить* сосѣдняго или управляемаго имъ самимъ откупа, когда этотъ откупъ, по новымъ торгамъ, долженъ былъ поступить черезъ два-три тѣсяца другому откупщику, и когда новый откупщикъ, по неопытности или по скупости, не принималъ отъ прежняго содержателя, по особой сдѣлкѣ съ нимъ, въ завѣдываніе свое всѣ откупныя дѣла, еще до окончанія срока содержанія [1]). Никто лучше Нахрапова не умѣлъ сдать въ казенное управленіе дурно-идущаго откупа. Никто проворнѣе и ловчѣе его не спускалъ съ рукъ ненужнаго больше разиню - партнера въ откупу, заставивъ его напередъ опорожнить свой карманъ для разныхъ пожертвованій, необходимыхъ будто бы для поддержанія откупнаго дѣла. Никто смѣлѣе и удачливѣе его не провозилъ въ откупъ дешеваго контрабаднаго вина съ винокуреннаго завода какого-нибудь *прогрессиста*-бари-

---

[1]) Вотъ объясненіе слова *залить*: если новый откупщикъ не принималъ отъ стараго заблаговременно откупа, Нахраповъ забиралъ изъ казеннаго подвала какъ можно больше вина и пускалъ его въ продажу уже не по четыре, пяти и шести рублей за ведро, а по той же цѣнѣ, по которой бралъ изъ казны, то-есть, по три рубля, а иногда даже дешевле, не входя, конечно, черезъ это въ убытки, ибо вездѣ, слава Богу, можно найдти вдоволь воды для надлежащаго «разспропливанія» которое оберегаетъ, по словамъ какого-то господина, православный народъ нашъ отъ нравственной порчи. Такого рода *залитіе* портитъ совершенно дѣла новаго откупщика, по крайней мѣрѣ на годъ.

на. Никто, при случаѣ, не былъ жесточе Нахрапова въ преслѣдованіи дерзкихъ крестьянъ - корчемниковъ, посягающихъ на покупку себѣ винца подешевле...

Но разкажемъ, также вкратцѣ, и о томъ, какъ именно происходили мировыя между Нахраповымъ и обманутыми имъ хозяевами. При такихъ великолѣпныхъ случаяхъ обыкновенно шелъ пиръ горою, и великодушіе обѣихъ сторонъ выказывалось въ широкихъ размѣрахъ. Хозяинъ, подпивши и обнимаясь съ мошенникомъ, но нужнымъ ему для извѣстныхъ цѣлей человѣкомъ, говаривалъ, бывало, громогласно въ такихъ выраженіяхъ: «Ну, Богъ тебя проститъ! Надулъ ты меня, разбойникъ ты эдакой, важно надулъ! Да и то сказать, самъ я виноватъ, не вспомнилъ вовремя одиннадцатую заповѣдь: «не зѣвай». Ну, поцѣлуемся же... Теперь, братъ, заживемъ мы съ тобой душа въ душу. Я, вѣдь, на тебя крѣпко надѣюсь...» А нужный человѣкъ, конечно, никогда незабывающій одиннадцатую заповѣдь, цѣловалъ обыкновенно своего патрона и въ плечо, и въ локоть, и въ грудь, слезы даже иногда при этомъ выдавливалъ изъ глазъ, да приговаривалъ, тихонько, такъ однако, чтобы никто, кромѣ патрона, не слыхалъ его объясненій: «Виноватъ, благодѣтель! врагъ попуталъ, нужда смертная была... а вотъ теперича, да на семъ же мнѣ мѣстѣ провалиться, и пусть глаза мои лопнутъ,

если пощечусь хоть на волосъ отъ вашей милости... Да я вѣкъ буду помнить... благодѣтель вы мой великій!.. А вотъ насчетъ-то дѣльца...» и прочее, все въ такомъ же родѣ.

Недаромъ Андрей Нахраповъ жилъ, дышалъ и дѣйствовалъ въ этой тлетворной гнусной средѣ, съ каждымъ днемъ все совершенствуясь во лжи обманѣ, воровствѣ и съ каждымъ же днемъ все больше и больше позабывая Бога и всякую правду: такая жизнь, такія дѣйствія шли въ прокъ ему постоянно. Къ двадцати шести-семи годамъ отъ роду онъ вышелъ уже въ купцы третьей гильдіи, накопилъ себѣ значительный капиталъ, который былъ бы еще значительнѣй, еслибъ не владѣла имъ всесильно одна великая страсть: любилъ онъ женщинъ до безумія, и на удовлетвореніе своихъ неодолимыхъ порывовъ тратилъ иногда черезчуръ много денегъ. Это безсиліе совладѣть съ столь дорого обходившеюся страстію повергало его по временамъ въ горькое отчаяніе; онъ бѣсновался, проклиналъ себя за свою «лихую болѣсть», какъ называлъ онъ ее, и все-таки служилъ постоянно, какъ самый вѣрный рабъ, своей несчастной страсти.

Разъ, въ губернскомъ городѣ, куда, незадолго предъ тѣмъ, онъ попалъ управляющимъ откупными дѣлами, увидалъ онъ простую мѣщанскую дѣвушку, молоденькую круглую сироту, жившую у старухи-тетки. Дѣвушка эта была красоты поразительной

Страсть къ ней, страсть неистовая, овладѣла Андреемъ Нахраповымъ. Обладать ею во что̀ бы ни стало сдѣлалось постоянною его мыслію. Онъ употреблялъ для этой цѣли всѣ средства, къ позору нашего общества, столь хорошо извѣстныя и не однимъ Нахраповымъ. Но дѣвушка была непобѣдимо-честна и тетка ея тоже; соблазнить ихъ не было никакой возможности; а употребить какой-нибудь обманъ или насиліе, — дѣло у насъ довольно обыкновенное, — тоже было нельзя: домъ тетки былъ въ центрѣ города, близко базара и церкви, на людной улицѣ; сосѣдніе дома принадлежали людямъ хорошимъ: при всемъ этомъ дѣвушка наша рѣшительно никуда одна не выходила. Андрей Нахраповъ, увѣрившись наконецъ въ безполезности своихъ обыкновенныхъ усилій, не долго раздумывалъ, какъ покончить дѣло: онъ рѣшился жениться на бѣдной дѣвушкѣ.

Напрасно откупщикъ, какой-то отставной корнетъ, но потомокъ старинной дворянской фамиліи, человѣкъ чрезвычайно напыщенный и горделивый, отсовѣтывалъ Нахрапову жениться на дѣвушкѣ бѣдной, незначащей, да при томъ еще мѣщанскаго происхожденія. Баринъ этотъ, изволите ли видѣть, былъ зараженъ аристократизмомъ, и ему казалось, что кліентъ его въ этомъ случаѣ дѣлаетъ величайшую глупость.

— Помилуй, братецъ, Андрей Несторычъ, гово-

рилъ онъ, — да ты съ ума сошелъ! Ну, развѣ она партія тебѣ?... Ты совсѣмъ полоумный! Вотъ нашелъ себѣ пару!... Ты человѣкъ умный, дѣловой, уже купецъ, стоишь на такой отличной дорогѣ, и вздумалъ жениться на какой-то глупой мѣщанкѣ! Помилуй, Андрей Нестерычъ! Да развѣ это возможно? Ну, подумай только, ради Господа!... Вѣдь ты погубишь себя и можешь испортить свою карьеру.... Видишь ли, при слѣдующихъ торгахъ я думаю взять тебя въ дольку хоть по одному городу. Что̀ тебѣ все прижиматься-то? Пора и въ ходъ пустить что̀ пріобрѣлъ всякими, чай, неправдами....

При послѣднихъ словахъ баринъ-откупщикъ прищурился лукаво, еще лукавѣй поглядѣлъ на Нахрапова, такъ поглядѣлъ, какъ будто хотѣлъ выразить взоромъ: «Ну, что, братъ? ты думаешь, мы и не можемъ понять и раскусить тебя? Нѣтъ, погоди!... мы сами знаемъ, что такое одиннадцатая заповѣдь; мы сами съ усами, хоть и не одной съ тобою масти...» Потомъ, не давъ Нахрапову времени на возраженіе, баринъ продолжалъ важнымъ, наставительнымъ тономъ:

— Итакъ, братецъ, я думаю взять тебя въ долю, понимаешь? А тамъ, если дѣла наши пойдутъ хорошо, ты и самъ на слѣдующее четырехлѣтіе снимешь какой-нибудь городишечко, я помогу тебѣ и въ этомъ.... ну, а потомъ, коли Богъ благословитъ, ты можешь далеко пойдти. Мало ль я знаю людей

которые какъ ты же начинали, а оканчивали милліонами, становились весьма почтенными членами общества и даже пользу великую приносили? Вотъ хоть напримѣръ, Гаврила Терентьевичь Хмуринъ, въ генеральскомъ чинѣ теперь, каммергеръ.... А всему причиною отецъ его, который былъ истый государственный человѣкъ, хоть и не разъ, говорятъ, сѣкали его за разныя плутни.... Ты также малый съ головой, дѣльный, расторопный: я всегда отдавалъ тебѣ справедливость. Теперь, посмотри внимательно, куда я тебя довожу: лѣтъ черезъ десять, эдакъ, ты совсѣмъ можешь выйдти въ люди, тогда по своимъ операціямъ и разнымъ связямъ, ты долженъ будешь играть очень немаловажную въ обществѣ роль; придется тебѣ входить въ сношенія съ людьми высшаго полета; придется тебѣ давать завтраки, обѣды, балы, тоже принимать у себя.... и что жь ? для всего этого какая будетъ у тебя поддержка?... Жена , чтоль, мѣщанка, которая не съумѣетъ слова путнаго промолвить?

— Эхъ, батюшка Нилъ Александровичъ, возразилъ Нахраповъ, кусая кончики темнорыжихъ усовъ своихъ, — напрасно вы такъ изволите безпокоиться на нашъ счетъ. Я вотъ-съ, сударь , какъ думаю: коли бъ Господь сподобилъ намъ выдти въ люди, такъ мы не хуже бы кого-иного къ ставцу лицомъ сѣли, даромъ что изъ сиволапыхъ. Вѣдь вся суть-то въ насъ тогда будетъ, а не въ женѣ нашей

жену-съ мы про себя припасемъ, а не про кого-нибудь. Гдѣ ужь намъ, дуракамъ, женами поддерживаться, не таковское наше дѣло; эвто дѣло какъ есть, сударь, дворянское, а мы, хоть бы и въ купцы первостатейные вышли, такъ все-таки-съ на самихъ себя опираться будемъ. Хлѣбомъ-солью мы никому не станемъ набиваться, а коли бъ и пришлось кого покормить, такъ тутъ главное-то дѣло денежки, чтобы всего, то-есть, было въ достатокъ. Да и во всемъ вѣдь такъ: все деньги, да деньги, а жена въ эвдакихъ дѣлахъ зачѣмъ нужна?... Такъ-то, сударь! А я вамъ наотрѣзъ теперь доложу: задумалъ я эвто дѣльцо самъ съ собою, и крѣпко на крѣпко такъ то-есть, чтобы сдѣлать безпремѣнно, — и таки сдѣлаю....

— Ну, вѣдь съ тобой не сговоришь, проворчалъ съ нѣкоторою досадою Нилъ Александровичъ, — упрямъ ты, какъ лошадь съ норовомъ. Коли такъ, чортъ же съ тобой!... Дѣлай, какъ хочешь. Была бы честь съ моей стороны приложена, послѣ только не пеняй на меня.

— Ничего-съ, пенять ни на кого не будемъ.... А браниться и черкаться напрасно изволите....

И не одна любовь къ Марьѣ Семеновнѣ (такъ звали молодую дѣвушку) продиктовала Нахрапову такой рѣзкій отвѣтъ на всѣ совѣты и увѣщанія патрона; онъ былъ страшно упрямъ и своеобычливъ, никогда ни съ кѣмъ въ дѣлахъ не совѣты-

вался, но рѣшалъ ихъ своимъ собственнымъ разумомъ; а въ настоящемъ случаѣ всего менѣе могъ онъ допустить, чтобы чужое мнѣніе возобладало надъ внушеніями его страсти.

Послѣ описаннаго нами разговора, Нахраповъ живо принялся за сватовство. Однако къ крайнему его изумленію, оно пошло не очень удачно. Онъ твердо надѣялся, что эта мѣщаночка, удостоенная его вниманія, безъ ума обрадуется, какъ только провѣдаетъ о лестномъ предложеніи быть его счастливою супругой; онъ еще больше надѣялся на успѣхъ со стороны тетки, — но ничего не бывало: и тетка, и племянница вовсе не обрадовались такому жениху. Прежнія, долгія и нахальныя старанія Нахрапова обольстить Марью Семеновну были слишкомъ памятны имъ и вселяли въ нихъ обѣихъ недовѣрчивость и отвращеніе къ нему. Особенно замѣтно было это въ молодой дѣвушкѣ. Живя въ средѣ невѣжественной и глубоко-зараженной всѣми пороками городской жизни, она безпрестанно видѣла вокругъ себя примѣры самыхъ безнравственныхъ паденій, но примѣры эти не имѣли на нее пагубнаго вліянія: особенныя счастливыя обстоятельства, развивъ ее несравненно выше понятій той сферы, къ которой она принадлежала, придали свѣтлому отъ природы уму ея прямоту и силу, и сохранили въ ней чистоту душевную.

Она была крестница старушки генеральши Ме-

дынской, которая жила отъ нихъ дома черезъ два. Эта старушка, чрезвычайно-добрая, вся посвятившая себя моленію Богу да дѣламъ добра, была умна, довольно образована, ровнаго, тихо-веселаго характера и имѣла одинъ только недостатокъ, слабость воли. Эта-то старушка всѣми способами содѣйствовала прекрасному развитію нравственной стороны своей крестницы. Сама тетка ея, женщина ума ограниченнаго, но сохранившая чистыя нравственныя понятія, не была увлечена лестнымъ предложеніемъ управляющаго откупомъ, купца, который водилъ хлѣбъ-соль съ господами, человѣка *не пьющаго*. Впрочемъ и не мудрено: говорили въ народѣ, что Андрей Нестерычъ вовсе Бога не боится, черезчуръ немилостивъ, никогда виноватому не прощаетъ и наругается надъ несчастнымъ.

Ему были извѣстны отношенія Марьи Семеновны и тетки ея къ генеральшѣ Медынской, и чрезъ нее-то рѣшился онъ окончательно устроить свое дѣло. Онъ принялся за это ловко и умно. Спровѣдавъ, что на набожную генеральшу имѣетъ сильное вліяніе духовникъ ея, человѣкъ старый, добродушный, но весьма недальный и къ тому же нѣсколько корыстолюбивый, Нахраповъ обратился къ нему и всякими средствами склонилъ стараго священника на свою сторону. Скоро дѣла Андрея Нестеровича стали поправляться; по крайней мѣрѣ генеральша, знавшая о его предложеніи, перестала смотрѣть

на него враждебно. Наконецъ, черезъ своего покровителя онъ добился свиданія съ генеральшей.

— Помилуйте-съ, ваше превосходительство, сказалъ онъ ей жалобнымъ тономъ и со слезами на глазахъ, — соблаговолите войдти въ наше положеніе-съ... Вотъ таперича мы совершенно хлѣба лишились отъ пламенной страсти къ крестницѣ вашей, Марьѣ Семеновнѣ... руки готовы на себя наложить, если то-есть не будетъ ваше и ихнее къ намъ соблаговоленіе... Окажите божескую милость... на вашу только особу-съ и надежды таперича имѣемъ...

— Ахъ, мой голубчикъ, отвѣчала набожная генеральша, — какъ же быть-то мнѣ? Слышала я, что ты сватаешься за мою крестницу; но она не желаетъ, кажется, выходить за тебя, да врядъ ли и вовсе есть у нея желаніе оставить дѣвическую жизнь... Ты, голубчикъ, ужь пожалуста успокойся; малый ты молодой, легко можешь найдти себѣ и другую невѣсту...

— Помилуйте-съ, возразилъ Андрей Нестеровичъ, — да какъ же это возможно?... Ужь на счетъ другой невѣсты, ни за что мы не измѣнимъ Марьѣ Семеновнѣ, по *гробъ смерти* будемъ имъ вѣрны въ любови. Да мы жить безъ нихъ совсѣмъ-таки не можемъ... Дозвольте таперича откровенно, какъ передъ Богомъ, доложить вамъ наши причины...

— Что жь, батюшка, говори, сказала генеральша

съ нѣкоторою досадою, — но и я выскажу тебѣ все откровенно: слышала я, что ты позволилъ себѣ, прежде настоящаго сватовства, имѣть на мою крестницу скверные виды... такъ, по моему, и она и тетка ея имѣютъ заслуженное къ тебѣ отвращеніе. Да и какъ ты смѣлъ подумать такъ дурно о честной дѣвушкѣ?... Развѣ потому, что она бѣдна, такъ ты, Бога не боясь, оскорбилъ ихъ!

Говоря это, старушка не на шутку разгнѣвалась. Нахраповъ опустилъ было голову въ смущеніи; но скоро нахальный умъ его продиктовалъ ему хитрый отвѣтъ.

— Ахъ, ты Господи! вотъ оно-съ, ваше превосходительсто, что значитъ наша простота, необразованность... Все это, матушка, отъ того-съ произошло, что мы ужь оченно дорожимъ супружескою честью... по глупому нашему разуму, мы вздумали было испытать Марью Семеновну въ ихней добродѣтели... Что будешь дѣлать, — врагъ, значитъ, попуталъ!... Ужь вы, матушка, перемѣните гнѣвъ на милость, вѣдь я это сдѣлалъ единственно по простотѣ сердечной, ради, то-есть, сбереженія чести на предбудущее время... Ваше превосходительство, простите великодушно...

И Андрей Нестеровичъ повалился въ ноги генеральшѣ. Объясненіе его объ испытаніи и сбереженіи чести показалось очень наивнымъ старушкѣ: она невольно разсмѣялась.

— Встань, голубчикъ, пожалуста, сказала она весело, — право, ты оригинально объясняешься...

— Ну, покорнѣйше васъ благодаримъ, ваше превосходительство, сказалъ онъ, уже пріободрившись, — а теперь я вотъ еще что доложу. Вы, матушка, ужь извините меня на такихъ рѣчахъ... матерія эвта будетъ печальная, хоть оно отъ слова-то ничего не станется... Вѣдь въ чемъ дѣло?.. Марья Семеновна, дѣвушка молодая, деликатная, по милости вашей, отъ обычая мѣщанскаго ужь и поотстала... Ну, а какъ приведетъ Богъ, осиротѣетъ она? въ животѣ, въ смерти Богъ воленъ, и всѣ мы люди, всѣ человѣки... ну, какъ васъ-то и тетку Господь приберетъ?.. Что она тогда дѣлать станетъ?.. Сама она дѣломъ заняться не съумѣетъ, изъ чужихъ рукъ все привыкла смотрѣть; придется въ чужіе люди пойдти... а куда пойдти?... вѣдь у ней сродниковъ никого нѣтъ!... Сердце кровью обливается, какъ вспомнишь про эвто....

Андрей Нестеровичъ нешутя заплакалъ. На генеральшу вдругъ напало сильное безпокойство. Бѣдная старушка, отъ которой недалека уже была смерть, почувствовала особенную слабость и въ рукахъ и въ ногахъ.

— Ахъ, Боже мой! сказала она печально: — вотъ ты, голубчикъ, началъ за здравіе, а свелъ за упокой.

— А какъ же быть-то, сударыня?... возразилъ Нахраповъ, — на томъ свѣтъ давнымъ-давно стоитъ:

старые умираютъ, молодые женятся. На то воля Божья... А вы вотъ что разсудите: въ такомъ случаѣ, неужто Марьѣ Семеновнѣ безъ призору остаться?.. Вѣдь мы знаемъ, матушка, что при всей вашей милости къ ней, не очень-то много пожалуете ей при концѣ, какую-нибудь тысчонку, другую, да отъ тетки старенькой домишечко останется, а онъ того гляди совсѣмъ развалится... ну, велика ли такая благостыня?.. Тутъ-то и пойдутъ всякіе соблазны... а кто за нее, сироту круглую, при бѣдѣ какой, при нуждѣ всяческой, вступится?.. Вѣдь заклевать могутъ!.. Ныньче свѣтъ-то мудренъ, вотъ и нашему брату, — даромъ, что у насъ самихъ тоже клыки имѣются, — и то трудненько жить. Таперича я покончу рѣчь: чтобы Марьѣ Семеновнѣ избѣжать нужды и труда непосильнаго, надо ей безпремѣнно мужа вовремя избрать... А на что ей лучшаго мужа, супротивъ хоть бы меня?... Да вы не смѣйтесь-таки, матушка, право, ей-Богу, такъ! Я ее очень люблю, состояньице у насъ изрядное, въ купцы мы вотъ вышли... Ваше превосходительство! заставьте за себя вѣчно Бога молить! устройте нашу участь!...

Грубое, но живое краснорѣчіе Нахрапова, его слезы и рѣчь, оригинальная и наивная, самая наружность его, красивая, оживленная умнымъ и бойкимъ выраженіемъ, все это сильно подѣйствовало на старушку-генеральшу. Съ перваго же разговора съ нимъ она рѣшительно перешла на его сторону,

и очень скоро склонила въ его пользу и тетку Марьи Семеновны. Обѣимъ старушкамъ стало казаться, что лучше жениха нельзя ожидать для молодой дѣвушки, что выйдти замужъ ей необходимо, что Нахраповъ долженъ быть очень хорошій человѣкъ: изъ крестьянъ онъ вышелъ уже въ купцы, занимаетъ важную должность въ городѣ, трудами, умомъ и ловкостью составилъ себѣ хорошее состояніе, не пьетъ, не гуляетъ, а Машу страстно любитъ и клянется составить ея счастье, избавить отъ всякихъ нуждъ и бѣдъ въ случаѣ ихъ смерти. Этихъ причинъ было слишкомъ достаточно, чтобы заставить обѣихъ старушекъ дѣйствовать рѣшительно въ пользу Нахрапова.

Но и при всемъ этомъ, дѣло не такъ-то скоро кончилось. Маша питала къ Андрею Нестеровичу непреодолимое, какъ я уже выше сказалъ, отвращеніе, смѣшанное съ странною боязнью: она безпрестанно умоляла генеральшу и тетку, непремѣнно и какъ можно скорѣе отказать постылому жениху. Но напрасно боролась бѣдная дѣвушка противъ намѣреній Нахрапова, поддерживаемыхъ узкими видами обѣихъ старушекъ; напрасно отталкивала она всею душею и всею волею, невѣдомую и тѣмъ еще болѣе страшную неволю. Докучныя просьбы Маши, ея горькія слезы, ея порывистая, мрачная тоска были крѣпко не по сердцу ея покровительницамъ. Онѣ даже возстали противъ нея за ея сухое, черезчуръ

дикое обращеніе съ Андреемъ Нестеровичемъ; имъ казалось безумнымъ такое поведеніе Маши, а въ женихѣ онѣ часъ отъ часу находили все больше достоинствъ. Его ловкій, изворотливый умъ, оригинальное и, повидимому, откровенное выраженіе самыхъ задушевныхъ мыслей, его наивная способность смѣло касаться самыхъ щекотливыхъ предметовъ, его неистощимая, разнообразная веселость, а главное, постоянная любовь къ Машѣ, все это совершенно обольстило обѣихъ старушекъ. Онѣ полюбили Андрея Нестерыча, онѣ даже стали почти гнать за него Машу.

Наконецъ бѣдная дѣвушка изъ силъ выбилась въ этой борьбѣ, и, чтобъ успокоить крестную мать и тетку, рѣшилась выйдти замужъ за Нахрапова. Скоро была сыграна свадьба. Много слезъ стоила она Машѣ; кое-какъ она преодолѣла въ себѣ боязнь и отвращеніе къ жениху, но вдругъ обхватили ее горькія предчувствія, и ихъ-то она уже не могла одолѣть. Блѣдная, грустная, трепещущая, вѣнчалась она съ Андреемъ Нестеровичемъ. Много было толковъ о печальной невѣстѣ; говорили, что она любила какого-то студента, ѣздившаго часто прошлымъ лѣтомъ къ генеральшѣ, судили-рядили, что не даромъ, дескать, Марья Семеновна, выходя замужъ за такого отличнаго жениха, такъ боится его....

Но генеральша и тетка не обратили особеннаго

вниманія на тоску молодой дѣвушки. Имъ казалась она совершенно естественною при перемѣнѣ дѣвической жизни.

Только одинъ человѣкъ оцѣнилъ, какъ слѣдуетъ, душевное состояніе Маши, неперемѣнившееся и послѣ свадьбы, несмотря на то, что Андрей Нестеровичъ накупилъ молодой женѣ своей пропасть обновъ и подарковъ. На бѣду, во все время сватовства Нахрапова, человѣкъ тотъ былъ въ отсутствіи, а то не бывать бы этому браку.

То былъ великій чудакъ, учитель уѣзднаго училища, Николай Петровичъ Петровъ, извѣстный въ губернскомъ обществѣ подъ названіемъ *Сенеки*. Богъ вѣсть когда, Богъ вѣсть по какому случаю и кѣмъ дано такое мудреное прозвище Николаю Петровичу; но оно прочно держалось за нимъ, всѣмъ было извѣстно, даже простолюдинамъ, которые передѣлали его по своему, и знаменитое имя римскаго философа обратили въ *Сеняку*. Съ любовью, съ уваженіемъ смотрѣлъ я всегда на этого чистаго человѣка и не могу утерпѣть, чтобы не познакомить съ нимъ покороче читателей.

Онъ былъ небольшаго роста, широкоплечъ, но худощавъ и сгорбленъ, какъ дряхлый старикъ; голова его была уже вся сѣдая, хоть ему еще не было пятидесяти лѣтъ. Невысокій лобъ его былъ гладокъ, бѣлъ и округленно-выпуклъ, какъ лобъ женщины. Всѣ же прочія, неправильныя черты его

лица: маленькіе, темносѣрые глазки, любопытно выгладывавшіе изъ глубокихъ глазныхъ впадинъ, надъ которыми нависли взъерошенныя брови; скулистыя щеки, изрытыя рябинами, тонкій, но къ низу расплывшійся носъ, большой ротъ съ толстыми губами и угловатый подбородокъ, составляли физіономію некрасивую, но исполненную выраженія необыкновенной доброты и кротости, физіономію, какъ-то напоминавшую лицо трапписта въ знаменитой картинѣ Деннера, только безъ грустнаго и сосредоточеннаго выраженія, какое придалъ художникъ своему трапписту.

Сенеку любили горожане и простой народъ. Онъ всегда былъ готовъ идти ко всякому съ посильною помощью: лѣчилъ, и всегда необыкновенно удачно, простыми и часто ему только извѣстными средствами; подавалъ житейскіе совѣты, когда дѣло шло о чемъ-нибудь добромъ; наставлялъ на путь истинный; не прочь былъ и попрекнуть за дурное, но безъ всякой горечи, кротко и съ любовью. Съ тѣхъ поръ, какъ поселился онъ въ этомъ городѣ, ни одна мировая безъ него не проходила. Люди, сами пожелавшіе прекратить миромъ ссору свою или тяжбу, считали всегда обязанностью, передъ заключеніемъ мировой, явиться къ *Сенекѣ*.

— Да, братцы вы мои! говорилъ имъ, бывало, *Сенека*: — вы вздумали преотлично. Спасибо, что про меня не забыли въ святомъ дѣлѣ... Да знаете ли

вы, что самъ Христосъ вамъ такую мысль внушилъ?.. Помните, что въ Писаніи сказано: «да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ!...»

И примирялись противники тутъ же братскимъ поцѣлуемъ, а на такой радости Николай Петровичъ угощалъ ихъ простенькимъ чайкомъ, да подносилъ имъ по рюмкѣ водки, и непремѣнно требовалъ, чтобы они, въ знакъ вѣрнаго, крѣпкаго мира, съѣли отъ одного ломтя по куску хлѣба съ солью. Это имѣло видъ какого-то обряда.

Уваженіе народа къ *Сенекѣ* было смѣшано съ особеннымъ, глубокимъ и почти нѣжнымъ чувствомъ, въ родѣ того, какое въ прежнее время имѣлъ народъ нашъ къ юродивымъ.

Любили Николая Петровича и ученики его. Въ классахъ унималъ онъ задорный народецъ кроткими или шутливыми словами, а когда раздавались за нимъ на улицѣ крики: «ребята, Сеняка идетъ!» онъ подзывалъ къ себѣ мальчишекъ и твердилъ имъ, что не *Сенякой* надо его называть, а ужь если хотятъ, то *Сенекой*. И не одного шалуна, лѣнтяя, тупицу и даже негодяя сдѣлалъ онъ хорошимъ ученикомъ.

Но эта снисходительность къ маленькому народу не разъ навлекала на него начальническіе выговоры, а однажды изъ-за ней онъ чуть было не лишился мѣста. Новому штатному смотрителю училища на первыхъ порахъ показалось, что всѣ уче-

ники изъ рукъ вонъ перебалованы. Приказавъ учителямъ какъ можно строже обращаться съ учениками, онъ и самъ усердно принялся за исправленіе бѣдныхъ мальчугановъ. Въ короткое время, розгами, всякими наказаніями и неистовымъ крикомъ своимъ онъ навелъ на нихъ великій страхъ. Но скоро простой случай унялъ этого задорнаго пѣтуха.

Разъ, онъ шелъ преважно по улицѣ; вдругъ изъза угла выбѣжала къ нему на встрѣчу толпа учениковъ и другихъ ребятишекъ. Оторопѣвъ, они крикнули полушопотомъ: *Антонъ Антонычъ*! (Такъ звали смотрителя). Онъ взбѣсился, затопалъ ногами, кинулся на нихъ и закричалъ: «вотъ я вамъ дамъ... Антонъ Антонычъ!» Мальчики проворно отбѣжали и, уже съ явнымъ намѣреніемъ подразнить его, стали повторять одно его имя... Съ этихъ поръ, бывало, только носъ покажетъ на улицу смотритель, какъ мальчишки, лавочники и всякіе горожане, кричатъ ему вслѣдъ: «у, у! Антонъ Антонычъ! Антонъ Антонычъ!..» Это бѣсило Антона Антоныча до того, что онъ чуть съ ума не сошелъ. Онъ пожаловался директору, прощалыгѣ-нѣмцу, и наговорилъ, что во всемъ виноватъ *Сенека*, избаловавшій донельзя учениковъ. Директоръ былъ врагъ безпорядковъ и считалъ себя особенно призваннымъ къ водворенію всякой тишины; онъ рѣшилъ было дѣло самымъ административымъ обра-

зомъ: *Сенекѣ* приказалъ подать въ отставку, а Антону Антонычу вмѣнилъ въ обязанность какъ можно чаще сѣчь учениковъ. Однако, горожане нашли дѣйствительные способы перемѣнить администраторскій гнѣвъ на милость, *Сенека* остался учителемъ, а Антонъ Антонычъ былъ переведенъ въ другой городъ.

Любили *Сенеку* и другіе, высшіе обитатели города, начиная съ помощниковъ столоначальниковъ и доходя до совѣтниковъ разныхъ палатъ. Знали про него, какъ про большаго чудака, предсѣдатели палатъ, жандармскій штабъ-офицеръ, вице-губернаторъ, даже самъ губернаторъ, — знали и иногда изволили снисходительно отзываться о немъ, «что онъ человѣкъ безвредный; жаль только, что своимъ лѣченіемъ частенько хлѣбъ у докторовъ отбиваетъ.»

Что дѣйствительно *безвреденъ* былъ *Сенека*, у котораго, впрочемъ, за классами часто шумѣли мальчишки, этого нельзя было не видать; но по отношеніямъ своимъ къ обществу онъ, точно, былъ большой чудакъ.

Никогда не хотѣлъ онъ устроить хоть нѣсколько поспокойнѣе свою независимую жизнь, и обезпечить себя на время старости и болѣзней, а между тѣмъ онъ такъ легко могъ бы воспользоваться всеобщею любовью горожанъ. Никогда онъ не принялъ подарка отъ людей, даже совершенно имъ облагодѣтельствованныхъ. Онъ былъ холостъ и

чрезвычайно скроменъ въ образѣ жизни, однако частенько нуждался въ самомъ необходимомъ, и, несмотря на это, всегда хотѣлъ жить не на общественную милостыню, а на свое бѣдное жалованье. Въ дивномъ безкорыстіи своемъ рѣзко противорѣчилъ онъ направленію общества, среди котораго жилъ. Глядя на него, думалось иногда, что ужь не сознательно ли, въ простотѣ и чистотѣ своей душевной, возлагаетъ онъ на себя этотъ крестъ нищелюбія, выкупая терпѣніемъ своимъ глубоко-вкоренившійся грѣхъ общественный...

Онъ никогда не отказывался вмѣшиваться въ общее или частное дѣло, если вызывали его на мнѣніе, на совѣтъ, на участіе. «Нѣтъ,» говаривалъ онъ, «не по мнѣ пословица: не мой возъ, не мнѣ и везти. Ужь коли живу я въ міру, такъ всякое дѣло мірское — мое дѣло. Хорошее оно, надо его поддержать, не выпускать его изъ глазъ; дурное, — надо попробовать, не уступитъ ли оно мѣсто хорошему. Надо только приниматься за дѣло съ Божіею помощію, никакъ не кривя душою, да не слѣдуетъ братній грѣхъ осуждать, нельзя за грѣхъ брезгать человѣкомъ... А то, что толку для себя и про себя только жить? Развѣ такъ указано отъ Бога?.. Не пришло, знать, время всѣмъ разомъ проснуться... Такъ надо же тѣмъ открывать полное око, кто видитъ, что пора... что сѣкира уже у корня...» Иногда рѣчи его бывали темны и мистичны; но и тѣ не-

рѣдко дѣйствовали благодѣтельно на людей, входившихъ съ нимъ въ соотношенія, — особенно же на простолюдиновъ.

Его привычки, все обращеніе съ людьми, его добродѣтель не кололи глазъ ближнему. И терпимость его къ людямъ была велика, безгранична; онъ не отстранялъ себя отъ нихъ, не боялся вблизи смотрѣть на ихъ страсти и пороки, онъ не пренебрегалъ и ихъ мелкими дѣлишками, ихъ нелѣпыми заботами, ихъ занятіями, ихъ принужденными и не веселыми, большею частію, забавами.

Это былъ характеръ исключительный, сложившійся подъ живымъ вліяніемъ твердой, простой, не мудрствующей вѣры въ Евангельскую заповѣдь: «возлюби ближняго твоего, яко самъ себя.» Это былъ человѣкъ, чистое, благодушное вліяніе котораго принималось даже натурами, глубоко погрязшими въ темной суетѣ житейской.

Сенека любилъ Машу съ нѣжностію отца, и было горько ему видѣть ее отданную въ добычу глубокоразвращеннымъ инстинктамъ Андрея Нестеровича. И сталъ Николай Петровичъ изъ всѣхъ силъ биться, чтобы сдѣлать посноснѣе жизнь Маши, чтобъ отвратить отъ нея бѣды, какихъ можно было ожидать отъ этого брака, въ которомъ душа чистой женщины была связана съ душой человѣка, сознательно полюбившаго тину житейскихъ мерзостей. Надо было бы чудо, чтобъ онъ могъ возстать, а

чудеса такъ рѣдко нынче бываютъ!... Духовная поддержка Сенеки нужна была теперь для Маши, какъ воздухъ.

Какъ мрачна казалась бѣдной Машѣ теперешняя жизнь ея! Душа ея безпрестанно ныла смертною тоскою. Съ какою печалію вспоминала она маленькую, уютную комнатку свою на свѣтелкѣ, гдѣ такъ тихо и стройно текло время въ работѣ и въ чтеніи! Съ какимъ унынiемъ озирала она теперь свою просторную спальню, свои большія комнаты, гдѣ почти никогда не было тишины, гдѣ съ утра до ночи раздавался павлиній голосъ ея мужа, который нагло бранилъ подчиненныхъ, нерѣдко сопровождая брань пинками и пощечинами, а то громко считалъ выручки, или же съ хвастовствомъ и крикливою развязностію принималъ посѣтителей.

Андрей Нестеровичъ, вопреки прежнимъ своимъ словамъ, сталъ требовать отъ жены, чтобъ она какъ можно чаще выходила къ его гостямъ и чтобы была «развязнѣе». Онъ недолго чинился съ нею; онъ сталъ учить ее уму-разуму по-свойски, только что пинковъ, да треуховъ пока не употреблялъ.

— Ну, что ты все въ углу-то сидишь? часто кричалъ онъ; — словно вареная, вяленая какая! Готова цѣлый день молча сидѣть, да изподлобья смотрѣть!.. Бабой ягой, что-ли, аль кіевскою вѣдьмой, прости Господи, думаешь подъ старость сдѣлаться, такъ спозаранку къ эвтому и навыкаешь?...

Все молчитъ! Слова путнаго сказать не хочетъ!.. Аль не хочешь насъ, эдакъ, словомъ-то удостоить.. Гордость напала... крестница енаральская!.. Ужь не развязать ли мнѣ язычокъ-то твой?...

А въ другой разъ начиналъ онъ учить ее обхожденію съ людьми.

— Послушай, Маша, ты подумай только!.. Нельзя жить въ міру, какъ въ темномъ лѣсу; надо все больше хитростію пробавляться. Съ волками жить, по волчьи выть. А ты какъ думаешь? кротостію, да смиренствомъ, да ласками нѣжными, али вздохами и слезами хочешь взять?.. какъ бы не такъ!... Зацѣпы надо имѣть, когти здоровенные, чтобы завсегда съ людьми-то справляться!.. Волчій зубъ, да лисій хвостъ — вотъ какъ по нашему!.. Вонъ, посмотри, Арина Силантьевна, жена кассира моего — персона не оченно важная, — анъ, подикась, какая развязная... Вѣдь какъ занятно говоритъ! И обо всемъ говорить мастерица, не скоро и нашъ братъ ее перекричитъ. Да чего? даже Ненила Ѳедоровна, жена какого-нибудь подвальнаго, и та какъ пустится, — такъ откуда что берется. А ты-то, моя сударыня? жалости достойно видѣть... Вѣдь ты тоже — жена начальника, а какая ты начальница?... Вареная, вяленая бабенка выходишь. Эхъ! кабы вовремя-то знатье, да вѣданье... И чортъ меня дернулъ...

Окончивъ, бывало, такимъ образомъ свои прак-

тическія наставленія, Андрей Нестеровичъ головой сильно тряхнетъ, махнетъ презрительно рукою и пойдетъ въ свой кабинетъ сорвать зло на комъ-нибудь изъ подчиненныхъ.

Но худо дѣйствовали на Марью Семеновну наставленія ея мужа. Съ каждымъ днемъ она становилась печальнѣе. Душу ея давили горькія предчувствія, мрачное уныніе. Невыразимо боялась она своего мужа. Она боялась его и въ тѣ минуты, когда онъ училъ ее уму-разуму, боялась и въ тѣ, когда онъ бывалъ спокоенъ, веселъ, и принимался ласкать ее. Его ласки, его веселость, шумныя, грязныя, грубыя, неуклюжія шуточки всегда волновали ее болѣзненно, она не вѣрила его веселости, ей всегда казалось, что эта веселость есть непремѣнная предшественница какой-нибудь яростной вспышки.

Нахраповъ почти совсѣмъ не пускалъ свою жену ни къ теткѣ, ни къ генеральшѣ.

— Вотъ еще, говорилъ онъ, — стану я пускать тебя къ пустымъ старушонкамъ.. Что тамъ дѣлать-то? На меня, чтоль, жаловаться?.. Ну, это еще погоди! А у нихъ занятнаго ничего нѣтъ и быть не можетъ. Какъ есть, дрянныя старушенціи. Лбомъ стукать передъ образами можно у нихъ только научиться,—ну, да тебѣ, матушка, раненько еще за богомолье приниматься. А еще-то какой благостыни ждать отъ нихъ?..

Стала было тетка Марьи Семеновны сама навѣ-

щать племянницу, такъ Андрей Нестеровичъ скоро отвадилъ ее отъ этого. Онъ такъ грубо обходился съ нею, такъ нагло насмѣхался, что она какъ-то разъ не вытерпѣла, побранилась съ нимъ, а онъ безъ церемоніи вытолкалъ ее въ сѣни, и съ тѣхъ поръ она не рѣшалась уже показаться въ домъ Нахрапова. Она возненавидѣла его, но стала жаловаться и на племянницу, считая ее неблагодарною къ себѣ и осуждая за то, что она никогда не вступалась за нее передъ мужемъ.

Генеральша тоже была сильно раздосадована Нахраповымъ, какъ за то, что онъ не дозволялъ Марьѣ Семеновнѣ ѣздить къ ней, такъ и потому, что пересталъ оказывать ей уваженіе. Кромѣ того, обращеніе его съ теткою было хорошо ей извѣстно. Она видѣла теперь, какъ дурно было замужество ея крестницы. Много горевала она о слабости своего характера, но иной разъ казалось ей тоже, что и Маша виновата отчасти въ поведеніи мужа, оттого виновата, что не останавливаетъ его грубыхъ порывовъ, не смягчаетъ его нрава.

Одно только утѣшеніе и оставалось у Марьи Семеновны: это посѣщенія Николая Петровича. Онъ почти каждый день являлся къ ней. Косо, даже враждебно, смотрѣлъ на него Андрей Нестеровичъ, однакоже никакъ немогъ рѣшиться высказать ему свое неудовольствіе, какъ женниой теткѣ. Этотъ грубый, безнравственный человѣкъ, не привыкшій

чиниться съ тѣми, кого считалъ ниже себя, велъ себя въ отношеніи къ *Сенекѣ* очень прилично. Онъ былъ сухъ къ нему, иной разъ какъ будто порывался даже подшутить надъ нимъ, но все-таки никогда наглость его не выходила изъ границъ.

За то бѣдной Машѣ крѣпко доставалось. Сколько грубыхъ упрековъ выслушивала она все за посѣщенія *Сенеки*! А раза два Нахраповъ угостилъ ее порядочнымъ пинкомъ. И это было только черезъ полгода послѣ свадьбы, когда Маша была уже беременна.

Но она все сносила терпѣливо. Никогда и ни въ чемъ она не поперечила мужу; при немъ сдерживала свои слезы, пересиливала свою печаль, старалась быть даже разговорчивою; только не могла смѣяться, да говорить громко и все какъ-то путалась въ словахъ, такъ что изъ рѣчей ея иногда выходила большая нескладица.

И все это служило къ усиленію неудовольствія Андрея Нестеровича.

— Эхъ! слова-то вымолвить не умѣешь! кричалъ онъ часто, передразнивая ее: — вотъ какую жаръ-птицу досталъ я себѣ на потѣшенье!... Срамъ въ люди показать.

Но иногда овладѣвало имъ нѣжное, горько-нѣжное чувство; ему жаль становилось своей бѣдной жены, ему горько бывало смотрѣть на ея худыя и блѣдныя щеки, на ея потухшіе, робкіе глаза, на ея

постоянно-тревожное лицо. Только никогда онъ не могъ поддержать въсебѣ это настроеніе духа, дать ему силу, дать ему возможность окрѣпнуть и сдѣлаться впослѣдствіи основнымъ чувствомъ жизни семейной: напротивъ, онъ всячески старался подавить въ себѣ это состраданіе къ женщинѣ, а чувство досады на жену раздувалъ въ себѣ какими-то особенными искусственными способами.

Скоро здоровье Марьи Семеновны совсѣмъ разстроилось; она болѣла безпрерывно, и родила очень трудно дочь Татьяну, дѣвочку тоже болѣзненную, которая чуть дышала.

— Ахъ ты, Господи! ворчалъ Андрей Нестерычъ: — вѣдь посылается же такое наказаніе!... Вотъ болѣть теперь вздумала, чахнетъ, ледѣетъ ни съ того, ни съ сего!.. А все отъ своихъ, какъ есть глупостей! Нѣтъ, чтобы жить по людскому, все сидитъ, да лежитъ; нѣтъ, чтобы похозяйничать, вести жизнь работящую, такъ и ѣла бы тогда больше и не чахла бы.... Вотъ еще, прости Господи, не было печали, такъ черти накачали!.. Да ты сама, моя сударушка, должна всячески беречь свое здоровье на тотъ конецъ, чтобъ быть мнѣ милой... Вотъ и дочь-то какая-то ледящая уродилась, цѣлый день пищитъ безъ умолку, надоѣла до смерти, хоть бы умирала поскорѣй!..

Горько плакала и уже не сдерживала тоски своей Марья Семеновна при такихъ словахъ мужа.

Съ каждымъ днемъ тоска ея усиливалась: она видѣла холодность Андрея Нестеровича къ бѣдной больной дѣвочкѣ. Стала бѣдная мать чахнуть съ каждымъ днемъ все сильнѣе. Только безграничная любовь къ больному ребенку, да родное участіе *Сенеки* поддерживали ее въ борьбѣ съ тяжкою долею.

—Терпи, моя голубушка, терпи, родная моя, говаривалъ ей безпрестанно *Сенека*, и въ простыхъ рѣчахъ его былъ высокій, пророческій порывъ:—Богъ не оставитъ тебя въ терпѣніи, Богъ наградитъ тебя въ будущемъ вѣкѣ... А здѣсь, вѣрь ты мнѣ, дѣвочка твоя жива будетъ, и выростетъ, и высокая доля ей достанется... Терпи, постоянно терпи! Унынію не поддавайся: уныніе большой грѣхъ...

А между-тѣмъ буйныя страсти насильственно и непреодолимо закипѣли въ душѣ Андрея Нестеровича. Сталъ онъ кутить размашисто и шумно, покинулъ жену, завелъ любовницу и предался всѣми силами, всею душою, дикому разврату. Къ счастію, въ то же самое время онъ пересталъ и поучать по-свойски Марью Семеновну уму-разуму и практическимъ правиламъ. Съ крайнимъ презрѣніемъ глядѣлъ онъ теперь на жену свою, но оставилъ ее въ покоѣ, избавивъ отъ своихъ упрековъ, намековъ, угрозъ и ругательствъ.

— Чортъ съ тобой! сказалъ онъ ей какъ-то: — сиди себѣ въ углу, да кисни, да ледѣй, да рюмы рас-

пускай... мнѣ до тебя теперича что̀ за дѣло?.. Да и на плаксу твою, скверную дѣвчонку, обращать вниманія не хочу.. Изъ-за васъ и домъ-то мой собственный постылъ сдѣлался!.. Эхъ! свѣтъ-то не клиномъ вѣдь сошелся!...

И съ этихъ поръ онъ почти покинулъ домъ свой: обѣдывалъ всегда или у любовницы, или у пріятелей, товарищей по кутежамъ, либо въ гостинницахъ, чрезвычайно рѣдко ночевывалъ дома, и Марья Семевна часто по цѣлымъ недѣлямъ въ глаза его не видала.

Такъ проходили мѣсяцы, годы. Бѣдная, покинутая женщина прострадала еще нѣсколько лѣтъ. Ребенокъ ея остался живъ и поправился. Привязавшись сильно къ матери, Таня дичилась отца, котораго рѣдко видѣла.

Но не станемъ подробно изображать горестную участь Марьи Семеновны. Она умерла, когда Танѣ только-что исполнилось пять лѣтъ.

При этой смерти, тихой и свѣтлой, на нѣсколько дней проснулась вся нѣжность Андрея Несторовича. Въ послѣдній разъ все, что̀ еще было въ душѣ его чистого, добраго, святаго, вспыхнуло послѣднимъ, слабымъ, но яркимъ пламенемъ.
Другъ ты мой безцѣнный! Маша!.. Ваиноватъ я, окаянный, передъ тобою... согрѣшилъ безъ чи-

сла... Ангелъ мой, ненаглядная!... Прости ты меня, грѣшнаго злодѣя!

— Господь тебя проститъ, отвѣчала умирающая, — я никогда на тебя сердца не имѣла.... Будь покоенъ! умираю, никого не осуждая.... Благослови тебя Господи на жизнь хорошую... Андрей Нестерычъ.... Таню не покинь!...

— Вотъ тебѣ Христосъ свидѣтель, буду любить, заниматься ею стану.

— Нѣтъ! ты ужь лучше отдай ее крестной моей матери.... ты занятой человѣкъ, некогда тебѣ будетъ, а тамъ у ней, да при Николаѣ Петровичѣ она воспитаніе будетъ имѣть.... А ты только навѣщай ее.... приласкай иной разъ.

— Какъ же это, Маша, возразилъ съ неподдѣльною печалью Андрей Нестеровичъ, — вѣдь она дочь мнѣ.

— Что жь дѣлать?... Ужь ты, ради Господа, отдай ее туда, повторяла со слезами умирающая, — тебѣ несвободно, нельзя будетъ.... Отдай, ради Господа.... Поклянись, что отдашь....

И она цѣловала руки его.

Съ горькимъ плачемъ поклялся онъ исполнить эту просьбу — и сдержалъ клятву.

IV.

И стала жить дочь Марьи Семеновны въ домѣ генеральши Медынской. Старушка души въ ней не чаяла, любила ее не прихотливою любовью тѣхъ, которые дѣлаютъ изъ чужихъ дѣтей игрушки для своего бездѣлья, но любовью чисто-материнскою.

Не трудно было встрѣтить ребенка красивѣе Тани: но ея темные, глубокіе, съ кроткимъ взоромъ, глазки, но всѣ черты ея продолговатаго личика, тонкія и нѣжныя, были оживлены такимъ прекраснымъ, свѣтлымъ выраженіемъ, котораго невозможно было увидать на другомъ дѣтскомъ личикѣ. Это былъ ребенокъ необыкновенно-спокойный во всѣхъ занятіяхъ и движеніяхъ. Усѣвшись на скамѣечкѣ, у ногъ генеральши, она, бывало, цѣлые часы проводитъ, перебирая книги, разсматривая задумчиво картинки, выводя каракульки на клочкахъ бумаги, шепча про себя какія-то слова.

Сенека любилъ ее просто безъ памяти. Иногда, въ какомъ-то самозабвеніи, задумывался онъ глядя на тихія игры ребенка до того, что забывалъ гдѣ

находится. По два, по три раза на день навѣщалъ онъ домъ генеральши, чтобъ увидѣть Таню.

И хорошо было, что *Сенека* такъ часто навѣщалъ свою любимицу, что за нею и за всѣмъ, что́ ее окружало, слѣдилъ постоянно его любящій взоръ: онъ былъ ея всегдашнимъ покровителемъ. А безъ этого было бы очень трудно Танѣ. Домъ генеральши, несмотря на небогатое ея состояніе, былъ набитъ перебалованною прислугою и льстивыми приживалками: по рожденію своему она принадлежала къ знатному роду, и съ малолѣтства привыкла видѣть себя окруженною толпою всякой челяди. Челядь же эта, когда госпожа ея одряхлѣла, стала вести себя очень дурно. Грубо и дерзко предавалась она всѣмъ порывамъ порочныхъ инстинктовъ. И не будь Николая Петровича, нѣкоторые изъ дворовыхъ, конечно, вдоволь понатѣшились бы надъ сироткою.

Но онъ не ограничился одною ролью покровителя, онъ сдѣлался наставникомъ Тани, наблюдалъ постоянно за всѣми ея занятіями. Не безъ труда, впрочемъ, уговорилъ онъ генеральшу вполнѣ ему поручить ея воспитаніе.

— Эхъ, матушка! говорилъ Николай Петровичъ: — не того́ она происхожденія, чтобъ о блескѣ думать, да нанимать къ ней француженокъ. Она должна

быть такъ воспитана и приготовлена, чтобы могла возложить на себя тяжкій крестъ любви святой къ Богу, любви чистой къ ближнему. Придется ей скитаться, но не по домамъ дворянъ вашихъ, не по домамъ праздности, лѣни и нищеты духовной, а по домамъ Божіимъ, да по обителямъ труда и болѣзней, гдѣ встрѣтитъ, правда, тоже нищету духовную, но не произвольную; тамъ небезплодно протянетъ она руку помощи. Придется ей воспитывать не барскихъ дѣтей, которымъ открыта дорога широкая, которыя и безъ нея опору найдутъ; но дѣтей взрослыхъ, черезчуръ ужь окрѣпшихъ тѣломъ, у которыхъ взоръ закрытъ для истины, шагъ медленъ и неровенъ, путь которыхъ узокъ теперь, но скоро, Богъ дастъ, широкъ будетъ... Пусть Таня наша идетъ къ нимъ на помощь, съ своею любовью, посильнымъ чистымъ трудомъ, съ твердою правдою. Матушка! вѣдь трудъ-то великій предстоитъ ей... она душу свою должна положить за други своя. Господь предназначилъ ее для этого дѣла!... На что же ей узнавать суеты міра сего и въ нихъ погружаться? Нѣтъ, ужь вы, матушка, не мѣшайте. Не научу ее пустому, научу ее слову и закону Божію, покажу, какъ надо съ твердостію и разумомъ идти на помощь ближнему... И поможетъ Господь намъ!...

Генеральша со слезами слушала мистическія, восторженныя рѣчи *Сенеки*. Она не очень понимала ихъ, но сердцемъ угадывала, что на добро готовитъ

онъ Таню. Она считала его праведникомъ, и согласилась съ нимъ.

Занявшись воспитаніемъ Тани, Николай Петровичъ какъ будто и самъ перевоспитался: нравъ его изъ ровнаго и веселаго сдѣлался крайне задумчивымъ и притомъ нерѣдко порывистымъ. Видно было по всему, что озабоченъ онъ чѣмъ-то особенно важнымъ, что одна глубокая дума постоянно наполняетъ душу его, что не безъ тяжкой борьбы вырабатывается въ немъ какое-то рѣшеніе. Онъ пересталъ посѣщать своихъ знакомыхъ, сталъ часто уединяться, хотя и, попрежнему, не отказывалъ допустить къ себѣ всякаго, кто обращался къ нему за какимъ-нибудь совѣтомъ, за какою-нибудь помощью.

Воспитаніе, какое давалъ онъ Танѣ, было просто, какъ простъ былъ взглядъ его на жизнь. Скоро и легко выучилась Таня читать. Вся забота ея наставника состояла въ томъ, чтобъ она хорошо понимала что́ прочитывала. Онъ не былъ навязчивъ съ своими истолкованіями, но ему не приходилось возбуждать искуственно ея вниманіе. Дѣвочка была необыкновенно понятлива и сосредоточена. И все, окружавшее способствовало къ тому, чтобъ она не была разсѣяна: она оставалась одинокою среди этого дома, наполненнаго людьми; дряхлая ея покровительница могла только ласкать ее, и то уже почти безсознательно; прислуга и приживалки

не обращали на нее, къ счастію, никакого вниманія.

И твердилъ Николай Петровичъ воспитанницѣ своей о любви къ Богу и ближнему, о чистомъ трудѣ на общую пользу, о святомъ долгѣ безкорыстія. Онъ не затруднялся тѣмъ, что дѣвочкѣ было еще мало лѣтъ отъ роду: онъ говорилъ, что сѣмена духовнаго воспитанія должно сѣять рано, какъ можно раньше. Постоянно внушалъ онъ ей, что она предназначена къ цѣли высокой и труду особенному, что за трудъ свой не будетъ она имѣть награды здѣсь, на землѣ, но получитъ ее въ жизни загробной, и встрѣтитъ тамъ мать свою, которая, такъ любила ее, и которая, умирая, молила Бога, чтобы дочь ея посвятила себя на пользу ближнимъ.

А участь матери всегда жива была въ воспоминаніяхъ Тани. Въ блѣдныхъ, зыбкихъ очертаніяхъ являлся передъ нею образъ страдалицы, но сильно и благотворно было вліяніе этого образа на юную душу, восторженно готовую къ самопожертвованію. Особенно памятенъ былъ ей слабый, нѣжный голосъ матери, который такъ рознился отъ крикливаго, грубаго голоса отца ея.

Выростая, она училась безкорыстію не изъ однихъ словъ и примѣра *Сенеки*. Корысть другихъ, грубая и алчная, производила на нее страшно-отталкивающее дѣйствіе.

Разъ, чрезъ болтовню ея горничной, дошли до нея разнородныя толки, предметомъ которыхъ служила она для мѣщанокъ и мелкихъ приказничихъ, собиравшихся у воротъ сосѣднаго дома. Какъ ни бѣдна была Медынская, какъ ни проста и жизнь у нея Танюши,—находились завистники и этому небогатому счастію.

—Ужь что, мои матушки, толковала Калиниха, мѣщанка,—даромъ Танюша-то еще не величка, всего лѣтъ пятнадцати, а и то заважничалась. Онамеднись шла она изъ церкви и горничная за ней, какъ за настоящей барышней; я и подошла, да спрашиваю, эдакъ, учтиво, оставляетъ ли ей что генеральша?... Хоть бы словечко отвѣтила. А я вѣдь спросила жалѣючи...

—Да, подикась, возражала какая-то приказничиха,—чай ничего не оставитъ... Все же счастье Татьянѣ! генеральша ее любитъ, въ каретѣ, иной разъ, по господамъ возитъ...

—Ну, ужь и карета!...

—А то чтожь! все же по господскому обычаю,—мозолей-то на пальчикахъ не наживетъ... Вотъ, горничная Домна сказывала, генеральша новую шляпку хочетъ ей заказать..

И пошли сосѣдки перебирать косточки самой генеральши за то, что она не путемъ тратитъ добро свое на чужихъ людей.

Когда дошли до Тани такіе пересуды, они болѣзненно взволновали ее. Отцовская кровь заговорила въ ней, и негодованіе наполнило было ея юную, впечатлительную душу. Но *Сенека* легко и быстро уничтожилъ это негодованіе, растолковавъ ей, какъ мало общаго можетъ быть между ея понятіями и понятіями людей, лишенныхъ образованія, которыхъ, однако, должна любить она по заповѣди Божіей.

Тѣмъ временемъ генеральша все болѣе старѣла и дряхлѣла; вмѣстѣ съ нею ветшалъ и валился домикъ ея: крыша текла, оконницы подгнили, стѣны покривились. Избалованная дворня старухи, предчувствуя, что, по смерти барыни, не будетъ уже такого приволья, только о томъ и думала, какъ бы, при жизни ея, натѣшиться досыта. Никто изъ дворни этой не заботился о спокойствіи бѣдной старухи, всякій только растаскивалъ добро ея, и часто изъ-за него дворовые грызлись между собою по звѣриному. Раза два попробовалъ было Николай Петровичъ остановить эту челядь, не изъ того, чтобы сберечь на долю Тани какія-нибудь крохи имущества Медынской, которая оставляла ей, по духовному завѣщанію, всю свою движимость, но для того, чтобы прекратить наглые поступки дворни; однако усилія его были безуспѣшны.

— Пусть ихъ! говорилъ онъ Танѣ: — не пойдетъ имъ въ прокъ... Смотри, какъ поступаютъ... звѣри они... нѣтъ у нихъ памяти о добрѣ, какое дѣлала имъ

госпожа, нѣтъ у нихъ уваженія къ старому, дряхлому человѣку, и не понимаютъ, что должна быть свята для всякаго чужая собственность. Какъ корысти-то предались!... Нѣтъ въ душахъ ихъ страха Божія! Но не осуждай ихъ, Таня: не они въ томъ виноваты. Охъ! много тутъ виноватыхъ!.. Господь попускаетъ пока...

Таня замѣняла Медынской все: и дочь, и прислугу и нерѣдко даже врача. Привязавшись всею душою къ старушкѣ, она изыскивала всѣ средства быть ей полезною. Случалось, что всѣ горничныя, съ ранняго утра до поздней ночи, разомъ разбѣгались изъ дому, и не будь Тани, генеральша зачастую оставалась бы безъ всякаго ухода, а иногда, пожалуй, и безъ пищи.

Пока Медынская сохраняла остатокъ силъ, она наблюдала, чтобы Танѣ было покойно и пріятно. Иногда ей приходило на мысль, что скучно такой молоденькой дѣвушкѣ сидѣть все дома, и она посылала ее, для развлеченія, гостить по сосѣдству; когда-то она была побогаче и славилась гостепріимствомъ, и теперь одна бѣдность препятствовала ей-жить по прежнему, но добрые люди, помня ея старую хлѣбъ-соль, всегда съ уваженіемъ принимали ее, когда изрѣдка она выѣзжала, а по ней ласкали и Танюшу. Впрочемъ, Таня и сама заслуживала доброе расположеніе знакомыхъ своей покровительницы. Нельзя было найдти дѣвушку болѣе скро-

мную, болѣе готовую на услугу, и снисходительную. Никогда и ни передъ кѣмъ не разыгрывала она роль *барышни*. Но эти рѣдкіе, впрочемъ, выѣзды въ гости были не-по сердцу ей. Привыкши къ жизни уединенной, тихая и съ раннихъ лѣтъ сосредоточенная въ самой себѣ, она утомлялась отъ ничтожнаго шума и суетни, какія встрѣчала внѣ дома. Съ радостью, возвращалась она въ свой уголокъ, въ общество генеральши и *Сенеки*, отъ которыхъ, кромѣ добра, она ничего не видала. Скоро одинъ случай заставилъ ее совсѣмъ прекратить эти выѣзды.

Какъ-то разъ, генеральша почти насильно услала ее къ старой пріятельницѣ своей, пожилая дочь которой очень полюбила Таню. Молодая дѣвушка отправилась, а старушкѣ Медынской вдругъ вздумалось сдѣлать нѣсколько визитовъ. Усѣвшись въ свою ветхую карету, она пустилась объѣзжать знакомыхъ. Покуда она разъѣзжала и вездѣ, гдѣ была, довольно долго засиживалась, кучеръ и лакей ея успѣли натянуться. На возвратномъ пути, старушка заснула, а люди, не вспомнивъ о барынѣ, преспокойно вдвинули экипажъ въ каретный сарай. Легко можно представить себѣ ужасъ бѣдной женщины, когда она проснулась въ темномъ сараѣ. Къ счастію, вечеромъ, пришелъ Николай Петровичь и, зная, что генеральша никогда не обѣдаетъ внѣ дома, догадался поискать ее въ каретѣ.

Такъ и обомлѣла Таня, когда, вернувшись домой, узнала, что старушку вынули изъ кареты безчувственною. Негодованіе ея было сильно и чрезмѣрно; она высказывала его прямо въ глаза виновнымъ, она горько попрекала ихъ за все, она грозила имъ, плача на взрыдъ въ то же время. Съ большимъ трудомъ успокоилъ ее *Сенека*.

Полно, полно! говорилъ онъ ей,ты не должна поддаваться гнѣву, ты должна только заботиться о своей благодѣтельницѣ. Молись Богу, чтобъ Онъ далъ ей покойно увидѣть ангела смерти... А людямъ прощай!.. Прощать должно имъ, такъ Богъ велитъ.

Сенека успѣлъ привесть въ раскаяніе нѣкоторыхъ изъ слугъ и, хотя воровство по дому не прекращалось, однако съ этого времени они стали внимательнѣе къ госпожѣ своей и кое-какъ исполняли свои обязанности.

Испугъ ли подѣйствовалъ на старушку, сырость ли и холодъ осенней ночи, проведенной въ полуразрушенномъ сараѣ, только съ тѣхъ поръ отнялись у ней ноги, да и разсудокъ нѣсколько помутился. Таня дала себѣ слово никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не покидать ея. Цѣлые дни проводила она у ея постели, или, когда старушка чувствовала себя лучше, усаживала ее подъ окномъ въ вольтеровскомъ креслѣ, а сама садилась

у ногъ ея, клала ихъ себѣ на колѣни и согрѣвала своимъ дыханіемъ. Между тѣмъ съ ребяческимъ любопытствомъ глядѣла тогда старушка на прохожихъ и указывала на нихъ Танюшѣ; всякое движеніе на улицѣ забавляло ее. Но когда раздавался звонъ колоколовъ, и народъ шелъ въ церковь, она становилась грустна и безпокойна. Таня угадала причину этого безпокойства и, чтобъ утѣшить ее, стала читать ей духовныя сочиненія, но скоро замѣтила, что она ничего не понимаетъ и только безсознательно крестится при имени Бога. И тогда Танюша стала разказывать ей про дѣла и слова Спасителя, про великіе подвиги угодниковъ. Казалось, что старушка лучше понимала эти разказы, чѣмъ чтеніе, но часто случалось, что подъ тихій говоръ Танюши, она засыпала съ младенческою улыбкою на устахъ. И сколько думъ раждалось въ душѣ молодой дѣвушки, при видѣ старушки этой, которая такъ замѣтно угасала. Съ этими мыслями душа ея крѣпла и готовилась на трудъ святой и великій.

Генеральша прожила въ своемъ тяжкомъ положеніи еще слишкомъ четыре года, а въ это время совершилась надъ отцомъ Тани страшная кара.

V.

Андрей Нестеровичъ Нахраповъ обжился въ томъ городѣ, гдѣ похоронилъ жену свою, и гдѣ жила его дочь. Онъ оставилъ прежнюю свою привычку переселяться изъ города въ городъ. Въ его отношеніяхъ къ хозяину откупа замѣчалась теперь особенная, небывалая осторожность. Онъ сталъ какъ будто побаиваться потерять мѣсто, о чемъ прежде никакъ не думывалъ. «Нѣтъ, постарѣлъ я, что-ли, говаривалъ онъ будто въ шутку пріятелямъ своимъ, а ужь не манитъ меня таперича отсюда въ другую сторону. Видно, черезчуръ ужь тяжелъ на ногу сталъ.»

Но не ноги его отяжелѣли, а тяжело, съ каждымъ днемъ все тяжеле, становилось у него на душѣ. Часто переполнялась она горькимъ чувствомъ крайняго недовольства, такимъ чувствомъ, которое въ прежнее время никогда не посѣщало его. Онъ сдѣлался чрезвычайно золъ и уже не по старому, не хладнокровно, съ разсчетомъ и съ какою-то размѣренностію въ дѣйствіяхъ, но съ неудержимыми порывами, съ особенною болью душевною. А еще чаще

онъ тосковалъ, особенно, когда спровѣдывалъ черезъ посланныхъ о своей дочери, самъ же посѣщалъ ее весьма рѣдко. Но надо отдать справедливость его послѣдовательности: онъ не догадывался, что эта хандра и эта тоска происходятъ отъ ненормальнаго состоянія души, которая бьется въ тяжкихъ узахъ порока. Напротивъ, онъ старался объяснить себѣ дурное расположеніе духа мнимыми неудачами въ дѣлахъ, какими-то прежними несчастіями въ жизни, и еще Богъ знаетъ чѣмъ. Такъ истолковывая свое недовольство самимъ собою и безотвязную печаль свою, онъ разшевеливалъ въ душѣ старыя ненависти, мрачныя воспоминанія о сиротствѣ своемъ и беззащитности въ молодыхъ годахъ, и наконецъ доходилъ до существенно-страшныхъ воспоминаній о безотвѣтно-покорной, несчастной Марьѣ Семеновнѣ, и тогда, чтобы подавить, или хоть на время заглушить, тоску непреодолимую, онъ весь предавался широкому разгулу, въ немъ ища себѣ отдыха, отрады и забвенія.

Разгулъ его бывалъ всегда мраченъ и бѣшенъ: распаленное воображеніе создавало предъ нимъ самыя странныя, самыя дикія представленія. Во время попоекъ онъ никогда не смѣялся, даже легкая улыбка не освѣщала его лица. Съ первой же рюмки онъ приходилъ въ мрачное и гнѣвное настроеніе духа. Случалось иногда, что во всю пирушку онъ словечка не промолвитъ, и только движеніемъ

головы, рукъ, глазъ показываетъ что̀ дѣлать. Но онъ любилъ, чтобы въ то же самое время, вокругъ его, все сновало, кипѣло, шумѣло въ дикомъ и бѣшеномъ смятеніи. И когда все это доходило до крайняго предѣла, онъ вдругъ мановеніемъ руки останавливалъ этотъ потокъ и начиналъ разыгрывать какую-нибудь роль. То признавая себя судьею, онъ дѣлалъ приговоры товарищамъ своимъ по кутежу и высказывалъ каждому изъ нихъ горькія истины, то воображая въ себѣ жертву, осужденную на казнь, самъ при всѣхъ каялся въ своихъ темныхъ дѣлахъ; а то приказывалъ отпѣвать себя, и въ глухую полночь, съ протяжнымъ похоронным пѣніемъ, носили его въ гробу по отдаленнымъ улицамъ города.

Все, что̀ было въ душѣ его порочнаго, злобнаго, страшнаго, горькаго, печальнаго, безнадежнаго, все это вырывалось наружу при такихъ пирушкахъ и высказывалось въ чрезвычайно дикихъ и мрачныхъ формахъ. Жителямъ города было извѣстно во всей подробности объ этихъ оргіяхъ, и не будь онѣ очень рѣдки, или отстань Андрей Нестеровичъ, въ трезвыя минуты, хоть на волосъ отъ старой системы надуванья, они сочли бы помѣшаннымъ этого многоопытнаго управляющаго откупомъ.

Еще по двумъ причинамъ хорошо было, что Андрей Нестеровичъ кутилъ очень рѣдко. Первое, мѣстная городская полиція была-бы поставлена въ

крайне затруднительное положеніе, еслибы чаще повторялись эти кутежи; по отношеніямъ своимъ къ откупу, ей невозможно было не терпѣть такихъ продѣлокъ Нахрапова, а съ другой стороны и допускать ихъ было какъ-то не совсѣмъ ловко: продѣлки эти были ужь черезчуръ затѣйливы и странны. Вторая причина, хотя и не столь важная въ административномъ отношеніи, была однако значительна: возобновляйся чаще все это, бѣдной любовницѣ Андрея Нестеровича, Марѳѣ Ивановнѣ Тюняевой, давно бы не сносить головы.

Сухо и грубо обращался Нахраповъ съ своею любовницею, когда и трезвъ бывалъ; но въ минуты оргій онъ поступалъ съ нею неистово и жестоко. Когда страсти его приходили отъ винныхъ паровъ въ бѣшеное волненіе, онъ начиналъ попрекать Марѳу смертью жены своей, покинутой имъ «непочеловѣчьи», какъ онъ выражался, и тѣмъ, что она его самого съ толку сбила и весь его вѣкъ заѣдаетъ.

— Да ты что думаешь-то? говаривалъ онъ тогда съ сосредоточенною, грозною злобою, произнося слова медленно и глухимъ голосомъ:—радъ, чтоль, я, что такая тварь, какъ ты, ко мнѣ привязалась?.. Ты что̀ объ себѣ-то самой полагаешь?.. А? ну, отвѣчай же, отвѣчай, говорю!..

Но Марѳа, блѣдная какъ смерть, съ блуждающими глазами, полураскрытымъ ртомъ, только дрожала всѣми членами и слова не могла выговорить.

—Такъ вотъ-съ какъ! продолжалъ, бывало, Нахраповъ:въ молчанку изволили вздумать играть!.. Значитъ, то-есть, словомъ не удостоиваете?.. Словно жонушка покойница, ну, да та была особь статья. Ахъ, ты дрянь поскудная!.. отмалчивается еще!.. Не эвтимъ ли въ руки взять меня желаете?.. Нынче дикихъ звѣрей, слышно, укрощаютъ, такъ и ты должно быть манеру свою выдумала... Охъ! ужь какъ повязала ты меня!

И онъ вставалъ, и билъ ее нещадно, за все, про все, за взглядъ, за слово, за молчаніе, за печаль, за веселость. А потомъ, избивъ страшно, требовалъ, чтобъ она плясала и тѣшила его самаго и гостей.

Почти всегда гости эти,—какъ ни хмѣльны бывали,—жалѣючи Марѳу, уговаривали его прекратить побои.

— Будетъ, полно, Андрей Нестерычъ! говаривали тогда эти буйные, развратные люди:—поучилъ пока, ну и довольно!.. Что за охота себя-то терзать? Вѣдь, всѣ мы повеселиться собрались.

Но эти увѣщанія рѣдко имѣли успѣхъ.

А между тѣмъ онъ какъ будто и любилъ эту несчастную женщину; только любовь его была какая-то страшная смѣсь необузданныхъ страстей, грязныхъ привычекъ, дикихъ понятій, смѣсь, приводимая въ особенное мрачное движеніе душевною болѣзнію.

Но Марѳа Тюняева любила его безумно, а вмѣстѣ съ тѣмъ боялась его, какъ огня. И, казалось, чѣмъ больше боялась она его, тѣмъ больше любила. Сначала онъ соблазнилъ ее, шестнадцати-лѣтнюю дѣвочку, пестрыми нарядами, блестящими бездѣлушками, отдѣльною, разукрашенною квартирою и мнимо-свободною жизнію, а потомъ бурные порывы его страстей, повелительный, дерзкій и прихотливый нравъ его непреодолимо увлекли ее къ неволѣ, оковали ея душу: она полюбила его страстно, всѣми силами души, не развитой, но любящей, глубоко испорченной, но не утратившей способности сильно любить и безпредѣльно покоряться любимому человѣку.

Она никогда не жаловалась на жестокое обращеніе Андрея Нестеровича. Много разъ пытались соблазнить ее городскіе развратники, молодые дворянчики и богатые купчики, невошедшіе еще во вкусъ «тятенькиныхъ» плутней; но Марѳа съ презрѣніемъ и негодованіемъ отвергала всякія предложенія, особенно если изъявляли увѣренность, что дурное обращеніе Нахрапова должно было надоѣсть его жертвѣ.

Впрочемъ, помимо своей страстной и упорной любви къ Андрею Нестеровичу, помимо своего страдальческаго терпѣнія, конечно, достойнаго лучшей участи, она была вполнѣ женщина той темной среды, къ которой принадлежала по рожде-

нію, — женщина съ грубыми понятіями о жизни и людяхъ, съ чувственными, животными инстинктами, съ ничтожными желаніями и надеждами. Она была добра по природѣ, но ранній развратъ, пагубные примѣры, буйная жизнь, а можетъ-быть и самая исключительность ея любви къ Нахрапову, все это сдѣлало изъ нея женщину, которая неспособна была успокоить душу Андрея Нестеровича; напротивъ, она раздувала огонь его страстей и его бѣшеную раздражительность своими сплетнями и низкимъ наушничествомъ.

Незадолго до катастрофы, которую мы хотимъ описать, тоска напала на Марѳу; вся душа ея ныла смертельною болью. Дня три металась она, нигдѣ мѣста не находя, не зная, что̀ дѣлать съ собою, и вдругъ вспало на мысль ей отправиться въ домъ генеральши Медынской, чтобъ увидѣть дочь Марьи Семеновны.

Разъ, вечеромъ, когда Таня только-что уложила спать генеральшу, пришли сказать ей, что какая-то женщина прислана отъ отца ея и желаетъ ее видѣть. Вслѣдъ за этимъ, вошла къ ней Марѳа Тюняева.

Она была взволнована до такой степени, что нѣсколько времени не могла слова промолвить и только пристально глядѣла на Таню. Это очень встревожило бѣдную дѣвушку.

—Вы отъ батюшки пришли? робко спросила она.

— Да,отвѣчала дрожащимъ голосомъ Марѳа.

— Здоровъ ли батюшка?.. Я такъ давно не видала его, сказала опять Таня.

— Здоровъ ли?.. повторила безсознательно Марѳа: — не знаю... ахъ нѣтъ!... да, здоровъ... А я отъ себя къ вамъ пришла...

— Аннушка, Аннушка! кликнула Таня, сама не зная, отъ испуга, зачѣмъ зоветъ горничную, которая ходила за нею.

— Постойте... не зовите! сказала полушопотомъ Марѳа, на что вамъ?.. не бойтесь!.. Мнѣ надо переговорить съ вами... не зовите...

— Ахъ, Господи! но что же вамъ угодно отъ меня?

— Ничего... постойте... Вы не знаете меня?.

— Нѣтъ, не знаю.

— А Марья Семеновна не говорила вамъ? не помните-ли?... Можетъ генеральша, или Николай Петровичъ говорили?..

— Я ничего не слыхала.

— Я живу... съ отцемъ вашимъ, съ Андреемъ Нестерычемъ... Виновата я передъ Богомъ, передъ всѣми добрыми людьми, а передъ вами-то какъ виновата!..

И она горько заплакала; потомъ приблизилась къ Танѣ и хотѣла взять ее за руку. Дѣвушка съ ужасомъ отшатнулась отъ нея.

— Аннушка! кликнула она опять слабымъ голосомъ.

— Ради Господа, не зовите!.. повторяла Марѳа: — ну, чего боитесь вы?.. Дайте ручку-то.. простите меня, грѣшную!

Въ эту минуту взошелъ въ комнату Николай Петровичъ. Онъ былъ пораженъ, увидя эту женщину и замѣтивъ сильный испугъ Тани.

— Что вамъ надо здѣсь? спросилъ онъ довольно сурово у Марѳы.

— Я пришла спровѣдать... отвѣчала она, дрожа всѣми членами,—прощайте, Татьяна Андревна.

Но Таня ничего не отвѣчала. Блѣдная и трепещущая, она стояла, прислонившись къ своей кроваткѣ.

— Господь съ тобою! прошепталъ *Сенека*, подойдя къ ней и положивъ ей на голову руку,—успокойся, Танюшка, Господь съ тобою! Пойдемте! продолжалъ онъ, обратившись къ Тюняевой: — я провожу васъ.

Опустивъ печально голову, Марѳа молча вышла изъ комнаты. Николай Петровичъ проводилъ ее до воротъ. Тамъ онъ хотѣлъ было заговорить съ нею, но она махнула рукою и быстро скрылась.

Вскорѣ послѣ этого страшнаго свиданія, внушеннаго какою-то скорбною неразгаданною мыслію, однажды, вечеромъ, Марѳа зашла съ прогулки къ Нахрапову. Онъ собирался въ дорогу: за болѣзнію ревизора, ему самому приходилось объѣхать въ

уѣздѣ нѣсколько питейныхъ домовъ. На ту пору онъ былъ спокоенъ и повидимому веселъ.

—Поѣдемъ-ка и ты со мною, Марѳуша! сказалъ онъ ей необыкновенно ласково:—а то скучненько одному-то мнѣ будетъ. Вишь, какая хорошая погода стоитъ, хоть ночью и будетъ морозецъ, за то свѣтло-то какъ!

Надо замѣтить, что тогда былъ конецъ сентября. Погода стояла прекрасная, сухая и тихая; только по ночамъ слегка уже морозило; мѣсяцъ свѣтилъ полнымъ блескомъ на безоблачномъ, прозрачномъ небѣ.

—Что-жь! какъ прикажете, Андрей Нестерычъ, радостно отвѣчала Марѳа:— вотъ ко мнѣ бы только дать знать, что я съ вами уѣзжаю.

—А зачѣмъ бы эвто? возразилъ онъ:—вотъ еще! что такая за барыня, чтобъ обо всякой, то-есть, малости давать знать про себя? Мы послѣ завтрева и домой-то вернемся.

Марѳа не возражала.

Въ недальную дорогу, сборы были недолгіе. Но между тѣмъ ночь настала. Андрей Нестеровичъ велѣлъ подать поужинать. За ужиномъ онъ проворно осушилъ цѣлую бутылку хереса, принудивъ и Марѳу выпить три, четыре рюмки. Подъ конецъ онъ сталъ было придираться къ ней; но скоро, однако, оставилъ ее въ покоѣ, задумался, молча всталъ изъ-за стола и молча усѣлся въ повозку.

Дорогою онъ на первыхъ же порахъ заснулъ, но проспалъ всего только съ полчаса: его разбудила черезчуръ тряская проселочная дорога, на которую только-что выѣхали тогда. Онъ пытался было опять заснуть, но сильная головная боль мѣшала сну. Онъ сѣлъ и сталъ разговаривать съ Марѳой. Мало-по-малу сварливо заспорилъ онъ съ нею, потомъ опять началъ къ ней придираться изъ-за какихъ-то пустяковъ, наконецъ принялся попрекать и бранить ее. На бѣду, она не была на ту пору въ обыкновенномъ своемъ, покорномъ расположеніи духа, хересъ что-ли подѣйствовалъ на желчь ея или ужь такъ судьбѣ было угодно, только и Марѳа зубъ за зубъ съ нимъ заспорила.

Въ первую минуту Андрей Нестеровичъ изумился этой новости, но потомъ ярость мгновенно овладѣла имъ.

—Ахъ ты, мерзкая! вскричалъ онъ:—да какъ же ты посмѣла отвѣчать-то мнѣ? Да какъ ты!..

И вслѣдъ за этимъ, онъ на-отмашъ ударилъ ее кулакомъ по головѣ. Она взвизгнула, и тотчасъ же голова ея упала на грудь. Онъ сразу убилъ ее; ударъ пришелся прямо въ лѣвый високъ.

Кучеръ и повѣренный, сидѣвшій на облучкѣ, услыша странный визгъ бѣдной Марѳы, обернулись въ испугѣ, и какъ разъ догадались, что вышло дѣло не хорошее.

—Батюшка, Андрей Нестерычъ, заговорили они

оба вмѣстѣ и полушопотомъ,—никакъ она тово съ... вѣдь не движется... словно ужь и не дышетъ...

—Господи помилуй!.. Господи! повторялъ безсознательно Нахраповъ, пораженный великимъ ужасомъ.

— Вотъ грѣхъ-то! эка бѣда стряхнулась!... повторяли кучеръ и повѣренный.

Между тѣмъ кучеръ остановилъ лошадей, съѣхавъ съ проселка въ сторону, къ небольшой дубовой рощицѣ. Безсознательно Нахраповъ вышелъ изъ повозки и сталъ какъ окаменѣлый. Страшно блѣдный, съ непокрытою головою, онъ устремлялъ дикіе взоры на лицо убитой женщины, которую кучеръ и повѣренный вынули изъ повозки и положили на траву. Оба они попробовали привести въ чувство Марѳу, дули ей въ ноздри, плескали въ лицо холодною водою изъ ручья, терли ладони, но все было напрасно, и скоро они убѣдились, что она дѣйствительно умерла. Тогда они отошли въ сторону и стали шептаться, а Нахраповъ все стоялъ неподвижно, не спуская глазъ съ блѣднаго, освѣщеннаго луннымъ сіяніемъ, лица Марѳы.

Наконецъ кучеръ и повѣренный подошли къ Нахранову.

— Андрей Нестерычъ! заговорили они: —послушайте-ка, сударь... что-жь таперича дѣлать-то намъ?.

Вопросъ этотъ они нѣсколько разъ повторили, прежде чѣмъ добились отвѣта.

— Родимые мои! промолвилъ онъ наконецъ: — что-жь эвто такое приключилося?.. Видитъ Господь, не хотѣлъ убить... невзначай эвто... Помогите вы мнѣ!.

— Да какъ помочь-то? Вѣдь не самимъ же намъ изъ-за васъ въ петлю лѣзть... Вы въ дѣлѣ, вы и въ отвѣтѣ..

— Господи!.. да авось она еще жива!..

— Какъ же! дожидайтесь!.. Вѣдь прямо въ високъ угодили... ужь чего тутъ...

Тогда только́ онъ какъ будто все понялъ. Съ страшными воплями и рыданьями кинулся онъ на тѣло Марѳы, рвалъ клочьями волосы свои, терзалъ лицо себѣ ногтями. Кучеръ и повѣренный невольно сжалились надъ нимъ.

— Полноте, батюшка, Андрей Нестерычъ, сказали они, — перестаньте, вѣдь ужь не вернете ее... А вы лучше подумайте, что таперича дѣлать-то надо... Ужь такъ и быть: пожалуй, мы пособимъ вамъ...

Нескоро онъ пришелъ въ себя и понялъ, что они говорили. Они предложили ему зарыть ее тутъ же въ лѣску и ѣхать дальше, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Дѣльцо-то, пожалуй, и загаснетъ, закончилъ свои разсужденія повѣренный, — иной разъ и не такія штуки съ рукъ сходятъ!.. Хорошо еще, что

только мы двое, да Иванъ, видѣли, какъ покойница съ вами отправилась въ дорогу; а кухарка знаетъ только, что она съ вами ужинала. Вы ужь хорошенько наградите Ивана. Ну, и мы тоже не проговоримся; вѣдь, чай, не забудете и насъ вашими милостями... Вотъ кухарка... да и ей мы ротъ-то замажемъ!

Нахраповъ поклялся всѣми сьятыми, что онъ хорошо заплатитъ за такую услугу. Когда повѣренный сталъ развивать свои предположенія какъ потушить это «дѣльцо», онъ уже совсѣмъ пришелъ въ себя и быстро возобладалъ надъ всѣми своими душевными силами.

Проворно и успѣшно похоронили Тюняеву; потомъ тотчасъ же отправились въ путь. Нахраповъ объѣхалъ, не спѣша, всѣ, какіе было нужно, питейные дома и лавочки, и воротился домой, повидимому, совершенно спокойный. И точно, онъ превозмогъ и опасенія свои, и лютую тоску. Съ полнымъ присутствіемъ духа онъ самъ разказалъ своему лакею Ивану про несчастное приключеніе въ дороги и легко склонилъ его къ молчанію; и всѣхъ троихъ одарилъ такъ щедро, какъ они и не ожидали. Кухарка же была дура, и нечего было ея бояться, да къ тому-жъ она не видала, какъ поѣхала Марѳа съ Андреемъ Нестеровичемъ.

На другой же день, по возвращеніи домой, Нахраповъ послалъ спровѣдать о Марѳѣ и приказалъ поз-

вать ее къ себѣ. Само собою разумѣется, оказалось, что Марѳы нѣтъ дома: хозяева квартиры разказали притомъ, что, назадъ тому два дня, она вышла погулять вечеромъ и, какъ полагали они, зашла къ Андрею Нестеровичу, да и осталась у него на день, на два, какъ это и прежде бывало. Нахраповъ тотчасъ же кинулся въ полицію, прося произвести строжайшее слѣдствіе о томъ, куда дѣвалась Марѳа Тюняева. Полиціи было хорошо извѣстно, что она — любовница управляющаго откупомъ, и потому со всѣмъ подобающимъ усердіемъ начато было это изслѣдованіе.

Все это время Нахраповъ велъ себя превосходно. Съ какою горестію говорилъ онъ о Марѳѣ! Съ какимъ неутомимымъ участіемъ слѣдилъ за всѣмъ ходомъ слѣдствія! Какъ усердно доставлялъ къ слѣдователямъ разныя свѣдѣнія, которыя, по мнѣнію его, должны были бы повести къ какимъ-нибудь открытіямъ!. Но никакого толку не вышло изъ этого. Прошло мѣсяца четыре. Пропасть людей было спрошено, на трехъ человѣкъ даже пало нѣкоторое подозрѣніе, а все-таки хлопоты слѣдователей не увѣнчались ни малѣйшимъ успѣхомъ. Конечно, Андрея Нестеровича никто не подозрѣвалъ въ убійствѣ, напротивъ, видя его горесть, многіе очень жалѣли о немъ, думая, что онъ страстно любилъ Марѳу. Но куда она дѣлась? Объ этомъ толковали очень много. Правда, сначала думали, что соблазнилъ ее

и похитилъ какой-нибудь чужегородный волокита, но скоро доказанная по слѣдствію цѣлость ея вещей и денегъ совершенно опровергла это мнѣніе.

Послѣ этого слѣдствія, Андрей Нестеровичъ сталъ какъ будто нѣсколько повеселѣе, а, впрочемъ, образа жизни своей не перемѣнилъ: былъ дѣятеленъ, сердитъ и раздражителенъ, какъ и прежде, и также мрачно кутилъ. Но нельзя здѣсь не замѣтить одного обстоятельства: онъ совсѣмъ пересталъ навѣщать Таню, хотя и часто посылалъ узнавать объ ней.

Ровно черезъ семь мѣсяцевъ послѣ убійства Тюняевой, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ оттепель, тѣло ея было найдено случайно. По неистлѣвшему еще платью, а особенно по какимъ-то записочкамъ въ карманѣ, добрались, что это, — Марѳа Тюняева, пропавшая безъ вѣсти. Это открытіе надѣлало чрезвычайно много шуму. Временное отдѣленіе мѣстнаго земскаго суда изъ кожи лѣзло, чтобъ открыть виновниковъ преступленія, жертвою котораго сдѣлалась Тюняева. Отдѣленіе это хлопотало усердно, потому особенно, что губернаторъ изволилъ приказать «непремѣнно открыть преступниковъ». Онъ былъ очень «заинтересованъ» этимъ дѣломъ, но не столько самою важностью его, столько усильными просьбами откупщика, извѣстнаго намъ Нила Александровича, котораго съ горькими слезами и неотступно умолялъ Андрей Нестеровичъ попросить

его превосходительство принять строжайшія мѣры къ открытію виновниковъ смерти несчастной Марѳы. Губернаторъ, вслѣдстіе безуспѣшныхъ дѣйствій временнаго отдѣленія, точно принялъ «особенныя мѣры», назначивъ слѣдователями совѣтника губернскаго правленія, великаго доку, и самаго расторопнаго изъ чиновниковъ особыхъ порученій. Но увы! и такія мѣры, на которыя сильно надѣялся начальникъ губерніи, ни къ чему не привели: слѣдователи спросили тысячи человѣкъ изъ селеній, прилежащихъ къ тому мѣсту, гдѣ былъ найденъ трупъ Тюняевой, передопросили строго на-строго лицъ, прикосновенныхъ по прежнему слѣдствію, заподозрили въ чемъ-то такомъ еще какихъ-то двухъ постороннихъ, и все-таки ничего не открыли, къ великому, казалось, отчаянію Нахрапова, къ большому неудовольствію губернатора и къ нѣкоторому удовольствію Нила Александровича, имѣвшаго слабость сомнѣваться въ успѣшности административныхъ распоряженій пріятеля своего, губернатора.

Итакъ, новое слѣдствіе ничего не открыло, но странное дѣло! на этотъ разъ народная молва темно и сбивчиво поговаривала кое-что на счетъ Андрея Нестеровича, заподозривая его въ смерти Марѳы Тюняевой. Разныя сомнѣнія основывались на томъ болѣе, что тѣло Марѳы было найдено неограбленнымъ. Но какъ бы то ни было, Нахраповъ опять остался совершенно въ сторонѣ.

Николай Петровичь тотчасъ услышалъ молву, обвинявшую Нахрапова въ убійствѣ Марѳы Тюняевой, но ни слова не сказалъ объ этомъ Танюшѣ. Ему былъ дорогъ ея покой, и онъ желалъ какъ можно долѣе сохранить для нея въ тайнѣ это страшное происшествіе. Но въ провинціяльномъ городѣ трудно скрыть что̀ бы то ни было, а дѣло Нахрапова было такого свойства, что вскорѣ всѣ заговорили объ немъ. Люди Медынской изъ первыхъ провѣдали о молвѣ и съ злою радостію разсуждали о вліяніи, какое будетъ имѣть на судьбу Татьяны преступленіе отца.

— Вотъ какъ Богъ наказываетъ за гордость-то! говорили они между собою.

Они считали ее гордою за то, что она никогда не вмѣшивалась въ ихъ дрязги и сплетни.

— Ахъ, Татьяна Андревна, что̀ въ городѣ толкуютъ! разъ сказала ей одна изъ горничныхъ: — ужь такіе дурные-съ, дурные слухи про вашего папеньку...

— Боже мой! что̀-жь такое? вскричала Татьяна.

— Да вы не извольте безпокоиться... вѣдь это-съ, такъ глупый народъ болтаетъ, будто папенька вашъ убилъ Марѳу Тюняеву...

— О, нѣтъ! нѣтъ!.. прошептала Татьяна и упала безъ чувствъ.

Вѣсть, что отца ея обвиняютъ въ такомъ великомъ преступленіи, сразила ее. Страшна была горесть ея, когда она очнулась.

Татьяна больше боялась до сихъ поръ, нежели любила отца. Невольно что-то отталкивало ее отъ него. Часто горько упрекала она себя за такое *непочтеніе* къ родителю, каялась въ этомъ на духу священнику, но ничто не помогало. Она воображала, что вовсе не любитъ отца, и эта мысль гнела ее, какъ угрызеніе преступной совѣсти. Теперь, когда она услышала про обвиненіе, падавшее на отца, сила крови вдругъ пробудилась въ ней; она готова была на всякую жертву, чтобъ уничтожить страшное подозрѣніе. Скоро родилось въ ней страстное желаніе жить при отцѣ и раздѣлять его участь, какова бы она ни была. При первыхъ словахъ ея объ этомъ, *Сенека* покачалъ головою. Онъ сказалъ ей, что присутствіе ея будетъ въ тягость отцу, что старушка Медынская не можетъ безъ нея обойдтись, и что, главное, Таня должна до конца исполнить волю матери, волю послѣднюю и святую. Какъ ни было горько ей, она послушалась увѣщаній Николая Петровича, но постоянно душа ея скорбѣла, и наконецъ рѣшилась она написать къ отцу письмо, въ которомъ, именемъ Бога, просила его повидаться съ нею, чтобы переговорить «о страшныхъ слухахъ, которые ходятъ по городу». Письмо это глубоко тронуло Андрея Нестеровича, слеза даже прошибла его, въ первую минуту онъ готовъ былъ летѣть настрѣчу Тани, но скоро одумался. Показалось ему смѣшнымъ поддаться какому бы то

ни было нѣжному чувству, и онъ далъ себѣ обѣщаніе отучить Татьяну писать къ нему *слезныя рацеи*,—такъ онъ назвалъ письмо ея. Отвѣтъ его былъ грубо насмѣшливъ и дерзокъ. Нахраповъ писалъ дочери, что понялъ зачѣмъ ей нужно съ нимъ видѣться, строго ей приказывалъ не заботиться о его дѣлахъ, потому что «коли бъ что-нибудь и напроказилъ, такъ самъ съумѣетъ отвертѣться». Въ глубокое уныніе впала Татьяна послѣ этого письма, тѣмъ болѣе, что слухи о преступленіи отца не переставали до нея доходить, и сама она, съ болѣзненнымъ напряженіемъ, собирала ихъ.

Такъ прошелъ еще годъ. Въ этотъ годъ Нахраповъ замѣтно постарѣлъ, исхудалъ, пожелтѣлъ, посѣдѣлъ, даже сгорбился. Онъ пересталъ принимать къ себѣ гостей, самъ никуда не ѣздилъ, и уже никогда не кутилъ. Впрочемъ, измѣнивъ образъ жизни, онъ не измѣнилъ нрава, и остался все тѣмъ же нахальнымъ и злобнымъ, какимъ былъ прежде.

Подъ исходъ этого года, ни съ того, ни съ сего, онъ особенно взъѣлся на одного повѣреннаго и чуть въ острогъ его не упряталъ, сдѣлавъ на него значительный начетъ. Насилу отдѣлался отъ такой бѣды повѣренный, но отдѣлавшись, задумалъ отомстить своему врагу,—и нашелъ чѣмъ. Случайно какъ-то довелось ему слышать отъ кухарки Нахрапова, что Марѳа Тюняева ужинала съ нимъ въ тотъ ве-

черъ, какъ пропала. Повѣренный нашелъ возможность засвидѣтельствовать посторонними людьми показаніе кухарки и подалъ доносъ, въ которомъ прямо обвинялъ Нахрапова въ убійствѣ Тюняевой.

Тогда началось третье слѣдствіе, и на этотъ разъ тяжело пришлось Нахрапову. Кухарка подтвердила, что Тюняева, наканунѣ своего исчезновенія, ужинала съ Нахраповымъ. Кучеръ, лакей Андрея Несторовича и повѣренный, хотя ни въ чемъ не сознались, но разбились въ показаніяхъ, и двое изъ нихъ сказали-таки наконецъ, что Марѳа, точно, ужинала у Нахрапова, который постоянно и упорно отрицалъ это обстоятельство. Подозрѣніе на него росло по слѣдствію чуть не съ каждымъ шагомъ, а общій голосъ жителей города уже громко обвинялъ его въ убійствѣ.

Татьяна тотчасъ же узнала про третье слѣдствіе и про всѣ обстоятельства его. Несчастная, она уже вѣрила по временамъ въ преступленіе отца! Страшныя ожиданія, что́ будетъ съ нимъ, томили ее безпрестанно. Такъ прошли два года, два года безпрестанной муки и горючихъ слезъ. Нравственныя силы ея, несмотря на утѣшенія *Сенеки*, упадали съ каждымъ днемъ, едва находила она въ себѣ силы ходить по прежнему за умирающею старушкой, душевная болѣзнь начинала имѣть вліяніе на ея здоровье. Наконецъ скорбная утѣха попеченія о той, которая взлелѣяла ея дѣтство, была от-

нята у Танюши: генеральша Медынская скончалась, какъ засыпаютъ младенцы, покойно, почти незамѣтно.

По смерти старушки, Татьяна, съ согласія и даже по желанію отца, перешла жить въ маленькую квартиру Николая Петровича: Андрей Несторовичъ имѣлъ особую и важную причину желать, чтобы дочь его не жила съ нимъ вмѣстѣ: дѣла его шли уже очень худо. Но скажемъ еще нѣсколько словъ о томъ, какъ пріютилась Татьяна въ домѣ *Сенеки*. Она безпрестанно была занята заботами домашними, лѣченіемъ больныхъ и чтеніемъ. Душевная скорбь ея стала затихать въ этомъ уютномъ уголкѣ. Не столько увѣщанія и утѣшенія *Сенеки*, сколько трудъ, размышленія, молитва и уединеніе, которому иногда могла она свободно предаваться, помогли ей живительно. Тихая грусть замѣнила пагубное уныніе, которое овладѣло было ею, и грусть эта не мѣшала ей идти, подъ руководствомъ *Сенеки*, къ духовному совершенствованію.

Но обратимся къ Нахрапову.

Откупъ принадлежалъ уже тогда не Нилу Александровичу, этому покровителю Андрея Несторовича, а какому-то купцу. Будучи недоволенъ Нахраповымъ по сдачѣ откупа, купецъ этотъ взялъ себѣ другаго управляющаго. Съ потерею мѣста дѣла Андрея Несторовича и по слѣдствію пошли гораздо хуже. Но онъ боролся изо всѣхъ силъ,

откупался, сыпалъ деньгами, и по крайней-мѣрѣ того достигъ, что оставался все время на свободѣ. Одн ако, это дѣло сильно разстроило его карманъ, ос обенно, когда поступило въ судебное мѣсто. Онъ рѣшился ничего не жалѣть, пожертвовать послѣднею копѣйкою, чтобы выкарабкаться какъ-нибудь изъ бѣды.

И точно, дѣло наконецъ пошло недурно. Все обѣщало, что Андрея Несторовича оставятъ только въ «сильнѣйшемъ подозрѣніи», хотя въ то же время можно было предвидѣть, что, съ окончаніемъ дѣла, ни копѣйки у него не останется. Два, три пріятеля, какіе еще оставались у него, уже поздравляли его съ счастливымъ исходомъ дѣла.

— Что-жь такое?.. говорили они — ну, конечно, тово.. карманъ-то у тебя, фу, братъ! пустехонекъ будетъ. Да вѣдь бѣда-то эта поправная: чай, голова-то твоя не клиномъ сведена. Поживешь, опять наживешь, ты малой не промахъ. За то теперь, эдакъ, поосторожнѣе будешь...

Но съ приближеніемъ окончанія дѣла, душевныя силы Нахрапова постепенно упадали. Ихъ напрягали до высшей степени борьба и опасность, но борьба оканчивалась, опасность миновала, и на мѣсто ихъ явилась непреодолимая тоска, такая тоска, съ какою онъ еще не былъ знакомъ.

Однажды, когда дѣло объ убійствѣ Тюняевой должно было окончательно слушаться, онъ при-

шелъ ранехонько въ домикъ *Сенеки.* Онъ былъ страшно блѣденъ и мраченъ. Безъ всякихъ предисловій, онъ прямо сказалъ дочери:

— Таня! я убилъ Марѳу... Хочу признаться... ужь больно надоѣло путаться... Одинъ конецъ! Да и коли такая мысль пришла, значитъ, воля Божья!.. Ужь оченно забылъ я Бога, надо, видно, за эвто пострадать... Что ужь тутъ!.. Прощай, Таня!...

Страшная сцена послѣдовала за этими словами. Въ несвязныхъ рѣчахъ Нахрапова, прерываемыхъ глухими, безслезными рыданіями, высказывались воспоминанія о прошлыхъ темныхъ дѣлахъ, и горькое раскаяніе — всѣ страданія больной души. Невыразимою горестью поражена была бѣдная Таня; она рыдала и слова не могла произнесть. Горько плакалъ и *Сенека.*

— Родные вы мои!.. говорилъ онъ: — плачьте, рыдайте!.. но опомнитесь-же! Вспомни, Андрей Нестерычъ, что мысль-то о признаніи внушена тебѣ самимъ Богомъ. Онъ хочетъ, чтобы душа твоя жива была... Будь же твердъ духомъ, чтобы крѣпко удержать благую мысль!.. Таня! а ты вспомни, что Господь спасаетъ душу твоего отца отъ вѣчной погибели...

Тотчасъ же за этимъ скорбнымъ свиданіемъ, Андрей Несторовичъ пошелъ прямо въ уголовную палату и объявилъ въ присутствіи о своемъ преступленіи. Показанія его были вполнѣ правдивы.

Онъ ничего не скрылъ; онъ сказалъ даже много такого, что̀ не шло прямо къ дѣлу, но что́ могло увеличить его наказаніе: такъ онъ сознался, что всю жизнь свою провелъ «не по-Божьи», а обманывая и обкрадывая всѣхъ, кто подъ руку попадался, такъ онъ передалъ съ поразительною истиною о неистовомъ обращеніи своемъ съ Марфою. Исповѣдь его, вся писанная собственноручно, была изумительна, какъ по твердому, чистому раскаянію, которымъ она была исполнена, такъ и по самому изложенію, рѣзкому, грубому, но въ высшей степени проникнутому духомъ истины.

Это происшествіе произвело громадное впечатлѣніе на весь городъ. Вездѣ только и говорили, что о признаніи Нахрапова; толковали о немъ, какъ о необыкновенномъ случаѣ, какъ о великомъ чудѣ. Одно объясненіе этому факту и могли придумать жители того города, что Нахраповъ совсѣмъ въ умѣ рехнулся. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, не странно-ли, не нелѣпо-ли такое признаніе, сдѣланное «самовольно, ни съ того, ни съ сего, передъ самымъ окончаніемъ дѣла, направленнаго такъ хорошо?» Теперь многіе припомнили, что Нахраповъ и прежде смахивалъ иной разъ на сумашедшаго. Въ этомъ видѣ молва о сумашествіи Нахрапова, доведшемъ его до «ненужнаго» признанія, росла, росла, и наконецъ возбудила вниманіе администраціи. Нашли нужнымъ подвергнуть его свидѣтельству въ поло-

женіи умственныхъ способностей. На такое распоряженіе особенно настаивалъ, у пріятеля своего губернатора, Нилъ Александровичъ. Онъ навѣстилъ Нахрапова въ полицейской арестантской; Андрей Несторовичъ рѣшительно отказался объяснить ему о причинѣ своего признанія, и это совершенно увѣрило Нила Александровича, что онъ совсѣмъ сошелъ съ ума.

Вскорѣ послѣ того, въ торжественномъ собраніи губернскихъ властей, былъ освидѣтельствованъ Нахраповъ. Съ печальною улыбкою выслушивалъ онъ предложенные ему вопросы о томъ, кто онъ такой, какъ звать его родителей, къ какому званію принадлежалъ и принадлежитъ, сколько лѣтъ ему отъ роду, есть-ли у него семейство, какія были его занятія, и что̀ заставило его сознаться въ преступленіи, въ которомъ онъ запирался, при трехъ прежнихъ изслѣдованіяхъ. Отвѣты Андрея Несторовича были кратки, ясны и проникнуты горькою ироніею. Особенно рѣзко отвѣчалъ онъ на послѣдній вопросъ: онъ выразилъ удивленіе, какимъ образомъ искреннее, полное признаніе его могло заставить думать, что онъ сошелъ съ ума. Затѣмъ онъ прибавилъ, что, вѣдь, не всякій же человѣкъ способенъ, до конца жизни, гнѣвить Бога разными грѣхами и неправдами.

Губернаторъ остался очень недоволенъ такимъ отвѣтомъ, и, безъ дальнихъ разсужденій, «изволилъ»

приказать объяснить въ протоколѣ, что общее присутствіе признаетъ Нахрапова «совершенно» неповрежденнымъ въ умѣ, а слово: «совершенно» даже собственноручно подчеркнулъ.

— Ну, мой милый! сказалъ онъ Нахрапову, — посмотримъ, какъ-то будешь ты поговаривать о совѣсти и о законахъ Божіихъ, когда разберутъ твое дѣло, какъ слѣдуетъ, да и постановятъ надлежащее наказаніе...

Строгій начальникъ губерніи приказалъ тотчасъ же помѣстить въ острогъ этого дерзкаго преступника, и самъ Нилъ Александровичъ не могъ смягчить гнѣвъ г. губернатора.

Но Нилъ Александровичъ ни за что́ не хотѣлъ согласиться съ заключеніемъ о неповрежденности ума своего protégé.

— Быть этого не можетъ, господа! говорилъ онъ: — Нахраповъ сумашедшій... на какомъ нибудь, одномъ пунктѣ. Тутъ, просто, психологическое явленіе!... Я много читалъ. За границею это даже довольно часто бываетъ.... ужь вы повѣрьте мнѣ. Да вотъ вы сами увидите, я большое пари готовъ держать, и вы скоро увидите, что я правъ...

Дѣйствительно, обстоятельства подтвердили отчасти тонкія замѣчанія Нила Александровича. Кучеръ и повѣренный рѣшительно отперлись, какъ въ томъ, что Тюняева ѣздила съ Нахраповымъ, такъ и въ томъ, что они зарыли ее. Никакія убѣ-

денія чиновниковъ, никакія улики самого Нахрапова на очныхъ ставкахъ не могли заставить ихъ сознаться. Они стали на одномъ, что знать ничего не знаютъ, вѣдать не вѣдаютъ.

— Ну, что-съ? какъ вы теперь-то скажете? говорилъ съ торжествомъ Нилъ Александровичъ: — не по моему-ли выходитъ? Повѣрьте, онъ сумашедшій!... Ужь я-то людей куда какъ знаю... Вы одно то возьмите: служилъ все время по питейной части, огонь и воду прошелъ, такъ какъ же вы хотите, чтобъ онъ сдѣлалъ сознательно такую неестественную глупость!

Ему возражали, что, несмотря на запирательство кучера и повѣреннаго, другія обстоятельства дѣла подтверждаютъ истину послѣднихъ показаній Нахрапова. Но Нилъ Александровичъ и слышать ничего не хотѣлъ.

Положеніе Нила Александровича въ губернскомъ обществѣ, его состояніе, его практическіе пріемы, были такъ значительны, что нашлось много людей, которые пристали къ его мнѣнію о невинности Нахрапова, какъ ни казалось оно эксцентричнымъ. Нахраповъ, несмотря на свое признаніе, пожалуй, довольно благополучно вывернулся бы изъ бѣды, — такъ сильно хлопоталъ вездѣ Нилъ Александровичъ о томъ, чтобы не была отягчена участь «невиннаго», если-бы наконецъ сама судьба не порѣшила дѣла.

Но разкажемъ, какъ провелъ нѣсколько времени Андрей Несторовичъ въ заключеніи.

Ему было-бы не такъ дурно въ этомъ заключеніи, ибо полицейскія власти, помня старое его «добро», старались всячески облегчить тягость его положенія. Онъ содержался отдѣльно отъ другихъ арестантовъ, въ довольно чистенькой комнаткѣ. Нерѣдко навѣщали его полицейскіе чиновники и наперерывъ хлопотали, чтобы развеселить его шуточками и сообщеніемъ всякихъ новостей. А онъ принималъ ихъ неохотно, и видимо тяготился разговорами. Да! положеніе его было-бы не совсѣмъ дурно, еслибы не внутренняя скорбь, которая грызла постоянно его душу. Прошелъ первый восторженный порывъ, внушенный страшною тоскою, и душевною усталостію, подъ вліяніемъ котораго онъ сдѣлалъ свое признаніе и выдержалъ освидѣтельствованіе; исчезла энергія, внушившая ему этотъ поступокъ, ибо она не была поддержана разумнымъ сознаніемъ долга, и онъ снова впалъ въ уныніе. Правда, не жалѣлъ Нахраповъ, что признался, даже былъ твердо увѣренъ въ необходимости этого признанія, но мрачное отчаніе, смертная тоска, почти безпрерывно терзали его тѣмъ болѣе, что онъ самъ видѣлъ, насколько недостаетъ у него нравственныхъ силъ для борьбы съ ними.

Первымъ дѣломъ злополучной Татьяны было по-

просить себѣ позволеніе видѣться съ отцомъ. Когда она вошла къ нему, онъ лежалъ навзничь на кровати. Худъ онъ былъ страшно и казался изнуреннымъ до крайности; внутренній огонь пожиралъ его, багровыя пятна выступали на блѣдныхъ и впалыхъ щекахъ, глаза блуждали... Завидѣвъ дочь, онъ отвернулся къ стѣнѣ, и ни слова не могла она добиться отъ него въ это первое свиданіе. Это чрезмѣрно огорчило ее, она стояла надъ отцомъ и горько плакала. Больно было и *Сенекѣ*, который не оставлялъ ее ни на минуту.

— Пойдемъ отсюда, Таня! сказалъ онъ, видя безчувственность ея отца.

Но въ первый разъ въ жизни воспротивилась она учителю. Тяжелое чувство неотразимой тоски приковывало ее къ мѣсту. Наконецъ Андрей Несторовичъ притворился спящимъ и громко захрапѣлъ. Они ушли.

Сенека, однако, ошибался. Нахраповъ не оставался безчувственнымъ. Онъ видѣлъ любовь дочери, но гордость его оскорблялась странною мыслію, что любовь эта вызвана не достоинствами его, а голосомъ природы, и, можетъ статься, только сожалѣніемъ. А еслибъ не это, какъ бы обнялъ онъ ее и повѣрилъ ей всѣ горести, все томленіе растерзанной души! Не сказавъ ей ни слова, онъ отпустилъ ее неутѣшную. Но когда ушла она, онъ громко завопилъ, вскочилъ съ кровати, бѣшено

сталъ ходить взадъ и впередъ, и рвалъ клочьями свои сѣдые волосы, и билъ себя въ грудь. Не было свидѣтелей его одинокому отчаянію; только солдатъ, стоявшій на караулѣ въ корридорѣ, слышалъ глухіе стоны и скорые тяжелые шаги, отъ которыхъ дрожалъ полъ.

На другой день Татьяна не была счастливѣе: отецъ не отвернулся отъ нея, но лежалъ безъ рѣчей и безъ движенія. Такія посѣщенія, безъ всякой пользы виновному и на видимое мученіе Татьяны, наскучили Николаю Петровичу. Онъ сталъ было удерживать ее дома, но она рвалась и плакала, и онъ долженъ былъ почти ежедневно водить ее въ острогъ. Ходилъ онъ также и одинъ навѣщать заключеннаго Нахрапова, дѣло котораго подвигалось къ развязкѣ. Онъ старался возбудить въ немъ добрыя чувства.

Андрей Несторовичъ и самъ желалъ бесѣдовать съ *Сенекою*, и жадно умолялъ его, чтобы онъ приходилъ къ нему какъ можно чаще. Съ какимъ порывомъ разказывалъ онъ ему про свою прежнюю жизнь, въ которой все было лживо, все было преступно! Съ ненавистью онъ передавалъ о своихъ молодыхъ годахъ, съ ненавистью и къ себѣ и къ другимъ. Въ его разказахъ часто можно было замѣтить преувеличеніе и особенное какое-то желаніе раздражать себя противъ прежней своей жизни. Съ жадностью начиналъ онъ слушать кроткія

слова *Сенеки*, проникнутыя теплою вѣрою въ божественные завѣты, чистою любовію къ Богу и къ ближнимъ; но скоро его подавляли собственныя горькія чувства, и онъ уже смутно дослушивалъ рѣчи старика.

Однажды Андрей Несторовичъ очень долго описывалъ ту среду, въ которой прежде жилъ, и особенно горько проклиналъ ее. Но вдругъ онъ пересталъ, мрачно задумался, лицо его какъ будто окаменѣло,—наконецъ онъ сказалъ *Сенекѣ*:

— Я вотъ о чемъ думалъ: нечего мнѣ надѣяться на Божью милость; какъ есть, проклятый человѣкъ!.. Вѣдь какая жизнь-то была? На всякій часъ—ложь, обманъ, воровство, развратъ... а жестокость-то какая!.. всѣ законы, божескіе и человѣческіе, были забыты... Охъ! адъ настоящій!.. а убійство-то?.. И изъ за чего одумался, прежнюю жизнь захотѣлъ кинуть?.. оттого, что грѣхъ такой случился, человѣка убилъ... Одумался, когда силъ не стало грѣшить, когда ужь и некуда дальше идти... Нѣтъ! эдакаго раскаянія Господь не приметъ!.. Проклятъ и въ семъ и въ будущемъ вѣкѣ!..

И онъ плакалъ такими горькими, страшными слезами, что, глядя на нихъ, ужасъ проникалъ въ душу. Видно было, что въ эту минуту онъ попалъ на такую мысль, которую долго не уяснялъ себѣ, но которая теперь возобладала совершенно надъ всѣми другими мыслями его и чувствами.

Сталъ уговаривать его *Сенека*; но утѣшительныя слова его едва понялъ Андрей Несторовичъ: такъ онъ былъ подавленъ грозною мыслію.

Тѣмъ временемъ болѣзнь, признаки которой замѣтилъ *Сенека* въ Нахраповѣ съ перваго же свиданія, развивалась въ немъ все болѣе и болѣе. Долго было нужно ей бороться съ крѣпкимъ его сложеніемъ, но наконецъ она одолѣла. Андрей Несторовичъ вдругъ сильно разнемогся. *Сенека* и даже смотритель острога уговаривали его лечь въ больницу, но онъ постоянно и упрямо отказывался отъ всякой помощи; Андрей Несторовичъ по цѣлымъ днямъ лежалъ на спинѣ, подавляя болѣзненные стоны, но сталъ менѣе мраченъ и изрѣдка ласкалъ Татьяну.

Скоро болѣзнь Нахрапова такъ усилилась, что *Сенека* уже предвидѣлъ печальный исходъ. Въ одинъ день, замѣтивъ въ больномъ бо́льшую противъ обыкновеннаго слабость, онъ сталъ упрашивать его причаститься Святыхъ Таинъ.

— Развѣ... развѣ ты думаешь... что уже не встану? прерывающимся голосомъ спросилъ Нахраповъ.

— Кто можетъ знать, кромѣ Бога Всевѣдущаго, выздоровѣешь ли ты или нѣтъ, отвѣчалъ *Сенека*, боясь испугать больнаго.

— Нѣтъ... ты мнѣ скажи по совѣсти, какъ ты меня находишь?

— Не совсѣмъ хорошо... но бываютъ больные и труднѣе тебя, а съ помощію Божіею выздоравливаютъ... Ты долженъ исполнить долгъ христіянскій...

— Нѣтъ!.. нѣтъ! отвѣчалъ Нахраповъ слабымъ голосомъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья.

Сенека замолчалъ. Онъ зналъ, что чѣмъ больше приставать къ Нахрапову, тѣмъ хуже. Вскорѣ Андрей Несторовичъ забылся и сталъ бредить. Все это время Татьяна была ни жива, ни мертва, но она смогла удержать свои слезы и задушить рыданія. Одно только качество наслѣдовала она отъ отца, непреклонную силу воли въ рѣшительныя минуты. Но стоило взглянуть на ея блѣдное, страдальческое лицо, чтобы понять, какъ велика ея скорбь.

Андрей Несторовичъ очнулся, приподнялся на локтю и повернулъ голову къ дочери. Долго смотрѣлъ онъ на нее, потомъ придвинулся и обнялъ ее.

— Тебѣ жаль меня, въ самомъ дѣлѣ? сказалъ онъ, глядя ей прямо въ глаза; — ну, хорошо, пожалуй... Завтра приведи ко мнѣ священника... я причащусь...

Посреди печали своей, Татьяна обрадовалась неземною радостію. Она бросилась цѣловать руки отца; онъ глядѣлъ на нее съ неизъяснимою нѣжностію.

— А вѣдь она любитъ меня! сказалъ онъ тихо *Сенекѣ*.

Къ вечеру онъ началъ стонать и метаться. Ис-

пуганные *Сенека* и Татьяна приступили къ нему съ просьбами немедленно послать за священникомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ Нахраповъ,— я сказалъ, завтра.... теперь не могу...

Потомъ съ помощію *Сенеки* онъ привсталъ съ кровати и подозвалъ къ себѣ Татьяну. Крѣпко обнялъ онъ ее и долго, долго держалъ на груди.

— Ну, полно же, полно, Таня, почти твердо говорилъ онъ,— не плачь... Чего тутъ плакать? Хорошо еще, что Господь приберетъ меня вовремя... а то не минуешь Сибири... Помолись за меня, Танюша, замоли за грѣшную душу мою... на себя не надѣюсь... Охъ! боюсь я... боюсь...

Онъ содрогнулся и замолчалъ на мгновеніе. Потомъ тряхнулъ головою, и, пріободрившись, сказалъ дочери:

— Что̀-жь рано-ль, поздо-ли, а умирать все надобно... Слушай, Татьяна, что̀ скажу тебѣ, и слова мои помни: любя, говорю тебѣ... Не выходи замужъ, нѣтъ на то моего совѣта, а то, пожалуй, нападешь на такого, каковъ я былъ... Живи ты съ Николаемъ Петровичемъ, или сама по себѣ... да вотъ еще пожалуй съ отцомъ моимъ, Несторомъ Савинычемъ... Да нѣтъ! не въ терпежъ тебѣ будетъ: старикъ ослабѣлъ больно, крутъ и задоренъ... Всѣ мы Нахраповы таковы; выходитъ, племя ужъ такое. Ты-то вотъ въ мать... Охъ! какъ добра, смиренна была покойница!... Господи! что̀ вытерпѣла

отъ меня, злодѣя!.. Уходилъ я ее, уморилъ не хуже Марѳы...

При этомъ роковомъ имени, страшныя судорги передернули лицо Андрея Несторовича, онъ опрокинулся навзничъ захрапѣлъ; пѣна показалась у рта. *Сенека* думалъ уже, что онъ отходитъ, но Нахраповъ черезъ полчаса опять очнулся и долго еще потомъ продолжалъ давать наставленія Татьянѣ. Голосъ его былъ довольно твердъ, хотя говорилъ онъ тихо. Онъ обращался къ дочери, какъ самый нѣжный отецъ; между прочимъ, онъ наказывалъ ей крѣпко-на-крѣпко ничѣмъ *не гордиться* и всегда помнить свое крестьянское происхожденіе.

— Коли-бъ не зазнался я, молвилъ онъ,— не сидѣлъ бы здѣсь.

Потомъ благословилъ онъ дочь и поблагодарилъ *Сенеку* за его неусыпныя попеченія о ней, и также за то, что не гнушался посѣщать его, преступника.

— Прощайте теперь, сказалъ онъ имъ наконецъ, —усталъ я... приходите завтра пораньше, да непремѣнно приведите священника... Слышите-ли, непремѣнно!

Большую часть этой ночи Татьяна провела въ молитвѣ. Не столько о жизни отца молилась она, сколько о спасеніи души его... Чѣмъ свѣтъ разбудила она *Сенеку*, и, завернувъ къ священнику, они попросили его слѣдовать за ними въ острогъ.

Татьяна просила помощника смотрителя отпереть

потише камору, гдѣ содержался отецъ ея. Когда вошли они, въ ней было тихо и еще довольно темно, въ узкое окно съ желѣзною рѣшеткою слабо проникалъ утренній свѣтъ. Андрей Несторовичъ лежалъ на кровати, весь вытянувшись; правая рука его съ сложенными пальцами лежала на груди, лѣвая свѣсилась наружу. Посѣтители остановились на минуту въ дверяхъ, дожидаясь, чтобъ онъ проснулся и позвалъ ихъ, но прошла минута, и не слышно было даже его дыханія. *Сенека* подошелъ къ нему, тихонько прикоснулся ко лбу, пощупалъ пульсъ, потомъ опустилъ его руку, и перекрестился.

Съ воплемъ бросилась Татьяна къ отцу.

— Ради Бога, тише!.. можетъ, онъ не совсѣмъ еще отошелъ, сказалъ священникъ, подходя тоже къ кровати.

Нѣтъ! для Андрея Несторовича все было кончено! Лицо его было спокойно, глаза закрыты, и изъ-подъ правой вѣки виднѣлась слеза. Кто знаетъ съ какими чувствами разставался онъ съ жизнію? Была-ль кончина его внезапна, или онъ долго томился? Раскаялся-ли въ часъ смертный, или же смерть застала душу его врасплохъ? И о чемъ была эта одинокая слеза?

Священникъ вполголоса прочиталъ надъ нимъ краткую молитву и ушелъ, обѣщавъ прислать псаломщика.

Все это время Татьяна лежала у ногъ бездыхан-

наго трупа, какъ онъ, недвижимая и почти безчувственная. *Сенека* стоялъ поодаль и усердно молился. Горесть Татьяны была невыразима. Страшная мысль мелькала по временамъ въ душѣ ея: недоумѣніе о посмертной участи отца. Цѣною жизни своей желала-бъ она увѣриться, что въ смертный часъ душа его молила Бога о прощеніи. Вдругъ раздалось надъ нею тихое, протяжное и мѣрное чтеніе. Она поднялась на ноги. Незнакомый старикъ, въ очкахъ, читалъ псалтырь надъ покойникомъ; дрожащій голосъ его, казалось, былъ полонъ слезъ. Какую-то отраду проливало въ душу Татьяны это чтеніе. Но прочитавъ нѣсколько псалмовъ, старикъ остановился, вынулъ рожокъ съ табакомъ, отсыпалъ щепоть на ладонь и съ явнымъ удовольствіемъ понюхалъ; потомъ поправилъ свѣчу передъ образомъ, откашлялся и опять принялся читать тѣмъ же тихимъ, печальнымъ и дрожащимъ голосомъ.

Татьяна не вытерпѣла и попросила псаломщика позволить ей читать псалтырь; онъ охотно согласился.

О, какъ читала она! Какимъ глубокимъ чувствомъ было проникнуто всякое слово! Казалось ей, что въ эти минуты нисходитъ на нее благодатная сила, и духъ отца ея внимаетъ чтенію. Долго читала она, не чувствуя ни малѣйшей усталости; ей не нужно было даже подкрѣплять себя пищею, ее поддерживало таинственное вдохновеніе. Съ изумленіемъ

глядѣлъ на нее *Сенека*; ему едва вѣрилось, что передъ нимъ стоитъ Татьяна, незадолго такъ пораженная великою печалію. Лицо ея просвѣтлѣло, на немъ не было и тѣни печали, глаза горѣли дивнымъ огнемъ. Наконецъ, уже поздно вечеромъ, начала одолѣвать ее усталость, она принуждена была присѣсть на стулъ. *Сенека* отвелъ и уложилъ ее на лавку, и спокойно заснула она: между тѣмъ, тѣло Андрея Несторовича убрали и положили на столъ. Сонъ Татьяны былъ спокоенъ, но кратокъ. Она вдругъ проснулась и быстро вскочила.

Съ пламенною ревностію принялась она опять читать. Вся душа ея переходила въ это чтеніе, которое она почти не прерывала до тѣхъ поръ, пока тѣло не вынесли въ церковь.

VI.

Великою горестію была поражена Татьяна въ послѣдніе дни жизни отца своего; когда же похоронили его, опять стала казаться ей страшною эта мрачная смерть.

— Таня! говорилъ ей *Сенека*: — не печалься, не сомнѣвайся и не страшись, а молися. Его святая воля была взять отца твоего отъ неправеднаго суда человѣческаго на Свой праведный судъ... Прискорбно, что онъ умеръ въ такомъ положеніи, но Го-

сподь и къ грѣшникамъ многомилостивъ. Не унывай, пуще всего!.. Знаешь-ли, что не однѣми молитвами можешь ты пользу дѣлать для отца своего? Правая жизнь твоя, чистые труды твои будутъ предстательствовать за него... Искупай же жизнію и трудомъ горькую участь отца своего.

Въ то время, какъ умеръ Андрей Несторовичъ, Татьянѣ было уже двадцать лѣтъ. Несмотря на такіе молодые года, характеръ ея уже сложился окончательно. Главныя черты его были: совершенная чистота понятій и мыслей, постоянная кротость, любовь къ труду, полное безкорыстіе. Она была серіозна и спокойна въ своихъ дѣйствіяхъ. Сложенія она была слабаго и болѣзненнаго; несмотря на это и на всѣмъ извѣстную бѣдность ея, — ибо неправедно нажитое состояніе Нахрапова, еще при жизни его, все пошло прахомъ, — за нее сватались многіе, но она всѣмъ на-отрѣзъ отказала; она страстно привязана была къ тихой и свободной жизни, которою пользовалась у *Сенеки*.

Но *Сенека* желалъ, чтобы трудъ ея былъ особенно плодотворенъ. Тотчасъ же послѣ похоронъ Андрея Несторовича, онъ предложилъ ей учить дѣтей грамотѣ. Съ великою радостію приняла она это предложеніе; Татьяна очень любила дѣтей, и дѣти любили ее чрезвычайно. А онъ научилъ ее простымъ и разумнымъ способамъ развивать ихъ понятія, питать обильно юную душу. Скоро образо-

валась маленькая школа изъ трехъ дѣвочекъ и одного мальчика, которою Татьяна занималась съ большимъ усердіемъ.

Къ концу этого года, *Сенека* услыхалъ случайно, что Несторъ Савиновъ Нахраповъ начинаетъ побираться по міру; отъ скудныхъ достатковъ своихъ онъ сталъ посылать черезъ отца Василія деньжонокъ на помощь старику Нахрапову. Какъ-то разъ Николай Петровичъ проговорился Татьянѣ обо всемъ этомъ. Она приняла это извѣстіе, какъ указаніе свыше, что̀ ей должно дѣлать. Кромѣ нея, у дѣдушки не было родныхъ, которые могли бы позаботиться о его безпомощной старости. Помянувъ отца въ годовщину, Татьяна попросила у Николая Петровича благословенія на новый трудъ. Содрогнулся бѣдный старикъ горькому жребію, добровольно избранному его ученицей, но онъ тотчасъ же понялъ, что желаніе ея служить старому и пьяному дѣду было не минутною прихотью воображенія, а обдуманнымъ и строго взвѣшеннымъ рѣшеніемъ. Жаль ему было разстаться съ нею, и еще болѣе жаль ее самою, непривыкшую ни къ сельскому тяжелому труду, ни къ грубому обращенію.

— Какъ-же ты станешь жить съ дѣдомъ-то, Таня? сказалъ онъ. — У него ничего нѣтъ, и выработать онъ ничего не сможетъ.

— Я сама буду работать, смиренно отвѣчала она.

— А коли ты состарѣешься, или у тебя не станетъ мочи? Вѣдь ты хила, Танюша!

— Тогда попрошу у добрыхъ людей, отвѣчала Татьяна; но мысль эта была тягостна для ней, и она заплакала.

На слѣдующее утро, когда она вошла къ *Сенекѣ* въ темномъ сарафанѣ и съ котомкой за плечами, готовая отправиться немедленно въ путь, *Сенека* въ первую минуту не могъ удержать слезъ.

— Вотъ въ какомъ нарядѣ я вижу тебя, Танюша! молвилъ онъ.

— Что́-жь! отвѣчала она, задумчиво улыбаясь:— я крестьянка, и крестьянскій нарядъ мнѣ всего приличнѣе. Да и батюшка наказалъ мнѣ не забывать, кто я...

Съ глубокою горестію и вмѣстѣ съ тѣмъ съ отеческою нѣжностію отпустилъ Николай Петровичъ Татьяну. Хотѣлъ было онъ нанять лошадей, чтобъ отправить ее восвояси, но она на-отрѣзъ отказалась. И хорошо сдѣлала: ей нужна была сильная, внѣшняя дѣятельность, чтобы на первыхъ порахъ заглушить голосъ стенящаго сердца. Много плакала она, разставаясь съ *Сенекой*, и еще больше рыдала надъ могилами матери и отца, куда заходила проститься передъ отправленіемъ въ путь.

Придя въ село Д-во, гдѣ жилъ дѣдъ ея, Татьяна наняла маленькую избеночку и уговорила его жить съ ней вмѣстѣ. Недавно только началъ онъ просить милостыню, и потому не привыкъ еще шататься; онъ былъ дряхлъ, и ему была милѣе печка, гдѣ, хлебнувъ иной разъ черезъ край, онъ могъ

спокойно проспаться. Много нужно было работать Татьянѣ, чтобы прокормить его и себя. Зимой и въ ненастье шила она бабьи наряды, весной ходила работать въ огороды, а лѣтомъ на сѣнокосъ. Эти работы сначала чрезвычайно утомляли ее, но она положила себѣ быть крестьянкою и совѣстливо исполняла всѣ крестьянскія обязанности; мало-помалу стала она довольно легко свыкаться съ ними. Но у нея были и другія занятія, болѣе ей знакомыя и свойственныя. Въ былое время *Сенека* передалъ ей нѣсколько простыхъ средствъ отъ разныхъ болѣзней, и Татьяна принялась лѣчить. Не одну ночь провела она у изголовья больныхъ, и, по особенному благословенію небесному, всѣ почти ея больные выздоравливали. Суевѣріе народа облекло Татьяну таинственнымъ значеніемъ; стали думать, что не столько ея попеченія, сколько присутствіе ея въ домѣ облегчаетъ больныхъ, что молитвы ея дѣйствительнѣе всякихъ лекарствъ. Молва о ней разнеслась далеко. Помѣщики стали брать ее для лѣченія, и нѣкоторые щедро награждали.

Но всѣ эти труды казались Татьянѣ ничтожными, недостигающими цѣли. Страшная мысль о смерти отца безъ покаянія не давала ей покоя ни днемъ, ни ночью; пламенно молилась она о немъ, безпрестанно подавала въ церковь о упокоеніи души его, и все-таки не могла утѣшиться.

Случилось въ селѣ Д—вѣ умереть старому крестья-

нину; онъ былъ бѣденъ и одинокъ; никто не шелъ читать по немъ псалтырь, потому что некому было заплатить за чтеніе. Татьяна вызвалась читать надъ покойникомъ, и съ этихъ поръ читала надъ всѣми, кто ни умиралъ въ селѣ.

Татьяна бѣдна, она не стыдится принимать за труды вознагражденіе, но никогда не торгуетъ трудомъ своимъ и беретъ, что̀ дадутъ; лишь за одно никогда не беретъ она денегъ, за чтеніе псалтыря надъ усопшими, богаты ли они, бѣдны ли — это все равно. Безкорыстнымъ исполненіемъ трогательнаго обряда думаетъ она заслужить отпущеніе грѣховъ отца своего. Любовь ея сильна, какъ смерть; ничто не можетъ ослабить ее.

Всякій трудъ она любитъ и всякій трудъ легко ей дается. Какъ успѣшно и просто учитъ она тоже крестьянскихъ дѣтей грамотѣ, передавая во время ученія юнымъ душамъ ихъ много истины и добра! Богъ помогаетъ Татьянѣ. До сихъ поръ живетъ она безъ нужды, трудясь постоянно и неутомимо. Изрѣдка навѣщаетъ ее *Сенека*, дряхлый, но еще бодрый духомъ старикъ, и въ разумной бесѣдѣ его много отрады находитъ Татьяна.

Вся жизнь ея проста, и трудъ ея простъ.—Есть еще люди, способные до конца чисто и право трудиться предъ Богомъ; есть святые люди, и безъ нихъ общество стоять не можетъ.

ИСТОРІЯ МОЕГО ДѢДА.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ.

Не купи село, купи сосѣда.

Русская пословица.

Исторія моего дѣда, отца моей матери, нѣсколько похожа на повѣсть Пушкина *Дубровскій*. Для болѣе рѣзкаго сходства, не достаетъ въ ней такого лица, каковъ сынъ Дубровскаго; былъ сынъ и у дѣда, только не является онъ мстителемъ за отца, да и человѣкъ онъ совсѣмъ другихъ свойствъ, какъ будетъ видно изъ другаго отрывка моихъ записокъ. Въ исторіи моихъ родичей, дѣда и дяди, отражается довольно яркими чертами оригинальная сторона внутренней русской жизни въ концѣ про-

шлаго столѣтія, которую совсѣмъ почти заслонили внѣшнія историческія событія.

Считаю не лишнимъ сказать предварительно, что въ этомъ разказѣ всѣ имена, по большей части, вымышленныя.

I.

Дѣдъ мой, Николай Михайловичъ Туренинъ, былъ дворянинъ московской губерніи, хотя не первостатейнаго боярскаго происхожденія, однакоже стариннаго дворянскаго рода. Разказывала мнѣ мать моя семейное преданіе, что, начиная съ Ивана Туренина, съ котораго крымскіе татары содрали живьемъ кожу, не было ни одного изъ его потомковъ, кто бы повелъ и кончилъ жизнь спокойно. Теперь родъ этотъ уже пресѣкся, со смертью Іосафа Туренина, самаго несчастнаго, можетъ-быть, изъ всѣхъ его представителей.

Послѣ отца, убитаго въ прусской войнѣ, дѣдъ мой остался четырехлѣтнимъ ребёнкомъ, подъ опекою своей матери и роднаго дяди, Зиновія Туренина. Мать дѣда моего была изъ богатаго и зна-

чительнаго рода Бориспольскихъ, но женщина совершенно безграмотная, что́ въ тогдашнее время, то-есть, въ половинѣ XVIII столѣтія, было еще не рѣдкостію. Дядя же, Зиновій Туренинъ, былъ премьеръ-майоръ, когда-то занимавшій въ Сибири важное мѣсто, и выѣхавшій оттуда съ большимъ обозомъ, у повозокъ котораго, по преданію, все, что́ обыкновенно бываетъ изъ желѣза, было серебряное. Говорили, что Зиновій Туренинъ снарядилъ свой обозъ такимъ образомъ потому, что правительство въ тогдашнее время, когда еще не знали билетовъ сохранной казны на неизвѣстнаго, обращало особенное вниманіе на выѣзжавшихъ изъ Сибири чиновниковъ. Должно быть, Зиновію Туренину, несмотря на строгіе осмотры, удалось-таки вывезти изъ Сибири большое богатство, конечно накраденное всяческимъ лихоимствомъ; всѣ знали объ этомъ при его жизни, но по смерти его никто не наслѣдовалъ его имущества — и куда оно дѣвалось, никому неизвѣстно. Зиновій Туренинъ былъ старый холостякъ, надменный, раздражительный до бѣшенства, скряга и мстительный. Онъ какъ разъ повздорилъ съ матерью моего дѣда, и ссорамъ и тяжбамъ между ними конца не было. Въ фамильномъ архивѣ, доставшемся мнѣ, вмѣстѣ съ бѣднымъ имѣніемъ, послѣ родныхъ, нашелъ я огромныя кипы бумагъ, относящихся до этой междоусобицы. Я имѣлъ терпѣніе заглянуть въ начало

и конецъ этого тяжелаго и темнаго процесса, — и какихъ диковинокъ не вскрылось передо мною! Тутъ есть обвиненія въ расточеніи и расхищеніи имѣнія малолѣтнаго, въ безпорядочномъ образѣ жизни, въ безграмотствѣ, малоуміи, всяческой безнравственности, даже въ безбожіи, — и все это пересыпано жалобами на личныя оскорбленія, нанесенныя укоризнами и ругательствами; выставляются свидѣтели противъ свидѣтелей, предъявляются отводы отъ показаній подъ присягою, и при этомъ выставлены, разумѣется, въ самомъ скандалезномъ видѣ, цѣлыя біографіи этихъ лицъ. Пожива была подъячимъ тогдашняго времени отъ такого дѣла! Чѣмъ оно кончилось, я не добрался, но, кажется, одолѣлъ Зиновій Туренинъ, ибо, при жизни еще матери моего дѣда, онъ былъ уже одинъ опекуномъ ребенка. Слѣдствія всего этого были самыя непріятныя для моего дѣда: сначала мать его была причиною потери значительнаго участка прекрасной луговой земли, съ которой теперешній владѣлецъ, графъ Т., получаетъ хорошій доходъ; потомъ дядя Зиновій не только заложилъ, но и продалъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ, часть его имѣнія. Это обстоятельство, какъ мы увидимъ дальше, будетъ причиною гибели молодаго Туренина.

Про первое обстоятельство стóитъ тоже разказать подробно. Это было вотъ какъ: возлѣ имѣнія

моего дѣда, частичка котораго принадлежитъ еще мнѣ, находилось огромное помѣстье генерала И—ва, лица, получившаго извѣстность въ самомъ началѣ царствованія императрицы Екатерины II. Во время генеральнаго межеванія, повѣренный генерала съ землемѣрами съумѣли такъ хорошо распорядиться, что И—въ оказался единственнымъ владѣльцемъ общихъ дачъ, и владѣнія его примкнули, съ одной стороны, къ самымъ почти окнамъ избъ моего дѣда. Когда происходило такое ловкое межеваніе, мать дѣда моего выѣхала посмотрѣть, чѣмъ такимъ занимаются землемѣры на ея лугахъ, и, въ актѣ объ отмежеваніи дачи было записано, что «госпожа такая-то присутствовала при семъ и никакого спора не предъявила.»

Такимъ образомъ, по милости матери и дяди, дѣдъ мой, еще ребенкомъ, началъ уже разоряться. Достигши девятнадцатилѣтняго возраста, онъ изъ сержантовъ гвардіи, въ которую, по обычаю того времени, былъ записанъ еще въ колыбели, перешелъ, ужь не знаю почему, въ драгуны, и, сдѣлавъ походъ до Серебряныхъ прудовъ, селенія тульской губерніи, вышелъ въ отставку прапорщикомъ, а потомъ уѣхалъ въ Петербургъ. Между тѣмъ мать его и дядя Зиновій умерли, и, нестѣсняемый уже ничѣмъ, онъ сталъ вести крѣпкоразгульную жизнь. Этотъ образъ жизни, вѣроятно, скоро и окончательно разорилъ бы его, еслибы не

навязался ему на шею большой процессъ съ сосѣднимъ помѣщикомъ Зарудинымъ, которому дядя Зиновій Туренинъ продалъ часть имѣнія своего племянника, во время его малолѣтства. Дѣдъ мой усердно занялся этимъ дѣломъ. Онъ былъ молодецъ собою, уменъ, ловокъ и, по временамъ, очень дѣятеленъ. Процессъ онъ выигралъ, но прежняя расточительная жизнь и издержки по дѣлу чуть-было не поглотили всего имѣнія его. Женитьба спасла его вовремя. Онъ женился въ Петербургѣ на прекрасной дѣвушкѣ, Надеждѣ Ивановнѣ Д—ной, и небольшое приданое ея помогло ему вывернуться изъ бѣды. А главное, жена его была женщина весьма умная и не безъ характера; она скоро дала понять своему мужу, что незачѣмъ, да и не по средствамъ жить имъ въ Петербургѣ, — и вотъ переѣхали они на житье въ деревню.

Я забылъ сказать, что у дѣда моего было имѣніе незначительное, всего какихъ-нибудь душъ полтораста или около двухъ сотъ, раскиданныхъ въ разныхъ мѣстахъ. Была еще у него большая земля въ саратовской губерніи, жалованная его предкамъ царями, но онъ продалъ ее, — всю безъ остатка, какъ было сказано въ актѣ, — за двѣсти рублей и полагалъ, что весьма выгодно сбылъ съ рукъ имѣніе, неприносившее никакого дохода. Онъ поселился въ своемъ старомъ, родовомъ сельцѣ Малѣевѣ. Сельцо Малѣево расположено, невдалекѣ

отъ великолѣпнаго села Драчева, въ верстѣ отъ Оки, по берегу маленькой рѣчки, на которой построена дѣдомъ моимъ мельница. Съ правой стороны селенія тянутся обширною равниной богатые луга, замыкающіеся вдали темною полосою дремучаго бора; съ другой стороны видны полосы обработанныхъ полей, составляющихъ лучшую часть земли всего уѣзда. Въ иныхъ мѣстахъ возвышаются небольшіе холмы, съ хорошо-выстроенными деревнями, съ живописно-раскиданными, зелеными рощами. Когда ѣдешь изъ села Драчева большою столбовою дорогой, изрытою весенними разливами Оки, виды, представляющіеся отовсюду, — превосходны, полны тихой, идиллической прелести: большая рѣка течетъ извилисто въ песчаныхъ, обрывистыхъ берегахъ, кое-гдѣ покрытыхъ густыми рощами; съ высоты открывается разомъ и отчетливо девять окрестныхъ селеній, въ томъ числѣ имѣніе моего дѣда. Оно виднѣется, надъ широкимъ пространствомъ луговъ, какъ зеленый островокъ, — все затопленное развѣсистыми ивами и другими деревьями крестьянскихъ садиковъ, сквозь которыя весело прорѣзываются чистые, трехъ-оконные домики, всѣ крытые тёсомъ; а по обѣимъ сторонамъ отъ него рельефно выдаются бѣлыя каменныя церкви селъ Мохова и Лимавы. Задушевно и горячо люблю я эту сторонку, и какъ подъѣзжаю къ ней, чуть лишь завижу мой зеленый островокъ, всегда чув-

ствую, что охватываетъ меня доброе, тихое, немножко-грустное настроеніе.

Въ этомъ-то краѣ поселился мой дѣдъ съ своею молодою, прекрасною женой. Казалось, это была весьма благоразумная мѣра въ его положеніи, но вышло не совсѣмъ такъ. Дѣдъ мой переѣхалъ на житье въ деревню вовсе не въ цѣлью хозяйничать. Не таковъ былъ его характеръ, чтобъ онъ могъ весь предаться занятіямъ земледѣльческимъ, требующимъ терпѣливаго вниманія, отчасти мелочно-хлопотливымъ, отчасти скучнымъ и весьма нерѣдко у насъ, даже въ настоящее время, неблагодарнымъ. Его воспитаніе, прежняя жизнь и привычки, а въ особенности примѣры окольныхъ помѣщиковъ, нисколько не содѣйствовали развитію въ немъ способности хозяйничать. Самая жена его не могла въ этомъ случаѣ имѣть на него вліянія быстраго и прочнаго; можетъ-быть, впослѣдствіи, она полегоньку и преобразовала бы его, но на первыхъ порахъ это было трудно. Я упомянулъ о примѣрахъ окольныхъ помѣщиковъ. Эти немногочисленные, впрочемъ, помѣщики были почти всѣ безъ изъятія гуляки, и ужь никакъ не люди, съ толкомъ занимавшіеся чѣмъ-либо дѣльнымъ. Время было тогда такое, что между жившими въ имѣніяхъ помѣщиками, даже владѣвшими порядочнымъ состояніемъ, вовсе не было людей образованныхъ. Въ томъ краѣ, малоплодоносномъ, большая часть имѣній была

въ оброкѣ: притомъ близость Москвы и Рязани увлекала постоянно тамошнихъ дворянъ въ жизнь городскую, жизнь ничтожную, пустую и развратную, въ которой безобразно смѣшивались невѣжественные, жесткіе, грубые пороки древней Руси съ полу-утонченнымъ развратомъ поверхностной образованности.

Вотъ какъ проводилъ жизнь дѣдъ мой: завелъ онъ большія стаи собакъ, борзыхъ и гончихъ, большую часть мущинъ нестройной дворни нарядилъ въ охотничьи костюмы, и съ увлеченіемъ пустился травить волковъ, лисицъ и бѣдныхъ зайцевъ. Конечно, не весь годъ можно было заниматься этимъ дѣломъ; за то у него были другія, подобныя же занятія. Въ сосѣдствѣ съ нимъ жило нѣсколько помѣщиковъ, такихъ же собачниковъ, какъ и онъ, которые въ пору, непригодную для охотничьихъ разъѣздовъ, частенько собирались къ нему покозырять. Кромѣ того, раза два-три въ годъ, дѣдъ мой отправлялся съ женою въ губернскій городъ къ семейнымъ праздникамъ тамошняго вице-губернатора, Петра Захарьевича Колымагина, который былъ очень друженъ съ нимъ. Петръ Захарьевичъ уважалъ дѣда моего. Вообще, въ тогдашнемъ провинціяльномъ обществѣ, дѣдъ мой пользовался замѣтнымъ значеніемъ. Не то, чтобъ онъ былъ богатъ, знатенъ или силенъ по связямъ своимъ; нѣтъ, — состояніе онъ имѣлъ, какъ уже

выше сказано, незначительное, роду онъ былъ старинаго дворянскаго, но не знатнаго, важныхъ связей никогда не имѣлъ, да и не хлопоталъ объ нихъ; несмотря на все это, повторяю, онъ пользовался всегда нѣкоторымъ значеніемъ, и этимъ былъ обязанъ своему характеру.

Характеръ его былъ не дюжинный. Онъ обладалъ прекрасными, даже высокими свойствами, такою добротою, что даже довольно многочисленные враги его признавали ее. Люди, нуждавшіеся въ его помощи, никогда не встрѣчали отказа. Иногда доброта эта походила на безразсудство, такъ что Надежда Ивановна, сама очень добрая женщина, должна была подчасъ бороться съ его влеченіемъ оказывать помощь всякому просящему. Домъ его былъ наполненъ странниками, бѣдными дворянами, дворянками и всякими приживальцами, кромѣ шутовъ, которыхъ, вопреки тогдашнимъ обычаямъ, онъ терпѣть не могъ. Главною чертой его характера была правдивость въ дѣйствіяхъ и словахъ, да вѣрность въ дружбѣ, доходившая до самоотверженія; снискать же его дружбу было не легко, хотя и легко было сойдтись съ нимъ за охотой, за игрой, за какою-нибудь пирушкой. Вообще онъ отличался необыкновенною терпимостью, пускалъ къ себѣ въ домъ безъ разбору всѣхъ своихъ сосѣдей, — а между ними немного было людей, выкупавшихъ нравственными качествами полный не-

достатокъ образованія, но онъ никому не оказывалъ пренебреженія. Совсѣмъ этимъ онъ былъ величаво смѣлъ и пылокъ; когда же страсть увлекала его къ чему-нибудь, то не было препятствія, которое могло бы остановить его на полдорогѣ.

Итакъ, дѣдъ мой, живя въ своемъ имѣніи, вовсе не хозяйничалъ. Кромѣ тѣхъ причинъ, на которыя я указалъ выше, причинъ, зависѣвшихъ отъ его характера и положенія въ тогдашнемъ обществѣ, была еще одна: страстно-любимая имъ жена не давала ему долгое время дѣтей, и онъ говаривалъ: «Не для кого беречь мнѣ свое добро.»

По сосѣдству съ дѣдомъ жили два человѣка, имѣвшіе сильное вліяніе на его судьбу: одинъ, Сергѣй Андреевичъ Берсеневъ, потомокъ знаменитаго боярскаго роду, «захудѣвшаго» со временъ великаго князя Василья Ивановича; другой, князь Александръ Александровичъ Любецкій.

Первый, жившій отъ дѣда моего верстахъ въ пятнадцати, былъ ему искреннимъ другомъ, несмотря на то, что характеры ихъ во многомъ были различны. Сергѣй Андреевичъ, какъ и онъ, добрый, благородный человѣкъ, отличался игривымъ, насмѣшливымъ умомъ, тогда какъ въ характерѣ моего дѣда веселости было очень мало. Всегда почти неразлучные, вмѣстѣ они охотились, пировали, вели жизнь свободную и разгульную, съ тою только разницею, что Берсеневъ хоть и имѣлъ уже за

сорокъ лѣтъ, отдавался удовольствію со всѣмъ увлеченіемъ молодости, — въ дѣдѣ же моемъ, моложе его годами десятью, и посреди разгула было что-то задумчивое.

Другой сосѣдъ дѣда, князь Любецкій, старый холостякъ, жившій отъ него верстахъ въ двухъ, въ селѣ Липавѣ, былъ человѣкъ совсѣмъ инаго разбору. Онъ имѣлъ девятнадцать тысячъ душъ крестьянъ и бригадирскій чинъ, что въ тогдашнее время, придавало ему, въ томъ краѣ, огромный вѣсъ. Зачѣмъ, съ такими средствами, жилъ онъ въ деревнѣ? про это никому не было извѣстно; но въ деревнѣ велъ онъ жизнь роскошную, окруженный толпою бѣдныхъ дворянъ, терпѣливо и подобострастно сносившихъ, за его хлѣбъ-соль, всѣ причуды его надменнаго, властолюбиваго, до бѣшенства вспыльчиваго характера. Впрочемъ, сколько ни старались угождать ему эти люди, они немного тѣмъ выигрывали въ его глазахъ. Какъ часто, бывало, пересолитъ въ подлой лести своей какой-нибудь приживалецъ — и князь быстро, какъ коршунъ, налетитъ на него, смутитъ его наглою, злобно-насмѣшливою рѣчью, осмѣетъ, разобидитъ словами, мало того, прикажетъ еще своимъ холопамъ сдѣлать какую-нибудь мерзость надъ несчастнымъ приживальцемъ, — потравить его, будто невзначай, собаками, напустить ночью на него медвѣдя, и тому подобное. Правда, что все это

происходило не въ самомъ домѣ князя, онъ не любилъ кутить, не любилъ черезчуръ шумныхъ забавъ, въ домѣ у него все было чинно и важно; всѣ продѣлки съ бѣдными, подпавшими подъ княжескую опалу приживальцами, дѣлались въ одномъ изъ многочисленныхъ грязныхъ флигельковъ, гдѣ ночевывали они, или въ какомъ-нибудь темномъ мѣстѣ обширнаго парка. Паркъ этотъ составился изъ вѣковыхъ, громадныхъ сосенъ и дубовъ бора, который, по народному преданію, выросъ на крови татарской. Князь даже рѣдко глядѣлъ на эти продѣлки; для его лѣниваго сплина довольно было убѣжденія, что приказаніе въ точности исполнено. Несмотря на дурное обращеніе князя съ своими приживальцами, которые видали отъ него и благостыню-то немногую, они какъ ночныя бабочки вкругъ огня, такъ и толпились во дворѣ его, всячески подличая передъ нимъ, и всегда готовые, по его приказанію, чуть не въ огонь и въ воду. Таково было тогдашнее время. Бѣднымъ «малодушнымъ» дворянамъ, жившимъ по сосѣдству съ такими сильными людьми, какъ князь Любецкій, нельзя было не поддаваться ихъ власти. Хотя все въ этихъ отношеніяхъ было пропитано духомъ рабства, лести и подлости, однако былъ въ нихъ и залогъ нѣкотораго покровительства, нѣкоторой двусмысленной безопасности противъ другихъ владѣльцевъ, менѣе сильныхъ, но всетаки опасныхъ, при неизбѣжномъ

сосѣдскомъ столкновеніи съ ними. По понятіямъ того времени, для бѣдняковъ такая роль не казалась нисколько предосудительною; хотя кто и «шляхетскаго» (какъ говорилось тогда) былъ происхожденія, однако всѣ охотно, даже съ радостью, унижались передъ патронами.

Дѣдъ мой и Сергѣй Андреевичъ Берсеневъ были тоже знакомы съ княземъ Любецкимъ; имъ нельзя было бы отдѣлаться отъ этого знакомства, потому что въ продолженіе извѣстнаго времени князь состоялъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Званіемъ этимъ онъ какъ-то особенно гордился; никогда, бывало, при удобномъ случаѣ не преминетъ выставить напоказъ всѣмъ и каждому, что онъ, князь Любецкій, магнатъ, бригадиръ, вельможа и по роду, и по связямъ, и по богатству, взялъ на себя трудное званіе уѣзднаго предводителя дворянства, «собственно ради пользы общественной». За то онъ и распоряжался деспотически въ своемъ уѣздѣ. Уѣздные чиновники и дворяне (кромѣ дѣда моего и Берсенева) считали себя постоянно какими-то подчиненными князя, какъ бы вассалами его. Онъ вмѣшивался не только въ дѣла, производившіяся въ присутственныхъ мѣстахъ, но и во все то, что случалось въ домашнемъ быту дворянъ; голосъ его почти всегда рѣшалъ эти дѣла окончательно и безаппелляціонно. Такою ролью главнаго, *верховнаго*

распорядителя въ уѣздѣ, князь, безъ сомнѣнія, былъ обязанъ отчасти званію предводителя дворянства. Званіе это, тогда недавно созданное и введенное въ общественную жизнь, не совсѣмъ еще привилось къ ней и было слишкомъ неопредѣленно въ въ своихъ границахъ, въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ властямъ и мѣстнымъ учрежденіямъ. Понятно, что такой человѣкъ, какъ князь Любецкій, облекшись въ это новое и неопредѣленное званіе, опираясь притомъ на свое имя, родъ, чинъ, богатство, и на связи съ тогдашнимъ московскимъ генералъ-губернаторомъ, графомъ О., постарался придать себѣ сколь возможно болѣе значенія. Впрочемъ, князь Любецкій ко всѣмъ помѣщикамъ своего уѣзда, не принимавшимъ на себя роль приживальцевъ, былъ большею частію вѣжливъ и вообще довольно хорошъ. Онъ говаривалъ обыкновенно, что обязанъ, по званію своему, быть какъ можно вѣжливѣе съ дворянами, избравшими его своимъ предводителемъ и «главою», и подавать имъ примѣръ въ жизни общественной. Во всякомъ случаѣ, по тогдашнему времени, онъ былъ человѣкъ образованный, по крайней-мѣрѣ съ внѣшней стороны; нѣсколько поѣздокъ въ молодости за границу, пребываніе, хоть и недолгое, при дворѣ Екатерины, смягчили его обращеніе съ людьми, не подходившими прямо подъ его вліяніе, — смягчили до того, что будь дворяне его уѣзда посамостоятельнѣе,

отношенія къ нимъ князя, несмотря на его природный характеръ, были бы не слишкомъ тяжелы.

Дѣдъ мой и Берсеневъ далеко не были съ княземъ Любецкимъ въ такихъ отношеніяхъ, въ какихъ были съ нимъ всѣ остальные помѣщики, одинакаго съ ними состоянія и положенія. Оба они такъ умѣли поставить себя въ глазахъ князя, что ему ни въ какомъ случаѣ не приходилось своевольничать съ ними, а имъ терять когда-либо собственное достоинство. Какъ именно успѣли они въ этомъ, не дошло до меня, но фактъ былъ положительный и тѣмъ болѣе достовѣрный, что онъ повлекъ за собою много бѣдствій для дѣда.

Князь Любецкій замѣтно тяготился нѣкоторымъ принужденіемъ, которое невольно вкралось въ обращеніе его съ дѣдомъ и Берсеневымъ, но тѣмъ не менѣе поддерживалъ съ обоими знакомство пріязненное. Никогда не позволялъ онъ себѣ съ ними ни одной изъ тѣхъ ядовито-насмѣшливыхъ выходокъ, къ которымъ влекла его не столько собственная неукротимость, сколько рабская угодливость и возмутительная терпѣливость окружавшихъ его кліентовъ. Съ дѣдомъ моимъ онъ въ особенности былъ очень хорошъ; несмотря на свою надменность, онъ нерѣдко посѣщалъ его домъ, всегда былъ внимателенъ къ женѣ его, старался дѣлать ей маленькія угожденія, почти ежедневно присылалъ узнавать о ея здоровьѣ, и весьма часто изъ

прекрасныхъ оранжерей своихъ отправлялъ къ ней цвѣты и фрукты.

Итакъ, князь Любецкій и дѣдъ мой жили добрыми сосѣдями. Однажды случилась между ними незначительныя размоловка; она не повела за собою никакихъ особенныхъ непріятностей, даже не перервала между сосѣдями обычныхъ отношеній, но, кажется, именно съ этой эпохи началась тайная вражда князя къ дѣду. Сама по себѣ размоловка эта была такъ ничтожна, что про нее можно бы было и не упоминать здѣсь; но поводъ къ ней, въ которомъ есть характеристическія черты тогдашняго времени, побуждаетъ меня разказать съ нѣкоторою подробностію все происшествіе.

То было время замѣчательное. Только что уняли тогда яростныя волны страшнаго пугачевскаго мятежа, но подъ улегшеюся поверхностію еще тлѣлъ огонь и кое-гдѣ прорывался порою. Во время весеннихъ разливовъ рѣкъ, на прибрежныя селенія нападали разбойничьи шайки, состоявшіе нерѣдко изъ пятидесяти и даже изъ ста человѣкъ. Часто шайки эти, которыя свободно разъѣзжали по большимъ рѣкамъ, какъ во времена Стеньки Разина, въ косныхъ лодкахъ, осмѣливались пробираться и въ глубь страны, верстъ на десять и на пятнадцать отъ берега. Тогда въ злополучныхъ селеніяхъ, подвергавшихся разбойничьему посѣщенію, повторялись всѣ страшныя сцены пугачев-

щины: рѣдко избы крестьянскія оставались цѣлы послѣ такого посѣщенія; разграбивъ село, напившись до-пьяна и уходя къ своимъ лодкамъ, разбойники обыкновенно зажигали деревни съ обоихъ концовъ. Помѣщикамъ и управляющимъ, при нашествіяхъ разбойничьихъ, приходилось очень плохо; удалая шайка, нисколько ихъ не жалѣючи, мучила, пытала, терзала несчастныхъ, вынуждая признанія о скрытомъ имуществѣ, а иногда изъ единой только потѣхи. Случалось нерѣдко, что злодѣи-гости насмерть сжигали своихъ хозяевъ на маломъ огнѣ. Конечно, такія продѣлки не проходили даромъ, начальство принимало строгія, по большей части дѣйствительныя мѣры; но спокойствіе и безопасность не скоро возстановились въ нашемъ краю.

Въ то время, которое я описываю, по нѣсколькимъ уѣздамъ губерніи московской и рязанской знаменитъ былъ своими отважными, дерзкими до безумія, разбойническими подвигами бѣглый крестьянинъ села Ловцова, по прозванію Веревкинъ. Шайка его была не очень велика, всего человѣкъ пятнадцать; за то эта немногочисленность вознаграждалась дикою, стремительною отвагою тѣхъ, которые принадлежали къ отчаянной шайкѣ, въ особенности самаго Веревкина; случалось, что онъ одинъ выходилъ на разбой. Въ тѣхъ краяхъ, гдѣ онъ разбойничалъ, и теперь еще живутъ въ памяти народной разказы о его продѣлкахъ. Говорятъ,

что ему не разъ приводилось быть окружену со всѣхъ сторонъ солдатами и понятыми, что однажды даже и совсѣмъ попадался онъ въ руки поимщиковъ, — только всегда бывало ловко вывертывался изъ бѣды, «глаза отводилъ», и пропадалъ на мѣстѣ, словно сквозь землю проваливался.

Про эти поимки вотъ еще что́ разказываютъ: на Веревкина часто выходили облавой; для этого обыкновенно собирали изъ всѣхъ селъ по Окѣ очень много народу, иногда человѣкъ тысячи по двѣ. Вотъ и окружатъ, бывало, понятые лѣсъ или часть лѣса, въ которой предполагалось на ту пору мѣстопребываніе разбойника, — но никто изъ чиновныхъ людей никогда не сопровождалъ понятыхъ; обыкновенно бѣдняки эти пускались въ лѣсъ на поимку, а чиновный людъ оставался въ какомъ-нибудь ближнемъ селеніи; впрочемъ, для содѣйствія поимщикамъ и для направленія ихъ поисковъ командировались сотскіе, десятскіе, и даже человѣка два-три инвалидныхъ солдатъ. Разбредутся поимщики кучками по всему лѣсу, прошатаются въ немъ съ ранняго утра до глубокой ночи (и такія прогулки продолжались иногда по нѣскольку дней сряду), и воротятся голодные, усталые, измученные. Узнавъ о безуспѣшности поисковъ, чиновники страшно разгнѣваются на сотскихъ и десятскихъ, угостятъ ихъ вдоволь добрыми тумаками, а подчасъ и горячими розгами, да и разъѣдутся по до-

мамъ; въ свое время разразятся надъ ними самими, все за ту же безуспѣшность, строжайшіе выговоры высшихъ начальниковъ, а разбойникъ все погуливаетъ себѣ на свободѣ... На одной изъ такихъ облавъ былъ странный случай, объяснимый только паническимъ страхомъ безоружныхъ понятыхъ, пущенныхъ съ одними кулаками на поимку отчаяннаго разбойника въ тѣ самыя мѣста, которыя были преисполнены славою его молодецкихъ подвиговъ. Побродивъ довольно по лѣсу, этакъ уже къ вечеру, понятые собрались всѣ въ большую кучу и расположились на полянкѣ потолковать о томъ, о семъ; вдругъ изъ чащи лѣса выходитъ Веревкинъ, вооруженный кистенемъ и съ парой пистолетовъ за поясомъ, но одинъ-одинехонекъ, да какъ гаркнетъ зычнымъ голосомъ: «шапки долой, ребята!»—однимъ махомъ шапки слетѣли съ головъ. Тогда Веревкинъ вошелъ въ самый кругъ понятыхъ и, замѣтивъ между ними новыя лица молодыхъ парней, высланныхъ въ облаву замѣсто отцовъ, началъ ихъ разспрашивать, что̀, дескать, отцы-то ваши дѣлаютъ. Наговорившись съ ними вдоволь, вздумалъ онъ спросить понятыхъ: А что, ребята, чай помучились порядкомъ, искавши меня?» — Какъ же, батюшка, отвѣчали они, и то помучились. Вотъ вчерась и нонече бродили, бродили по лѣсу! а вышли-то ни свѣтъ, ни заря, да и не ѣвши весь день пробыли. «А почто такъ?» спросилъ опять разбойникъ.

—Да не посмѣли, безъ приказу сотскаго, хлѣбушка съ собой взять. «Ахъ онъ, міроѣдъ эдакой! сказалъ Веревкинъ; да воть я разочтуся съ нимъ... Розогъ, ребята... давай-ка сюда сотскаго!..» И высѣкъ Веревкинъ бѣднаго сотскаго не на животъ, а на смерть.

Кто знаетъ, по какой именно причинѣ не отправлялись чиновники лично для поимокъ Веревкина? Задабривалъ ли онъ ихъ напередъ деньгами, или, что̀ и, вѣрнѣе мнѣ кажется, боялись они его пуще огня, хорошо знавши безумную отвагу всей его шайки. Главный притонъ Веревкина былъ въ глубинѣ рязанскаго уѣзда, въ краѣ, называемомъ Мещерою, среди густыхъ лѣсовъ, разросшихся на низменной, болотистой мѣстности. Со вскрытіемъ рѣкъ и до конца мая, онъ разгуливалъ большею частію по Окѣ, около Коломны и богатыхъ селъ, расположенныхъ по берегу. Въ это время ему случалось соединяться съ другими шайками и предводительствовать надъ ними; тогда онъ становился дерзокъ и опасенъ до крайности. Противъ него высылались даже небольшіе отряды солдатъ, но какъ-то всегда вовремя успѣвалъ онъ избѣгнуть погони и разставленныхъ ему сѣтей. Восемь лѣтъ гулялъ онъ такимъ образомъ по бѣлу свѣту, но наконецъ романическая прихоть погубила его: онъ влюбился въ жену к—аго помѣщика Беркутова, увезъ ее и былъ пойманъ оскорбленнымъ мужемъ.

Съ этимъ - то разбойникомъ столкнула судьба и моего дѣда. Ему вздумалось, во что бы то ни стало, поймать удальца. Вотъ случай, подавшій поводъ дѣду моему принять на себя трудное дѣло изловленія Веревкина.

Верстахъ въ двѣнадцати отъ сельца Малѣева, на самомъ берегу Оки, жилъ помѣщикъ Омшаровъ, считавшійся съ дѣдомъ моимъ въ какомъ - то родствѣ. Это былъ человѣкъ довольно богатый, разжившійся, какъ ходили толки въ народѣ, по особенному случаю. Въ молодости своей, когда онъ служилъ еще въ драгунахъ, довелось ему сопровождать въ Сибирь партію разбойниковъ, пойманныхъ на Волгѣ. Во время пути вздумалъ онъ покровительствовать одному изъ колодниковъ, а тотъ подъ пьяную руку разболталъ ему, гдѣ находится часть награбленныхъ сокровищъ. Само собою разумѣется, что Омшаровъ воспользовался ими. Вѣроятно, вслѣдствіе этой причины (другой же нельзя предполагать, ибо съ крестьянами и дворовыми своими Омшаровъ былъ хорошъ и справедливъ), онъ нѣсколько разъ подвергался пожарамъ: гумно, деревня, лѣса его частенько поджигались. Но разъ, во время половодья, сдѣлано было болѣе серіозное покушеніе на собственность и даже на жизнь Омшарова. Въ самое Ѳомино воскресенье, вечеромъ, когда дворовые люди пошли въ застольную ужинать, а въ господскомъ домѣ осталось только, при

семействѣ Омшарова, нѣсколько старухъ да подрядчикъ-плотникъ, драчевскій крестьянъ Ѳедоръ Ивановъ, — цѣлая шайка разбойниковъ нагрянула въ гости къ Омшарову. Къ счастію, всѣ окна въ нижнемъ этажѣ каменнаго дома были заперты изнутри желѣзными ставнями, заведенными помѣщикомъ издавна и, какъ видно, недаромъ. Да къ счастію тоже, передъ самымъ этимъ нашествіемъ, напала на подрядчика Ѳедора сильная оторопь; онъ и пошелъ запереть дубовыя, обитыя желѣзными полосами, двери въ сѣняхъ. Только-что вложилъ онъ вторую запорку, какъ вдругъ услыхалъ стукъ въ двери.

— Кто тамъ? спросилъ Ѳедоръ.

— Отпирай! раздался чей-то повелительный, громовой голосъ, — отпирай!... съ указомъ отъ государыни!...

И вслѣдъ за этимъ, Ѳедоръ Ивановъ услышалъ на дворѣ движеніе большой толпы.

— Ступай въ кухню, отвѣчалъ онъ: — тамъ люди ужинаютъ. Пришли кого-нибудь оттуда доложить барину.... А такъ не пущу.... кто васъ тамъ знаетъ....

Раздались страшныя ругательства и крики. Ѳедоръ Ивановъ опрометью побѣжалъ къ Омшарову.

— Арсеній Иванычъ! закричалъ онъ: — разбойники пожаловали! Что́ дѣлать!... Пропали мы!....

Но Омшаровъ былъ человѣкъ съ твердымъ характеромъ; онъ нисколько не потерялъ головы.

Схвативъ саблю и два пистолета, вооруживъ тоже Ѳедора какимъ-то старымъ бердышомъ и ружьемъ, онъ кинулся въ верхній этажъ, и вовремя попалъ туда. Въ двухъ мѣстахъ были приставлены лѣстницы къ окнамъ. Скоро въ окнѣ, у котораго расположился Омшаровъ, показался человѣкъ въ треугольной офицерской шляпѣ, съ перевязью черезъ плечо. Однимъ ударомъ огромной руки, на которой надѣта была перчатка съ раструбами, онъ вышибъ одиночную раму и хотѣлъ было прыгнуть въ комнату, но Омшаровъ такъ сильно хватилъ саблею по этой рукѣ, что она отдѣлилась въ комнату, а человѣкъ полетѣлъ на земь. Вслѣдъ за этимъ, Ѳедоръ Ивановъ выстрѣлилъ въ толпу разбойниковъ, и выстрѣлъ его былъ удаченъ: одинъ изъ толпы повалился мертвъ на траву. На селѣ ударили въ набатъ. Тогда раздался общій крикъ разбойниковъ: «вода! вода»!... *) и всѣ они стремительно бросились назадъ. На другой день, на берегу Оки, нашли слѣдъ большой косной лодки и офицерскую треугольную шляпу.

Вотъ за это-то покушеніе на родныхъ своихъ дѣдъ мой и вздумалъ изловить Веревкина, которому приписывались тогда всѣ разбойническіе подвиги.

---

*) Крикъ, означавшій у разбойниковъ, что предпріятіе не удалось и надо бѣжать.

Николай Михайловичъ объявилъ о своемъ намѣреніи князю Любецкому, какъ предводителю дворянства; а ему поручено было тогда отъ генералъ-губернатора предложить дворянамъ принять особенныя мѣры къ огражденію помѣстій своихъ отъ нашествій разбойническихъ, держать дневные и ночные караулы по селеніямъ, располагать на извѣстныхъ разстояніяхъ пикеты. Услышавъ о намѣреніи своего сосѣда, князь пришелъ въ восторгъ. Зная его предпріимчивость и рѣшимость, князь напередъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ.

Не имѣю свѣдѣній, какъ именно принялся дѣдъ мой за свое предпріятіе, но знаю только, что оно не удалось ему. Разбойникъ рѣшительно ускользнулъ отъ всѣхъ его поисковъ, и мало того, къ крайней досадѣ дѣда, прислалъ ему записку, въ которой объявлялъ насмѣшливо, что напрасно хлопочетъ Николай Михайловичъ, баринъ добрый и хорошій, изловить его, Ваську Веревкина, который ёму никакого худа не сдѣлалъ; что Николай Михайловичъ вѣкъ будетъ искать его, да не найдетъ, а онъ, Веревкинъ, еслибъ захотѣлъ только, такъ не однажды могъ бы убить его во время поисковъ; и что, впрочемъ, онъ пощадилъ Николая Михайловича, жалѣючи больше его барыню Надежду Ивановну, прекрасную собою и добрую къ своимъ людямъ. Записку эту доставилъ дѣду старикъ Мокѣичъ, сидѣвшій въ драчевскомъ бору на его пчель-

никѣ, къ Мокѣичу же принесъ ее самъ Веревкинъ. Дѣдъ, прочтя оригинальное посланіе, страшно разгнѣвался, еще разъ пустился искать Веревкина, но Веревкина и слѣдъ простылъ. Онъ перебрался въ свой главный притонъ, въ рязанскій уѣздъ, и только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ пойманъ помѣщикомъ Беркутовымъ.

Эта неудача въ предпріятіи, сдѣлавшаяся весьма гласною, много бѣсила дѣда, тѣмъ болѣе, что князь Любецкій, вскорѣ послѣ того, въ присутствіи дворянъ, собравшихся въ его домѣ, сталъ упрекать дѣда моего, говоря, что разсчитывая на полный успѣхъ мѣръ, принятыхъ Николаемъ Михайлычемъ Туренинымъ, онъ писалъ объ этомъ къ генералъ-губернатору, по теперь, къ крайнему прискорбію своему, видитъ надежды свои не сбывшимися. Дѣдъ вспыхнулъ и довольно запальчиво отвѣчалъ, что онъ ловилъ разбойника по собственной волѣ, а не по препорученію начальства, и по дѣлу этому ни передъ кѣмъ не считаетъ себя въ отвѣтѣ.

Князь тотчасъ постарался замять разговоръ и успокоить дѣда. Но съ этихъ поръ нѣкоторая холодность вкралась въ ихъ отношенія: князю непріятно было выслушать дерзкій отвѣтъ своего сосѣда при многихъ свидѣтеляхъ. Но года съ полтора послѣ этого происшествія, все еще обстояло благополучно.

Незадолго до случая, имѣвшаго столь пагубное вліяніе на бѣднаго моего дѣда, разъ передъ самымъ обѣдомъ,—это было на первый Спасъ, то-есть 1-го августа 178* года,—шибко вбѣжалъ въ комнату дѣда юродивый Вася, крестьянинъ изъ села Драчева, и, подбѣжавъ къ хозяину, который только что хотѣлъ садиться за столъ, обнялъ его, прильнулъ къ плечу его своею всклокоченною головою и горько заплакалъ. Съ трудомъ отдѣлался дѣдъ отъ объятій юродиваго, насилу унялъ этотъ горькій, ребяческій плачъ и наконецъ изъ отрывочныхъ, дикихъ рѣчей Васи, безпрестанно прерываемыхъ слезами и молитвами, едва могъ разобрать зловѣщее предсказаніе.... Бѣда грозила Васѣ и самому Туренину, но въ чемъ должна была заключаться эта бѣда, нельзя было распознать изъ несвязныхъ словъ юродиваго. Этотъ случай произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ, бывшихъ тутъ, и на дѣда, нисколько неизъятаго отъ предразсудковъ народныхъ. Особенно была потрясена этимъ Надежда Ивановна. Къ счастію, вечеромъ пріѣхалъ Сергѣй Андреевичъ Берсеневъ, и всегдашнею своею веселостію разогналъ хандру, навѣянную пророчествомъ юродиваго.

Прошло двѣ недѣли. Все было тихо и спокойно. Жизнь дѣда текла по прежнему. На Успеньевъ день онъ ѣздилъ въ село Мохово къ заутрени, послѣ которой отправился тотчасъ же домой: свя-

щенникъ не хотѣлъ служить ранней обѣдни, а собирался, часа черезъ четыре, отслужить позднюю. Часу въ восьмомъ утра, опрометью прибѣжали къ дѣду сильно-перепуганные дворовые люди: «Батюшка, Николай Михайлычъ!... церковь горитъ!...» кричали они. Дѣдъ въ ту же минуту вскочилъ на лошадь и со всѣми взрослыми людьми своей дворни кинулся въ Мохово, которое, я забылъ сказать выше, находится въ одной только верстѣ отъ сельца Малѣева. Онъ прискакалъ туда, когда деревянная церковь еще не вся была объята пламенемъ, а колокольня стояла совершенно не тронутая огнемъ. Спасти строеніе, безъ помощи пожарныхъ инструментовъ, не было никакой возможности. Всѣ, случившіеся на пожарѣ, старались только спасти церковную утварь. Добрый священникъ, отецъ Егоръ, дѣйствовалъ съ тѣмъ самоотверженіемъ, какое только можетъ быть внушено глубокою сильною, горячею вѣрою. Подвергая величайшей опасности жизнь свою, онъ вынесъ изъ алтаря святые дары и нѣсколько мѣстныхъ образовъ. Другіе, въ томъ числѣ дѣдъ мой и юродивый Вася, тоже забывъ объ угрожавшей опасности, спасли много иконъ и церковныхъ принадлежностей. Наконецъ пламень охватилъ всю церковь, и уже нельзя было не только войдти въ нее, но даже и стоять къ ней близко. А между тѣмъ колокольня все еще оставалась цѣла. Тогда священ-

никъ, вмѣстѣ съ юродивымъ, кинулся отвязывать колокола. Тщетно дѣдъ мой хотѣлъ остановить отца Егора, — онъ не сталъ слушать словъ, вырвался изъ рукъ его и въ какомъ-то отчаянномъ самозабвеніи бросился на явную смерть. Колокольня уже дымилась и чадѣла, когда они вошли въ нее, чтобы спасать колокола. Несчастные успѣли отвязать только два небольшіе колокола, какъ вдругъ ветхое зданіе вспыхнуло; народъ застоналъ отъ ужаса.... Церковь и колокольня разгорались все ярче и ярче и скоро рухнули; страшно обезображенныя тѣла священника и юродиваго были вытащены изъ-подъ груды пылавшихъ бревенъ. Юродивый былъ уже мертвъ, священникъ жилъ еще сутки. Онъ уже лишился способности говорить, черты лица его слились въ одну безобразную массу; но въ послѣдніе часы жизни своей бѣдный старикъ не забывалъ своего сана: чуть приподнимая правую руку, онъ складывалъ слабо пальцы свои въ крестное знаменіе и безпрестанно благословлялъ предстоявшихъ.

Потрясенный случившимся, подавленный смутнымъ, мрачнымъ предчувствіемъ, дѣдъ мой къ обѣду воротился домой.

— Вотъ, Надя, сказалъ онъ, женѣ своей: — половина предсказаній Васи сбылась. Что-то теперь мнѣ посылаетъ Господь!...

Надежда Ивановна заплакала.

— Не плачь! продолжалъ онъ: — вони Божіей не минуешь.... А быть бѣдѣ....

Въ это время въ домѣ у него было нѣсколько сосѣдей, и въ томъ числѣ Сергѣй Андреевичъ Берсеневъ. За обѣдомъ дѣдъ ничего не ѣлъ и не пилъ. Онъ молчалъ, погруженный въ печальное раздумье; никакія усилія Надежды Ивановны и Николая Андреевича не могли разсѣять этой мрачной думы. Вечеромъ сосѣди усѣлись играть въ квинтичь, любимую игру того времени. Дѣдъ не сталъ играть, и ходилъ по комнатамъ, все о чемъ-то думая.

Часу въ десятомъ ночи, любимый слуга дѣда, Николай Гурѣевъ, вбѣжалъ въ комнату въ страшныхъ попыхахъ, и разказалъ, что цыгане табора, который за нѣсколько передъ тѣмъ времени расположился на земляхъ князя Любецкаго, любившаго тѣшиться ихъ пѣснями и плясками, явились на луга малѣевскіе, навиваютъ на воза сѣно, принадлежащее дѣду, и конечно, пользуясь темнотою ночи, свезутъ воровски свою добычу. Такія продѣлки, и не со стороны даже цыганъ, были въ то время нисколько не рѣдкостію. Нерѣдкостію также были и распоряженія, сдѣланныя дѣдомъ, тотчасъ же по выслушаніи разказа о дерзкомъ покушеніи на его собственность.

Какъ я уже выше сказалъ, дѣдъ мой имѣлъ ха-

рактеръ весьма пылкій, предпріимчивый, готовый на мгновенныя рѣшенія. Было не въ его духѣ воздержаться отъ наказанія похитителей на томъ основаніи, что эти цыгане, нахлынувшіе на луга его съ воровскими намѣреніями, сидѣли нѣкоторое время на земляхъ князя, что князь любилъ ихъ и жаловалъ, гораздо больше чѣмъ многихъ изъ дворянъ-приживальцевъ; что эти цыгане, конечно, не пустились бы на такое дерзкое предпріятіе, еслибы не подмѣтили неудовольствія князя на Туренина.... Словомъ, дѣдъ рѣшился, но нѣтъ! это выраженіе негодится тутъ, ибо можно подумать, что рѣшенію предшествовало разсужденіе,— просто вздумалъ мгновенно распорядиться самосудомъ, отомстить безъ отлагательства за наглый набѣгъ.

Проворно онъ собралъ своихъ дворовыхъ, человѣкъ двадцать молодцовъ, велѣлъ всѣмъ имъ садиться на лошадей и вооружиться арапниками, а нѣкоторымъ взять и охотничьи ружья, заряженныя бекасинникомъ. Предводительствуя снаряженною такимъ образомъ партіей, вмѣстѣ съ Сергѣемъ Андреевичемъ Берсеневымъ, который во что бы то ни стало хотѣлъ раздѣлить съ пріятелемъ своимъ опасности похода и предстоявшіе лавры побѣды, дѣдъ стремительно пустился на луга свои.

Ночь была безлунная и беззвѣздная. Туманъ, поднимавшійся отъ Оки и драчевскихъ болотъ,

затоплялъ густою, волнистою мглою луговую рав-, нину, гдѣ происходило цыганское воровство. Моросилъ мелкій, но частый дождикъ. Словомъ, то была ночь, вполнѣ пригодная для приключеній. Въ такую пору, казалось бы, не трудно было подобраться близехонько къ похитителямъ и напасть врасплохъ на нихъ, но топотъ слишкомъ двадцати лошадей вовремя долетѣлъ до чуткаго цыганскаго слуха, и, бросивъ свою добычу, цыгане стремглавъ кинулись наутекъ. Они скакали вразсыпную. Дѣдъ мой, можетъ-быть, удовольствовался бы столь дешево доставшеюся побѣдой, но вдругъ, когда наскучивъ преслѣдованіемъ, онъ начиналъ уже отставать, раздался выстрѣлъ изъ толпы бѣжавшихъ, выстрѣлъ, вѣроятно, холостой, но все же явно направленный въ противниковъ. Это была искра, брошенная въ порохъ. Опрометью кинулся опять дѣдъ съ своимъ маленькимъ отрядомъ догонять дерзкихъ цыганъ; но они, видимо, достигали уже мѣста, гдѣ могли укрыться подъ надежную защиту: въ какихъ-нибудь двухстахъ саженяхъ виднѣлся освѣщенный домъ князя Любецкаго. Нельзя было перехватить цыганъ, и Николай Михайловичъ воинственно скомандовалъ своему отряду пустить нѣсколько зарядовъ въ догонку, скакавшимъ безъ памяти, грабителямъ. Разстояніе между партіями оставалось уже невелико, и нѣкоторые выстрѣлы, видно, были довольно удачны, потому

что вслѣдъ за ними раздалось изъ толпы преслѣдуемыхъ нѣсколько болѣзненныхъ стоновъ.

Довольный вообще исходомъ дѣла, Туренинъ воротился домой въ весьма хорошемъ расположеніи духа.

На другой день, и въ одинъ почти часъ, князь Любецкій и дѣдъ размѣнялись письмами по поводу вчерашняго происшествія. Дѣдъ горячо высказывалъ князю негодованіе свое на воровъ цыганъ, настоятельно просилъ, или лучше сказать, требовалъ, чтобъ онъ унялъ ихъ. Сверхъ того довольно рѣзко упрекнулъ онъ князя въ томъ, что тотъ своими поблажками цыганамъ былъ самъ нѣкоторымъ образомъ причиною ихъ дерзости. Съ своей стороны князь писалъ, что постичь не можетъ, по какому случаю, вчера ночью, вблизи самаго его дома, раздавались выстрѣлы; что онъ, къ крайнему удивленію своему, узналъ отъ людей, будто бы это добрый сосѣдъ его, Николай Михайловичъ, съ толпою вооруженной дворни, былъ на его земляхъ и нарушилъ этими выстрѣлами спокойствіе его владѣній. «Выстрѣлы эти не пропали даромъ, прибавлялъ онъ въ письмѣ своемъ: отъ нихъ пострадали двое изъ цыганъ, живущихъ на моихъ земляхъ, и извѣстныхъ мнѣ за людей чрезвычайно смирныхъ и безотвѣтныхъ. Я прошу Николая Михайловича объяснить мнѣ всю эту исторію, какъ слѣдуетъ; я самъ покуда никакъ не вѣрю разка-

замъ о томъ, что такой наѣздъ на мои владѣнія произведенъ добрымъ сосѣдомъ. Но какъ бы тамъ ни было, всякій можетъ быть увѣренъ, что я умѣю защищать находящихся подъ моимъ покровительствомъ людей отъ своеволія тѣхъ безразсудныхъ, которые дѣйствуютъ иной разъ подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, явнаго сумашествія, а можетъ-быть и дурнаго общества.» Письмо это, какъ видите, ни въ чемъ не походило на письмо дѣда, гдѣ просто, безъ обиняковъ и полутемныхъ намековъ, высказывалось негодованіе на покушеніе воровъ-цыганъ, гдѣ откровенно былъ выраженъ общій взглядъ дѣда на всю эту исторію, и гдѣ также откровенно, хотя немного грубо, требовалось прекращенія дерзкихъ поступковъ любимцевъ князя.

Легко можно было представить себѣ, каковъ былъ гнѣвъ Туренина при чтеніи письма князя Любецкаго, и онъ тотчасъ же отвѣчалъ на это заносчивое посланіе съ своею обычною прямотой: онъ началъ съ того, что на земляхъ князя вчера ночью былъ не иной кто, какъ онъ самъ, Туренинъ, и по его-то именно приказанію пущено было въ догонку воровъ-цыганъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ; потомъ изъявлялъ сожалѣніе, что пострадало только двое негодяевъ; далѣе говорилъ, что на всѣ клеветы князя глядитъ съ презрѣніемъ, и въ заключеніе напрямикъ объявилъ, что не боится

никакихъ угрозъ, и, въ случаѣ нужды, уймeтъ буяновъ, а если понадобится, такъ и самаго князя.

Надежда Ивановна, всѣ сосѣди и даже Сергѣй Андреевичъ Берсеневъ были вполнѣ увѣрены, что дѣдъ — теперь пропащій человѣкъ. Князь, думали они, представитъ генералъ-губернатору письмо его, въ которомъ такъ откровенно, такъ рыцарски сознался Туренинъ въ своемъ наѣздѣ съ вооруженными людьми на княжескія земли. Дѣдъ и самъ тревожно ожидалъ послѣдствій. Но странная вещь! князь никому не пожаловался, оставилъ второе его посланіе безъ отвѣта, и дѣло, грозившее сдѣлаться весьма важнымъ, окончилось ничѣмъ. Мало этого: казалось оно принесло нѣкоторую пользу обиженному, потому что съ того времени крестьяне его стали жить гораздо спокойнѣе, избавясь отъ воровства *княжескихъ цыганъ*, которые нерѣдко бывало, похищали у нихъ куръ, утокъ, бѣлье и проч. Кромѣ того, поля и луга его уже не вытаптывались охотничьими наѣздами князя, которыхъ въ прежнее время нельзя было не терпѣть. Итакъ все шло благополучно, даже лучше чѣмъ прежде, и только одно обстоятельство указывало на перемѣну отношеній между сосѣдями: они перестали видѣться. Съ этихъ поръ въ домѣ князя никогда не упоминалось имени Туренина, между тѣмъ какъ Туренинъ съ своимъ закадычнымъ другомъ, Бер-

сеневымъ далеко не были такъ скромны: они вездѣ порядкомъ честили князя.

Прошелъ мѣсяцъ; все было по старому, какъ вдругъ Надежда Ивановна опасно занемогла. На бѣду лекарь попался плохой: не разъ въ день прилеталъ онъ на тройкѣ дѣда изъ Коломны, лечилъ, казалось,у сердно, а толку было мало. Наконецъ положеніе бѣдной больной стало такъ дурно, что уже не было почти никакой надежды на ея спасеніе, самъ лекарь не скрывалъ этого. Дѣдъ мой пришелъ въ отчаяніе. Грозившая потеря была для него тѣмъ ужаснѣе, что, со смертію жены, не оставалось у него ни одной привязанности: ни дѣтей, ни матери, ни братьевъ, ни сестеръ, ни даже близкихъ родственниковъ у него не было.

Въ это-то тяжелое время онъ внезапно увидѣлъ участіе съ той стороны, откуда никакъ не могъ ожидать его. У Любецкаго уже нѣсколько лѣтъ жилъ въ имѣніи нѣмецъ-докторъ, весьма искусный. Онъ явился къ больной, по порученію князя, и привезъ отъ него къ дѣду вѣжливое письмо. Въ письмѣ этомъ князь изъявлялъ сожалѣніе о болѣзни Надежды Ивановны, присоединяя, что посылаемый имъ докторъ, по всей вѣроятности, окажетъ ей пособіе.

Разумѣется, докторъ князя, имѣвшій вообще хорошую репутацію въ околоткѣ, былъ принятъ съ величайшею радостью, и дѣйствительно сталъ спа-

сителемъ Надежды Ивановны. Онъ хлопоталъ около нея безъ устали, слѣдилъ неусыпно за всѣми явленіями болѣзни и спасъ ее. Черезъ недѣлю послѣ его появленія, больная вышла изъ опасности, и въ непродолжительномъ времени встала съ постели. Безмѣрна была радость мужа ея; онъ плакалъ, какъ ребенокъ, глядя на выздоравливающую, которая, тихо оживая, расцвѣтала съ каждымъ днемъ прежнею красотой.

И, конечно, то не пора была для дѣда помнить какое-либо лихо на князя Любецкаго. Напротивъ онъ позабылъ не только непріятныя впечатлѣнія послѣдней ссоры съ нимъ, но даже и всѣ дурныя стороны гордаго сосѣда. Теперь онъ охотно видѣлъ въ немъ человѣка добраго, который своимъ участіемъ спасъ жизнь любимой жены его, спасъ черезъ это всѣ радости его жизни.

Князь и послѣ того былъ деликатенъ, какъ человѣкъ хорошо воспитанный, да при томъ онъ, вѣрно, хотѣлъ досыта наиграться въ великодушіе. Узнавъ, что Надежда Ивановна совсѣмъ встала съ постели и можетъ принимать, онъ первый пріѣхалъ къ Туренинымъ поздравить съ счастливымъ исходомъ болѣзни. Нечего много разказывать о томъ, какъ все это было принято Наколаемъ Михайловичемъ; словомъ, прежнія добрыя, сосѣдскія отношенія до такой степени упрочились, что уже никому не приходила на мысль возможность разрыва.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ Надежда Ивановна совсѣмъ выздоровѣла, дѣдъ мой съ восторгомъ узналъ, что мѣсяцевъ черезъ шесть-семь она будетъ матерью. Тогда жизнь стала представляться ему полною безграничнаго счастія. На ту пору и другія обстоятельства сильно его тѣшили. Урожай въ имѣніи былъ отличный. Онъ успѣлъ тогда же продать очень выгодно лѣсъ при к—скомъ имѣніи, и вырученными деньгами не только покрылъ самые тяжелые долги, но ихъ достало еще на выгодную покупку небольшой деревушки *Бучньихи*, при которой было много отличнаго строеваго лѣса. Впослѣдствіи эта-то деревушка и спасла въ самую пору Надежду Ивановну отъ окончательнаго разоренія. Услышавъ о беременности Надежды Ивановны, князь Любецкій самъ назвался крестить ребенка. Казалось, судьба такъ уладила всѣ обстоятельства вокругъ моего дѣда, что его первенецъ долженъ былъ появиться на свѣтъ для полнаго счастія всей семьи. Этотъ счастливый ребенокъ былъ горемычная мать моя, которая такъ нерадостно провела всю жизнь свою и такъ тяжело ее окончила.

II.

«Мирёный другъ не другъ», говоритъ старая, правдивая пословица. Скоро не важный случай нарушилъ навсегда доброе согласіе между дѣдомъ моимъ и княземъ Любецкимъ. Роковая ссора эта навлекла на дѣда много тяжелыхъ, неотразимыхъ бѣдъ.

Однажды, въ началѣ сентября, князь пригласилъ дѣда и неразлучнаго съ нимъ Берсенева отправиться въ отъѣзжее поле. Ежегодные осенніе выѣзды князя на охоту всегда бывали великолѣпны. Съ нимъ выступали въ поле огромныя стаи отличныхъ борзыхъ и гончихъ собакъ, толпы прекрасно одѣтыхъ псарей и доѣзжачихъ, множество приживальцевъ, которымъ на ту пору выдавались нарядные охотничьи кафтаны, и всѣ вообще сосѣдніе дворяне; даже нѣсколько человѣкъ старинныхъ его знакомыхъ, большею частію людей очень богатыхъ, съ своими охотниками и собаками, пріѣзжали сюда издалека. Князь былъ страстно преданъ охотѣ; собакамъ его житье было гораздо лучше, чѣмъ приживальцамъ и даже любимымъ холопамъ.

И въ этотъ разъ онъ такъ же пышно, какъ и

всегда, выѣхалъ въ отъѣзжее поле. Погода стояла прекрасная; предположено было провесть на охотѣ дней пять-шесть сряду, обѣдая, ужиная и ночуя въ палаткахъ. Тогдашніе русскіе люди высшаго сословія были не нѣженки, — проводить по нѣскольку дней съ ранняго утра до темной ночи на конѣ, гоняться, скакать, сломя голову, за зайцами, волками и лисицами, ночевать въ холодную пору въ палаткахъ или подъ открытымъ небомъ, — все это было въ то время дѣломъ привычнымъ, легкимъ и чрезвычайно пріятнымъ.

Ровно шесть дней князь и его гости охотились отлично. Между тѣмъ вся обстановка охоты удалась превосходно: обѣды и ужины были роскошны, палатки весьма удобны, погода постоянно благопріятна, даже морозовъ по ночамъ не было. Вечерами, передъ ужиномъ, часа два, три играли въ карты; когда же князь принималъ участіе въ игрѣ, она принимала огромные размѣры. Нельзя сказать, чтобъ онъ любилъ это занятіе,— вообще онъ игралъ рѣдко, почти всегда проигрывалъ, но оставался невозмутимо хладнокровенъ при самыхъ значительныхъ проигрышахъ; тогда, даже какъ-то особенно смягчался его характеръ, трудно узнать было въ немъ того человѣка, который во время охоты не могъ сдерживать своего бѣшенаго пыла, и отъ ничтожнѣйшей ошибки одного изъ несчастныхъ псарей безумно предавался гнѣву.

Кстати будетъ здѣсь упомянуть о порывахъ его злобы. У него каждая вина была виновата, и потому онъ безчеловѣчно и безпощадно терзалъ провинившихся слугъ своихъ. Отъ неистовыхъ наказаній его не одинъ несчастный сошелъ въ могилу. Съ дворовыми, съ крестьянами своими и вообще даже съ простолюдинами, онъ былъ жестокъ по особенному убѣжденію. Часто говаривалъ онъ дворянамъ своего уѣзда, что еслибы всѣ они держали, подобно ему, крѣпостныхъ своихъ въ «ежовыхъ рукавицахъ», разбойничьи шайки не были бы такъ велики. По его мнѣнію, прощать виновнаго было бы опасно и несправедливо, ибо строгостію только можетъ держаться порядокъ. Какъ предводитель благороднаго дворянства, онъ, князь Любецкій, считалъ себя обязаннымъ внушать дворянамъ подобныя правила, для поддержанія общественнаго спокойствія. Вслѣдствіе этого убѣжденія, князь, вообще не отличавшійся храбростію, не боялся быть строгимъ до жестокости... можетъ-быть отчасти и потому, что вокругъ его особы, кромѣ толпы приживальцевъ, всегда готовыхъ душу свою положить за него, находилось множество шляхтичей польскихъ, татаръ, цыганъ, араповъ,— всякой подлой сволочи, безгранично ему преданной. Въ самомъ дѣлѣ, не взирая на безчеловѣчное обращеніе съ своими крѣпостными, у него не было бѣглыхъ. Давно какъ-то попробовали было бѣжать

человѣкъ шесть изъ его дворовыхъ; такъ баринъ употребилъ всѣ возможныя средства, ничего не щадилъ, ни хлопотъ, ни денегъ (а онъ вовсе не былъ расточителенъ), чтобы только бѣглыхъ этихъ залучить опять въ свои руки. Случай помогъ ему. Четверыхъ изъ этихъ несчастныхъ поймали вмѣстѣ съ небольшою шайкою воришекъ, къ которой они пристали. Князю Любецкому, магнату-бригадиру и предводителю дворянства, стоило только захотѣть, чтобъ уѣздныя власти отдали пойманныхъ людей ему на расправу. Впродолженіе цѣлой недѣли, каждый день терзалъ онъ ихъ, для примѣра своей дворнѣ, орудіями пытки, бывшими въ такомъ употребленіи у нашихъ помѣщиковъ во времена еще не очень давнія. Истерзанныхъ, еледышащихъ бѣдняковъ отправили наконецъ въ уѣздный острогъ, гдѣ они вскорѣ померли; семейства же ихъ послѣ долгаго пребыванія въ тюрьмѣ были сосланы въ Сибирь. Послѣ этой страшной кары, уже никто не смѣлъ бѣгать отъ князя Любецкаго. Впрочемъ, надо сказать, что дворовые вообще были довольны своимъ княземъ, содержаніе имъ давалось отличное, а дѣла почти никакого,— чего же имъ больше?

Но возвратимся къ охотѣ, которая на этотъ разъ шла очень удачно. Князь былъ необыкновенно веселъ и доволенъ всѣми своими псарями, доѣзжачими, приживальцами, а особенно собаками, кото-

рыя, къ великому его восхищенію, обскакали и посрамили всѣхъ собакъ Туренина, Берсенева и прочихъ дворянъ, участвовавшихъ въ охотѣ; правда, проигралъ онъ довольно большую сумму денегъ, но для него это ничего не значило. Утромъ, на седьмой день, еще взяли небольшое поле, которое впрочемъ не совсѣмъ было удачно, и къ обѣду отправились уже на отдыхъ въ домъ Любецкаго.

Поѣздъ возвращавшихся охотниковъ былъ шуменъ и веселъ. Псари и доѣзжачіе шагомъ ѣхали впереди и распѣвали пѣсни; за ними тянулись приживальцы; потомъ важно и величественно ѣхалъ князь съ своими гостями и товарищами. Дѣдъ мой и Берсеневъ никакъ не могли отдѣлаться отъ обѣда князя. Сажень за сто до усадьбы, хозяинъ опередилъ поѣздъ. Ему хотѣлось пріѣхать нѣсколькими минутами прежде своихъ гостей, чтобы принять ихъ. Между тѣмъ остальная толпа охотниковъ медленно приближалась къ дому.

Въѣхавъ на дворъ, гости были непріятно смущены представившеюся имъ сценой. У самаго крыльца огромнаго дома, князь бѣшено кричалъ и грозилъ. Передъ нимъ стоялъ на колѣняхъ старикъ-псарь; онъ дрожалъ всѣми членами; лицо его выражало совершенный ужасъ. Дѣло было въ томъ, что любимая собака князя, порученная особенному присмотру старика, околѣла, можетъ, и отъ недосмотра, оставивъ, впрочемъ, на утѣшеніе

своего хозяина, нѣсколько слѣпыхъ щенятъ. Несчастный псарь лепеталъ какія-то оправданія, которыя трудно было разобрать; князь не хотѣлъ ничего слушать.

— Плетей! кошекъ! кричалъ онъ неистово: — я тебя проучу! въ плети его!

Нѣсколько человѣкъ бросились опрометью на провинившагося товарища, и черезъ минуту онъ уже лежалъ у ногъ князя, трепетно ожидая казни.

Между тѣмъ гости, подъѣхавъ къ крыльцу, слѣзали съ коней.

— Господа! сказалъ имъ князь: — прошу васъ обождать нѣсколько минутъ, пока я расправлюсь съ этимъ проклятымъ...

Вѣроятно онъ не хотѣлъ сказать послѣдними словами, что проситъ гостей своихъ присутствовать при наказаніи псаря. Не думается мнѣ, чтобъ онъ желалъ сдѣлать ихъ невольными свидѣтелями отвратительной сцены, а, кажется, выразился такъ неопредѣленно потому, что не время ему было пріискивать и взвѣшивать выраженія. Какъ бы то ни было, дѣдъ мой вспыхнулъ при словахъ князя, и сказалъ громогласно:

— Да чего жь тутъ ждать? Я не привыкъ и не хочу смотрѣть, какъ сѣкутъ человѣка... Любоваться, чтоль, этимъ?... Смотри, кто хочетъ! Пойдемъ, Сергѣй Андреевичъ!

И они съ Берсеневымъ пошли въ домъ, за ними и прочіе гости, кромѣ приживальцевъ.

Князь промолчалъ, но за то бѣднаго псаря снесли отъ крыльца на рогожкахъ.

Вошедъ въ домъ и поздоровавшись съ гостями, князь сказалъ наконецъ дѣду, повидимому, совершенно спокойнымъ тономъ:

— Кстати, любезный сосѣдъ! неужто въ самомъ дѣлѣ ты подумалъ, что я хочу угостить васъ наказаніемъ мерзавца-холопа?

Потомъ, не давъ времени отвѣчать, онъ добавилъ:

— Впрочемъ, я еще не зналъ до сихъ поръ, что ты такой сердобольный человѣкъ...

— Грѣшенъ и я, въ чемъ всѣ грѣшны, отвѣчалъ дѣдъ: — но ужь какъ тамъ не провинись человѣкъ, а мучить я его не стану, да и мерзкой потѣхи изъ наказанія не сдѣлаю...

Князь опять ничего не возразилъ на эти слова, но лицо его измѣнилось и, закусивъ губы, онъ поспѣшно отошелъ прочь. Со всѣми въ тотъ день онъ былъ чрезвычайно привѣтливъ, и будто совсѣмъ позабылъ про размоловку съ дѣдомъ. Сѣли за столъ; обѣдъ шелъ какъ слѣдуетъ. Дѣдъ мой былъ, какъ и всегда, беззаботенъ и добродушенъ; въ памяти его не осталось никакого непріятнаго впечатлѣнія; онъ сдѣлался даже къ концу обѣда оживленнѣе обыкновеннаго. Но князь, съ примѣтнымъ усиліемъ участвовалъ въ общемъ разговорѣ. Его густыя,

сѣдыя брови хмурились не разъ, и во впалыхъ глазахъ вспыхивалъ зловѣщій огонь; онъ злобно и украдкою взглядывалъ на Туренина, который вовсе не замѣчалъ этихъ взглядовъ. Уже послѣ окончательнаго разрыва, послѣдовавшаго за сценой, которую я описываю, Сергѣй Андреевичъ припомнилъ, что лицо князя, во время обѣда, предвѣщало ужасную бурю.

Разговоръ во все время шелъ, разумѣется, объ охотѣ. Князь восторженно хвалилъ свою околѣвшую собаку. Воспоминанія его были истинно-трогательны.

— И вотъ пропала, бѣдняжка, говорилъ онъ плачевнымъ голосомъ.— Охъ, ужь этотъ мерзавецъ Сенька!... Ну, да не пройдетъ еще ему это даромъ.

Дѣдъ опять не утерпѣлъ. Увлекаясь своимъ добродушіемъ, не размысливъ на бѣду, что заступленіе за Сеньку можетъ еще сильнѣе повредить бѣдняку этому, онъ промолвилъ:

— Эхъ, князь! вѣдь ужь наказанъ Сенька; чай, вѣдь какъ досталось! ну и довольно!... Съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ...

Но видно ужь слишкомъ много накипѣло злобы на душѣ князя, да и старая месть еще не умолкла; онъ не выдержалъ и, обратившись къ дѣду, закричалъ страшнымъ голосомъ:

— Да что̀ жь это, государь мой!... шутить что ли

позволяешь ты со мной, или опекунъ ты мнѣ достался?... Какъ ты смѣешь осуждать всякое мое дѣйствіе, мѣшаться въ мои дѣла, учить меня въ моемъ домѣ?... Ты опять забылся!...

— Какъ забылся? возразилъ дѣдъ еще довольно хладнокровно: — я всегда помню. Рѣдко забываю, чего и другіе стóятъ... Да и толковать тутъ нечего, скажу напрямикъ: собаки — все-таки псы поганые, и не подобаетъ, грѣхъ великій передъ Богомъ, мучить людей за какую-нибудь дрянную собачонку.

Князь выслушалъ до конца этотъ отвѣтъ, но съ послѣднимъ словомъ, онъ, какъ бѣшеный, вскочилъ съ своего мѣста.

— Ахъ, ты нищій!... мужикъ!... кричалъ онъ: — такъ-то платишь ты за мое терпѣніе!... Холопья душа твоя заставляетъ тебя вступаться за холоповъ!... Вотъ я тебя!...

— Врешь ты!... отвѣчалъ дѣдъ: — душа моя не холопья... я недаромъ русскій дворянинъ исконный... Врешь ты, князишка!... И не таковскій я, чтобы терпѣть обиды...

Ярость князя уже не знала предѣловъ. Онъ рванулся было къ своему противнику, хотѣлъ, казалось, растерзать его. Туренинъ поднялся съ мѣста и сталъ среди комнаты. Одна рука его сжалась въ огромный кулакъ, другую онъ положилъ на

свой охотничій большой ножъ, заткнутый за поясъ. Атлетическая фигура дѣда и грозный видъ его возбудили въ князѣ инстинктъ самосохраненія. Онъ отскочилъ, и въ ту же минуту кинулся въ другую комнату, крича какъ бѣшеный:

— Эй, люди!... сюда!... всѣ ко мнѣ!... арапниковъ!... бей его!... бей въ мою голову!...

Между тѣмъ не только Берсеневъ примкнулъ къ дѣду и обнажилъ свой охотничій ножъ, но его окружили и прочіе гости, конечно кромѣ приживальцевъ, которые жались въ уголкѣ ни живы, ни мертвы отъ страха. Вбѣжали люди князя, но видимо перепуганные; не зная, что̀ дѣлать, они толпились у дверей комнаты, въ которой происходила эта сцена. Князь былъ рѣшительно внѣ себя отъ ярости: онъ рвалъ на себѣ волосы, топалъ ногами, кричалъ, какъ неистовый, и уже невозможно было разобрать, что̀ заключали въ себѣ его крики: брань ли, угрозы ли, или приказанія слугамъ. Сцена видимо грозила быть кровавою. Услышавъ суматоху и шумъ въ домѣ, люди дѣда, Берсенева и другихъ дворянъ, вооруженные арапниками и охотничьими ножами, сбѣжались со всѣхъ сторонъ, и толпясь сзади людей князя, сильно напирали на нихъ. Крестьяне и дворовые дѣда вообще очень любили его за милосердое съ ними обращеніе. Легко можно было предвидѣть, что, при малѣйшей угрожающей ему опасности, они кинутся очертя

голову къ нему на выручку. Тогда Богъ знаетъ, что̀ могло бы произойдти.

Появленіе этого подкрѣпленія, и вообще грозные признаки бурной сцены подѣйствовали на князя, и онъ пересталъ подстрекать къ борьбѣ людей своихъ.

— Слушай ты, князь! вскричалъ дѣдъ мой покрывая громкимъ голосомъ весь этотъ шумъ, — ты вѣдь знаешь меня... знаешь, что не дамся живой никому въ руки... На ругательства твои я плюю, да и счеты у насъ равные... Но прогони ты сейчасъ же всю твою челядь, а не то, клянусь Богомъ, расплачусь съ тобою такъ, что будетъ памятно и другимъ князькамъ, тебѣ подобнымъ!..

Вслѣдъ за этимъ раздались голоса Берсенева и другихъ гостей:

— Полно, князь, полно, ради Господа!.. что за грѣхъ такой!.. да не стыдно ли?.. ты и насъ оскорбляешь... Мы не дадимъ его въ обиду... Тутъ поножовщина выйдетъ... Да что жь это такое?..

Минуты съ двѣ князь простоялъ молча, потупивъ глаза въ землю. Потомъ, молча же, махнулъ онъ рукой холопамъ своимъ. Они вышли вонъ.

— Господа!.. сказалъ князь, обращаясь къ гостямъ, — прошу у васъ извиненія. Сейчасъ все это кончится... Господа Туренинъ и Берсеневъ!... надѣюсь вы теперь оставите меня въ покоѣ... но и васъ, какъ хозяинъ дома, какъ христіянинъ, прошу

извинить меня... Прощайте! не поминайте лихомъ на прежнемъ хлѣбѣ-соли... Полагаю, что и вы, какъ я, считаете оконченнымъ пріязненное знакомство между нами...

Проговоривъ наскоро и глухимъ голосомъ эти слова, онъ вышелъ проворно изъ комнаты. Послѣдняя рѣчь его была очень ловка, однако не имѣла того дѣйствія, на какое онъ, можетъ быть, разсчитывалъ.

— Старый лукавецъ!.. молвилъ дѣдъ вслѣдъ уходившему князю. — Охъ, какъ ужь разумѣю я тебя!.. Нѣтъ, снявши голову, по волосамъ не плачутъ... я ли виноватъ въ томъ, что здѣсь случилось? Извиняться вздумалъ!.. О, старая лиса! Да знакомство твое мнѣ не нужно и дома твоего видѣть не хочу... Охъ, кабы ты не старъ былъ!..

И отыскавъ шапку, онъ побрелъ вонъ изъ комнаты; за нимъ пошелъ и Сергѣй Андреевичъ Берсеневъ; прочіе же гости все еще стояли по срединѣ комнаты, поглядывая другъ на друга въ явной нерѣшимости, — оставаться ли имъ въ домѣ Любецкаго, или послѣдовать примѣру Туренина и Берсенева.

Въ дверяхъ комнаты Берсеневъ остановился.

— Ну что, господа? сказалъ онъ насмѣшливо, обращаясь къ нерѣшительной толпѣ дворянъ: — развѣ вамъ хочется еще отвѣдать хлѣба-соли го-

степріимнаго, ласковаго сударь-князя Александра Александровича Любецкаго?

Они ничего не отвѣчали на задирательный вопросъ и по прежнему молча поглядывали другъ на друга. Впрочемъ, на другой день, двое изъ нихъ ранехонько выбрались изъ усадьбы князя, приказавъ его дворецкому поблагодарить хозяина за хлѣбъ за соль и доложить, что имъ никакъ нельзя оставаться долѣе и ждать пробужденія князя.

Такъ кончилась эта сцена, имѣвшая столь пагубное вліяніе на дѣла дѣда, на всю остальную жизнь его, и даже, можетъ быть, на самую участь его рода.

Воротившись домой, онъ хотѣлъ было утаить отъ Надежды Ивановны новую ссору свою съ княземъ; но по лицу мужа своего и людей, сопровождавшихъ его на охотѣ, она все угадала, и Туренинъ не могъ уже болѣе скрывать отъ нея истины. Горько плакала она, слушая этотъ печальный разказъ; страшныя предчувствія овладѣли мгновенно ея душой.Послѣ исторіи съ цыганами, она тоже опасалась дурныхъ послѣдствій, но далеко не такъ, какъ теперь. Напрасно дѣдъ и Берсеневъ уговаривали ее, тщетно повторяли они, что въ настоящую минуту рѣшительно бояться нечего, что исторія съ цыганами могла бы кончиться гораздо хуже, еслибъ пришлось раздѣлываться законнымъ порядкомъ. Бѣдная Надежда Ивановна не слушала ихъ;

она какимъ-то инстинктомъ любви угадывала всѣ горестныя послѣдствія этой новой ссоры.

Недѣли двѣ спустя, явился къ дѣду засѣдатель нижняго земскаго суда, Урываевъ, и потребовалъ отъ него уплаты по предъявленной ко взысканію отъ князя Любецкаго закладной на деревню Туренина Волтуховку, въ которой было восемьдесятъ-три души, со всею принадлежащею къ ней землею, лѣсомъ и «всякими угодьи». Закладная эта была дана князю покойнымъ Зиновіемъ Туренинымъ.

Любопытна исторія этого акта.

Зиновій Туренинъ, давнымъ-давно, еще передъ отъѣздомъ въ Сибирь, продалъ отцу моего дѣда, а своему родному брату, всю часть имѣнія, доставшуюся ему послѣ отца; но впослѣдствіи онъ наслѣдовалъ (вмѣстѣ съ братомъ же), бывшую во владѣніи родной сестры ихъ Анны, и состоявшую въ деревнѣ Волтуховкѣ, четырнадцатую часть того же имѣнія. Эту часть братья не дѣлили, потому что она была весьма не велика. Такимъ образомъ Зиновій Туренинъ могъ считать себя владѣльцемъ въ извѣстной части по Волтуховкѣ. Въ концѣ своего попечительства надъ племянникомъ своимъ онъ заложилъ всю вообще Волтуховку, какъ вполнѣ принадлежащее ему имѣніе, князю Любецкому за девять тысячъ рублей, и деньгами этими одинъ воспользовался. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ, и дѣдъ мой, не отказавшись заблаговременно отъ

наслѣдства, принималъ чрезъ это на себя обязанность платить всѣ его долги. Между тѣмъ онъ и не подозрѣвалъ о существованіи закладной на Волтуховку. Молодость, безпечность характера и совершенная неопытность въ дѣлахъ не допустили его, тотчасъ же по выходѣ изъ-подъ опеки, справиться, въ какомъ положеніи находится его имѣніе. Къ тому же князь, послѣ совершенія закладной, какъ будто позабылъ о ней, и ни разу, пока дѣдъ жилъ въ Петербургѣ, не напомнилъ ему ни о платежѣ процентовъ, ни объ уплатѣ всей суммы. Конечно, такая забывчивость могла имѣть основаніемъ и чистый разсчетъ, ибо заложенное имѣніе было весьма цѣнно, — не по числу душъ, но по строевому, отличному лѣсу, сбытъ котораго, по близости Оки, былъ очень удобенъ. По возвращеніи дѣда изъ Петербурга въ имѣніе, князь сказалъ ему какъ-то полушутя, полусеріозно, что онъ имѣетъ отъ Зиновія Туренина закладную на Волтуховку, и что лишь недавно узналъ, что Зиновій нисколько не имѣлъ права закладывать всего имѣнія. Затѣмъ князь добавилъ, что конечно, никогда, не воспользуется этимъ актомъ, хотя ему и прискорбно потерять довольно большую сумму, по милости безсовѣстнаго обмана со стороны Зиновія Туренина. Дѣдъ съ обычною своею пылкостью и добродушною правдивостью возразилъ князю, что и нельзя воспользоваться фальшивымъ актомъ, да

притомъ онъ увѣренъ, что князь, какъ человѣкъ благородный, никогда не позволитъ себѣ этого. Объяснившись такимъ образомъ, онъ и не подумалъ просить князя, чтобы тотъ, на всякій случай, формально призналъ ничтожность фальшиваго акта. Онъ считалъ все это дѣло совершенно покончennымъ.

Къ несчастію, теперь оказалось, что дѣло не было покончено. Хотя, по самому существу закладной, нельзя было имѣть опасеній касательно исхода тяжбы, тѣмъ болѣе, что и срокъ, постановленный закономъ для представленія ко взысканію закладныхъ, уже истекъ; однакоже дѣдъ мой, не пренебрегая дѣломъ, оставивъ на этотъ разъ обычную свою безпечность, взглянулъ на него серіозно. Ему хорошо было извѣстно правосудіе въ тогдашней Россіи. Онъ зналъ также, что если князь Любецкій задумалъ пустить въ ходъ документъ этотъ, какъ имѣющій дѣйствительную силу, то ужь конечно не пожалѣетъ никакихъ средствъ для достиженія предположенной цѣли — во что бы то ни стало, разорить своего врага.

Онъ рѣшился вести дѣло, сколько возможно осторожнѣе; но на первыхъ же порахъ поступилъ вовсе неосторожно; опять-таки не утерпѣлъ, чтобы, въ данномъ Урываеву отзывѣ на исковое прошеніе, не выразиться весьма рѣзко о намѣреніяхъ князя

воспользоваться чужою собственностію, на основаніи незаконнаго документа.

Затѣмъ онъ тотчасъ же отправился въ уѣздный городъ, чтобы переговорить о дѣлѣ съ уѣздными властями. Судья и капитанъ-исправникъ были люди хорошіе въ частной жизни, правдивые въ отправленіи обязанностей своихъ, и честные, то-есть не бравшіе взятокъ, можетъ быть впрочемъ потому, что оба они имѣли достаточное состояніе. По прежнимъ отношеніямъ къ нимъ, и вообще по ихъ качествамъ, дѣду казалось, что онъ можетъ говорить съ ними откровенно. Но оба они приняли его съ крайнею принужденностью; выслушали съ видимою робостью и унынiемъ, все озираясь по сторонамъ, какъ будто у нихъ за спиною стоялъ самъ князь Любецкій — и ничего положительнаго не обѣщали. Только судья, на котораго дѣдъ особенно надѣялся, съ соболѣзнованіемъ покачивая головою, сказалъ вполголоса, что дѣло, начатое княземъ, пожалуй кончится не въ пользу дѣда, и что не лучше ли ему примириться какъ-нибудь съ его сіятельствомъ, испросивъ у него *прощеніе*. Дѣдъ запальчиво отвѣчалъ на послѣднее предложеніе, и сталъ было допытываться, въ чемъ состоятъ опасенія судьи, но никакого толка не добился: судья рѣшительно отказался отъ объясненій, даже замѣтно тяготился разговоромъ. Туренинъ вспылилъ, попрекнулъ сму-

щеннаго судью, назвалъ его законопродавцемъ, и, какъ изступленный, вышелъ изъ комнаты.

Кстати сказать, что всѣ чиновники того уѣзда, гдѣ состоялъ предводителемъ князь Любецкій, были въ полной у него подчиненности. Не столько его богатство, сколько имя, званіе, связи съ генералъ-губернаторомъ, наконецъ характеръ крайне властолюбивый и настойчивый, пріучили этихъ чиновниковъ безпрекословно повиноваться ему. Еще тогда въ Россіи необоримо сильны были преданія, предразсудки, произволъ, злоупотребленія, во всемъ обходившія законъ; еще слаба, даже совершенно ничтожна была вѣра, и старшихъ представителей общества, въ собственное свое достоинство, въ призваніе человѣка, въ долгъ честнаго гражданина... Вотъ, напримѣръ, какъ происходили въ К—скомъ уѣздѣ дворянскіе выборы съ тѣхъ поръ, какъ князь Любецкій сталъ предводителемъ: созоветъ онъ, бывало, къ себѣ въ домъ всѣхъ дворянъ уѣзда и объявитъ имъ, что ему желательно имѣть судьею, исправникомъ и пр. вотъ такихъ-то и такихъ-то. Всѣ тутъ же соглашались съ нимъ (даже Туренинъ и Берсеневъ), и дѣло кончалось безъ протестацій и противорѣчій на самыхъ выборахъ. Этотъ порядокъ избраній въ К—скомъ уѣздѣ, нарушавшій всякую личную свободу, возбуждалъ въ губернскомъ городѣ удивленіе къ мудрой распорядительности князя Любецкаго, который умѣлъ устра-

нять всѣ шумныя и неприличныя столкновенія мнѣній *). Нѣкоторые предводители стали стремиться къ введенію и въ своихъ уѣздахъ такого же порядка, но немногіе изъ нихъ могли этого достигнуть; трудно было совокупить въ себѣ разомъ, подобно князю Любецкому, столько качествъ, внушавшихъ подобострастное уваженіе въ тогдашнемъ обществѣ. И вотъ, избранные такимъ образомъ, чиновники на первыхъ же порахъ становились въ полную зависимость отъ князя. Какъ же должны были смотрѣть эти чиновники на то дѣло, въ которомъ самъ князь Любецкій являлся истцомъ? Бѣдный дѣдъ напрасно попрекнулъ судью, назвавъ его законопродавцемъ: судья этотъ не былъ нисколько хуже другихъ.

Вечеромъ, дѣдъ мой позвалъ къ себѣ на совѣтъ знаменитаго дѣльца, секретаря уѣзднаго суда, который, поздно вечеромъ и крадучись, явился къ нему на квартиру; но и отъ него не добился дѣдъ никакого толку, несмотря на то, что тутъ же далъ ему взятку и сильно подпоилъ. Секретарь наговорилъ ему съ три короба всякой всячины, помянулъ многое множество указовъ, безтолково перебралъ тьму статей и узаконеній, разказалъ нѣсколько юридическихъ фактовъ, вовсе не подхо-

*) Повсюду встрѣчающіяся въ подобныхъ случаяхъ.

дящихъ къ настоящему дѣлу, и закончилъ свои разглагольствованія неопредѣлительными увѣреніями, что, дескать, нечего особенно бояться этого дѣла, но что впрочемъ многое будетъ зависѣть и отъ того, какъ его поведутъ, да какъ посудятъ...

Рѣчи секретаря не могли успокоить дѣда, напротивъ, онѣ внушили ему новыя и живѣйшія опасенія. Для него было ясно теперь, что князь Любецкій всѣхъ предупредилъ о своемъ искѣ, что кругомъ дѣла сплетена уже какая-то темная интрига, въ которой чуть-ли не замѣшаны всѣ уѣздныя власти, потому что ни одинъ изъ чиновниковъ не только не обѣщалъ взять его сторону, но и не намекнулъ ему ни на одну мѣру, за которую слѣдуетъ приняться, чтобъ имѣть какой-либо успѣхъ. Туренинъ возвратился въ Малѣево съ горькимъ убѣжденіемъ, что ему предстоитъ страшная, безнадежная тяжба.

Черезъ недѣлю, снова явился къ дѣду Урываевъ и объявилъ ему, что отзывъ его на исковое прошеніе князя оставленъ судомъ безъ уваженія, за допущеніе укорительныхъ выраженій, а ему, Урываеву, поручено или истребовать отъ г. Туренина, на удовлетвореніе князя Любецкаго, полную сумму, въ которой заложена Волтуховка со всѣми причитающимися на сумму эту процентами и рекамбіей, или же немедленно описать заложенное имѣніе. Въ первую минуту гнѣва, дѣдъ

хотѣлъ было прогнать засѣдателя, но тотъ сталъ жалобно просить его не гнѣваться, а принять въ уваженіе его несчастное положеніе и милостиво разсудить, можетъ ли онъ не исполнить приказаній начальства. Дѣду нельзя было не согласиться съ этимъ. Оставивъ мысль объ изгнаніи Урываева съ безчестіемъ, онъ попытался уговорить его отсрочить, покрайней-мѣрѣ, исполненіе порученія; но бѣдный засѣдатель со слезами умолялъ Николая Михайловича не погубить его, несчастнаго, и дозволить описать имѣніе, безъ чего нельзя будетъ ему и домой воротиться, униженно прибавляя, что его сіятельство князь Александръ Александровичъ со свѣта его сживетъ. Надежда Ивановна поддержала засѣдателя; она хорошо понимала, что ему невозможно не исполнить порученія, притомъ же она опасалась, какъ-бы отсрочка въ описи имѣнія не повела еще къ обвиненію мужа ея въ сопротивленіи власти. Какъ ни кипѣло у дѣда на сердцѣ, онъ рѣшился уступить на первый разъ своему врагу. Урываевъ приступилъ къ описи имѣнія, а Туренинъ тотчасъ же поскакалъ въ Рязань на совѣтъ къ Петру Захарьевичу Колымагину.

Колымагинъ принялъ горячее участіе въ положеніи дѣда. Онъ вполнѣ понялъ все насиліе, всю неправоту притязаній князя Любецкаго; но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что подъ рукою у него нѣтъ

никакихъ средствъ пособить пріятелю, тѣмъ болѣе, что и дѣло его должно было производиться въ присутственныхъ мѣстахъ другой «провинціи». Впрочемъ, онъ далъ ему нѣсколько наставленій, какъ вести дѣло; приказалъ составить для него нѣсколько прошеній и докладныхъ записокъ, которыя дѣдъ долженъ былъ представить разнымъ лицамъ въ Москвѣ; Колымагинъ посовѣтовалъ ему немедленно отправиться туда, снабдивъ его письмами къ своимъ московскимъ знакомымъ, которые, по мнѣнію его, могли быть полезны Туренину, и въ заключеніе высказалъ моему дѣду, что лучше всего было бы примириться съ княземъ. Дѣдъ хорошо зналъ Колымагина, и потому не могъ относить этого совѣта къ неблагороднымъ побужденіямъ, но отвѣчалъ на него рѣшительнымъ отказомъ.

Въ Москвѣ Туренинъ хлопоталъ безъ устали, но теперь онъ имѣлъ тяжбу уже не съ Зарудинымъ, а съ человѣкомъ, чрезвычайно сильнымъ; князь Любецкій и въ Москвѣ предупредилъ его. Дѣдъ вездѣ былъ принятъ холодно; его выслушивали кое-какъ, не давали никакого совѣта, не дѣлали никакихъ указаній, не высказывали своихъ мнѣній, и выпроваживали его съ словами: «а вотъ посмотримъ! Пусть дѣло пойдетъ своимъ порядкомъ, не перескакивайте инстанцій, вѣдь тамъ разберутъ дѣло», и тому подобное. Бо́льшая часть этихъ господъ были важны, какъ языческіе жрецы,

и, какъ они, выражались таинственно. И ни у одного изъ нихъ не дрогнуло сердце при видѣ жертвы преслѣдованій сильнаго человѣка, ни въ одномъ не пробудилось негодованіе на притѣснителя и желаніе помочь угнетаемому; ни въ одномъ не промелькнула мысль, какъ пагубно для цѣлаго общества такое нарушеніе права, такое наглое проявленіе произвола. До того ли имъ было? Ихъ занимали иные вопросы: временные, жалкіе, но близкіе къ ихъ сердцу, не совсѣмъ-то благородные, но имъ дорогіе.

Наученный горькимъ опытомъ, дѣдъ мой какъ разъ понялъ рѣчи этихъ господъ и ясно увидѣлъ, что ему остается мало надежды на безпристрастіе будущихъ судей своихъ. Скоро одинъ знакомый Колымагина намекнулъ ему, какимъ образомъ дѣйствуетъ здѣсь противъ него князь Любецкій: князь успѣлъ сильно очернить своего противника, разказавъ въ преувеличенномъ, лживомъ видѣ образъ его жизни и характеръ, въ особенности же его рыцарскій наѣздъ и погоню за цыганами. Этотъ поступокъ могъ такъ легко представить дѣда въ дурномъ свѣтѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ выставить князя человѣкомъ необыкновенно великодушнымъ. Въ подкрѣпленіе словъ своихъ, князь показывалъ отрывки писемъ Туренина, по правдѣ сказать, нѣсколько грубоватыхъ и уже черезчуръ откровенныхъ. Наконецъ самый отзывъ дѣда на исковое

прошеніе князя могъ внушить ложное понятіе о характерѣ Туренина.

Итакъ, бѣдный Туренинъ немного успѣлъ и въ Москвѣ; и онъ не сталъ уже дальше искать покровительства. Скрѣпя сердце, и возложивъ все упованіе на Бога, онъ сталъ питать какую-то смутную надежду на правосудіе; иной разъ ему думалось, что вѣдь есть же, должны же быть, на Руси святой и законы, права оберегающіе. Въ мрачномъ расположеніи духа воротился онъ домой. Новости, какія онъ узналъ тамъ, были свойства вовсе неуспокоительнаго. Волтуховка была описана, оцѣнена и уже назначена въ продажу. Уѣздныя власти поторопили дѣломъ безпримѣрно. Мошенникъ секретарь, съ которымъ совѣтовался дѣдъ мой, былъ главнымъ повѣреннымъ князя и услуживалъ ему донельзя. Надо прибавить, что всѣ чиновники, участвовавшіе въ этомъ процессѣ, остались премного довольны милостями великодушнаго князя.

Между тѣмъ самъ князь Любецкій еще не вполнѣ былъ доволенъ исходомъ дѣла. Онъ говорилъ: «Да если я и отниму у этого проклятаго Туренина Волтуховку, такъ развѣ это достаточное наказаніе за всѣ его дерзости? Нѣтъ, этого мало!.. Вѣдь онъ не одинъ разъ оскорблялъ меня... Я сказалъ, что онъ нищій, и докажу, что онъ нищій! Я доканаю его! Тутъ надо поступать по русской пословицѣ: Бей мужика не дубьемъ, а рублемъ...

Небось, это будетъ чувствительно ему, вѣдь ужь дѣти пошли...»

Стали также поговаривать сосѣди, что будто при продажѣ Волтуховки не выручится на торгахъ вся сумма взысканія, и какъ бы не пришлось тогда Николаю Михайловичу проститься и съ Малѣевымъ. Эти господа громко осуждали дѣда, утверждая, что самъ онъ виноватъ въ своемъ несчастіи, зачѣмъ, дескать, осмѣлился онъ, ничтожный дворянинъ, затрогивать такое лицо. Рѣдкій жалѣлъ горемычнаго Туренина, одинъ только Сергѣй Андреевичъ горевалъ вмѣстѣ съ нимъ... Такимъ образомъ общественное мнѣніе было не только на сторонѣ силы, но даже насилія.

Въ это же самое время еще одно обстоятельство бѣсило дѣда. Цыгане князя стали почти каждую ночь производить хищническіе набѣги на его владѣнія. Проученные имъ однажды, они дѣлали теперь эти набѣги такъ ловко и осторожно что не было никакой возможности изловить ихъ на мѣстѣ преступленія.

Скоро Волтуховка была продана. На торгахъ она, какъ и ожидали, непокрыла суммы взысканія, и окончательно осталась за княземъ Любецкимъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ этой продажи, онъ подалъ новое прошеніе, въ которомъ говорилось, что Туренинъ, съ намѣреніемъ нарушить его интересы, продалъ лѣсъ, принадлежащій Волтуховкѣ, и до-

велъ имѣніе до малоцѣнности; поэтому князь просилъ произвесть дознаніе о продажѣ упомянутаго лѣса, а для полнаго удовлетворенія его претензіи, подвергнуть описи другое имѣніе Николая, Михайлова сына, Туренина. Это второе дѣло было еще незаконнѣе перваго, но и оно получило свой ходъ. Однако князь не спѣшилъ имъ; цѣль его была очевидно достигнута: ему хотѣлось до тла истощить всѣ средства дѣда, донять его, сжечь на медленномъ огнѣ.

И пошло это новое дѣло тянуться да тянуться. Начались безпрерывныя дознанія, изслѣдованія, дослѣдованія, переслѣдованія, освидѣтельствованія порубъ, выправки, справки, требованія объясненій, доказательствъ, и стало все это свиваться и путаться въ несчаемой массѣ бумагъ. Дѣдъ мой долженъ былъ безпрстанно кататься, то въ свой уѣздный городъ, то въ Москву, то Богъ знаетъ куда, для справокъ по архивамъ, для подачи прошеній, разныхъ отзывовъ и докладныхъ записокъ. Но все это какъ-то не удавалось ему, то дадутъ ему справку не полную, то совсѣмъ почти не относящуюся къ дѣлу. Неудачнымн оказывались тоже прошенія и отзывы, ему возвращали ихъ съ надписью, то за неправильное написаніе высочайшаго титула, то за необозначеніе мѣстожительства, и имени того, кто сочинялъ и набѣло переписывалъ эти несчастныя прошенія. Проклятая приказная челядь, писавшая

и переписывавшая ихъ, бывало, какъ на зло, оставитъ да оставитъ какую-нибудь лазейку для юридической придирки, и вовсе неожиданно окажется какая-нибудь почистка въ титулѣ, или не оговоренная поправка въ самомъ текстѣ прошенія. Я забылъ сказать, что дѣло по новымъ притязаніямъ князя Любецкаго шло вмѣстѣ съ старымъ процессомъ о закладной; дѣдъ мой ни за что не хотѣлъ оставить его, готеря Волтуховки еще болѣе подстрекала его къ отыскиванію своего права на нее.

Къ этимъ двумъ дѣламъ прибавилось еще нѣсколько другихъ. Сначала пошелъ въ ходъ искъ секретаря уѣзднаго суда о причиненномъ ему оскорбленіи. Увѣренный, что вся приказная путаница происходитъ отъ недобросовѣстности этого секретаря, дѣдъ мой не вытерпѣлъ: обругалъ его довольно жостко, погрозился даже обломать всю свою палку о его согнутую спину. Потомъ началось дѣло о порубкахъ, производимыхъ малѣевскими крестьянами въ лѣсныхъ дачахъ Волтуховки. Троихъ изъ этихъ крестьянъ поймали и засадили въ острогъ. Все это страшно волновало бѣднаго дѣда, отъ того больше, что онъ сознавалъ болѣзненно свое безсиліе отомстить за обиды и защитить людей, ему подвластныхъ, отъ неправедливаго угнетенія. Словно звѣрь въ клѣткѣ, ходилъ онъ теперь, весь опутанный юридическими, хитро сплетенными сѣтями.

Средства Туренина истощались; ему нечѣмъ было жить. Заложить имѣніе онъ не могъ: вслѣдствіе неполнаго удовлетворенія упомянутаго иска наложено было запрещеніе на все имѣніе Туренина. Въ это время у несчастнаго уже было трое дѣтей,— и сталъ онь крѣпко задумываться. Онъ видѣлъ уже близко бѣду неминучую. О себѣ одномъ онъ не сталъ бы тужить,— одна голова не бѣдна,— но страшна казалась ему бѣдность, потому что отъ нея страдали еще четыре дорогія ему существа. Кинулъ совсѣмъ онъ свои прежнія забавы: псовую охоту, рыбную ловлю и пчеловодство. Прежде такъ онъ любилъ все это! Онъ сдѣлался угрюмъ и молчаливъ; цѣлые дни ходилъ по комнатѣ молча, понуривъ голову. Не охотно говорилъ онъ даже съ женою своею и Берсеневымъ.

А время между тѣмъ шло, минуло уже три года. Князь Любецкій сталъ замѣтно старѣть и слабѣть, но не слабѣла ненависть его къ сосѣду. Онъ распространилъ это злобное чувство на всѣхъ крестьянъ Волтухоки за ихъ добрую память о прежнемъ помѣщикѣ. Князь, заѣхавъ въ свое завоеванное имѣніе, онъ приказалъ созвать міръ.

— Ну, братцы! сказалъ онъ крестьянамъ ласковымъ голосомъ: — вотъ и я къ вамъ пріѣхалъ. Ради ли вы имѣть меня помѣщикомъ?

— Слушаемъ-та, батюшка государь, ваше осіятельство... отвѣчали всѣ они простодушно.

— Ахъ, вы сиволапые, неучи! закричалъ князь:— я васъ спрашиваю: ради ли вы мнѣ?..

— Какже!.. какже, батюшка!.. оченно рады... отвѣчали робкимъ голосомъ передніе мужики.

Князь замолкъ и сѣлъ на завалинку избы, принадлежавшей старостѣ. Подумавъ нѣсколько минутъ, онъ снова спросилъ ихъ:

— А не имѣетъ ли кто-нибудь изъ васъ жалобъ на Николая Туренина, вашего прежняго помѣщика? Если онъ кого-нибудь изобидѣлъ, скажите мнѣ, я вашъ теперь владѣлецъ и заступникъ... И сила у меня есть, все сдеру съ него!

— Много были довольны мы прежнимъ-то помѣщикомъ, ваше осіятельство! возразилъ староста Митрофанъ: — отцомъ роднымъ былъ завсегда... да сотвори ему Господи всякую милость!... Такъ, что ли, ребята?

— Такъ! такъ! крикнули крестьяне хоромъ: — создай ему Господи!.. Отца бы съ нимъ не надоть, вотъ ужь баринъ-то былъ!..

Князь свирѣпо взглянулъ на нихъ, проворно всталъ съ завалинки и уѣхалъ домой. Онъ уже никогда послѣ того не заглядывалъ въ Волтуховку.

Тотчасъ послѣ этого посѣщенія, стали выгонять поголовно на работу въ дальнее село стараго и малаго, мужика и бабу, изъ Волтуховки. При дѣдѣ они были на оброкѣ, князь оброкъ усилилъ, да обложилъ еще тяжелыми повинностями. А тѣмъ

крестьянамъ, которыхъ дѣдъ любилъ, или которые его особенно добромъ помнили, куда какъ тяжело приходилось! Староста Митрофанъ былъ смѣненъ тотчасъ же послѣ вышеописаннаго случая; въ избу его, гдѣ онъ жилъ зажиточнымъ крестьяниномъ, былъ переведенъ лимавскій бобыль; пчельникъ у прежняго старосты отобрали, самъ онъ былъ сдѣланъ, на старости лѣтъ, пастухомъ, а дочь его, Аксинья, крестница Надежды Ивановны, отдана была въ работу секретарю. Какъ болѣло сердце бѣднаго дѣда, глядя на такую участь Волтуховцевъ! Но не было средствъ помочь имъ.

Скоро еще случилось въ имѣніи князя происшествіе, удвоившее страданія этихъ людей.

Былъ у дѣда кучеръ, уроженецъ волтуховскій, по имени Антонъ Никитинъ, малой молодой, ловкій и, какъ говорится, разбитной. Любилъ онъ дочь старосты Митрофана, Аксинью, да на бѣду не успѣлъ жениться на ней, пока Волтуховка принадлежала Туренину. Когда деревня эта перешла къ князю, онъ посадилъ Антона во дворъ, обложилъ его оброкомъ и не дозволилъ ему жениться на Аксиньѣ. За явную приверженность къ дѣду, выражавшуюся и въ рѣчахъ и въ частыхъ отлучкахъ въ Малѣево, Любецкій возложилъ на Антона свою княжескую опалу и нѣсколько разъ сѣкъ его немилосердно. Но это не прошло даромъ.

Однажды къ вечеру — это было въ маѣ 179*

года — князь Любецкій вздумалъ отправиться за десять верстъ въ Г....ъ монастырь на богомолье. Ночью загорѣлся его огромный домъ въ Лимавѣ. Люди, бывшіе съ нимъ, увидѣли далекое, но сильное зарево, и догадались, что пожаръ у иихъ въ имѣніи. Узнавъ объ этомъ, князь поскакалъ въ обратный путь, но уже было поздно, домъ догоралъ, и вся огромная масса строеній, составлявшихъ усадьбу, жарко пылала. Къ бо̀льшему еще огорченію князя, сгорѣла и его большая любимая собака, какой-то особенной породы, которая, неизвѣстно почему, сама бросилась въ огонь.

На другой день, князь началъ домашнее слѣдствіе. Оказалось, что пожаръ произошелъ отъ явнаго поджога. Подозрѣніе пало на Антона; его схватили и чего-чего не дѣлали, чтобъ исторгнуть признаніе: сѣкли кошками по нѣскольку разъ на день, кормили селедкой въ жарко-натопленной банѣ, а пить не давали. Самъ баринъ много разъ допрашивалъ его, обязываясь честнымъ словомъ, что ничего не сдѣлаетъ ему, въ случаѣ признанія.

— Твое, твое это дѣло!.. говорилъ князь: — ты поджогъ домъ мой!.. Ну, да Богъ съ тобой... сознайся только. Вѣдь я знаю, поджогъ ты меня, не по своему разуму, а по наученію злодѣя моего, Николая Туренина. Скажи только всю правду, дамъ награду тебѣ.

Но Антонъ не пожелалъ его наградъ, не сознался

ни ему, ни чиновникамъ, пріѣзжавшимъ въ Лимаву для офиціяльнаго изслѣдованія ; подъ конецъ даже вовсе пересталъ отвѣчать на вопросы. Затѣмъ посадили Антона въ острогъ, попалъ туда и бѣдный старикъ Митрофанъ.

Отъ этой исторіи плохо пришлось и малѣевскимъ крестьянамъ. Ихъ затаскали на допросы по подозрѣнію въ соучастіи съ Антономъ. На самого дѣда князь не посмѣлъ изъявлять подозрѣнія, потому ли, что во время пожара Туренинъ находился въ Москвѣ, или уже побоялся черезчуръ преслѣдовать свою жертву. Скоро Любецкій выстроилъ себѣ новый великолѣпный домъ, а въ паркѣ поставилъ прекрасный памятникъ своей погибшей собакѣ, которая, по его увѣренію, пожертвовала жизнію для спасенія своего хозяина.

Сосѣди дѣда толковали объ этомъ событіи по своему. Они удивлялись великодушію князя, не изъявившаго подозрѣній на заклятаго врага своего. Надо сказать здѣсь, что всѣ сосѣди (конечно, кромѣ Берсенева) уже давно начали удаляться отъ моего дѣда. Удивляться ли этому? Онъ пересталъ быть ихъ товарищемъ и не раздѣлялъ болѣе забавъ, которымъ предавались они; разореніе слишкомъ замѣтно отражалось въ его домашнемъ быту и хозяйствѣ; это былъ опальный человѣкъ, который смѣло, но безуспѣшно боролся съ гигантомъ... а сердце человѣческое такъ устроено вообще, что

отчего бы ни происходило несчастіе человѣка, оно всегда имѣетъ въ себѣ что-то отталкивающее. Таковы по крайней мѣрѣ чувства грубой толпы.

Но дѣдъ еще разъ вздумалъ попробовать счастья. Рѣшился онъ опять отправиться въ Москву, а тамъ, можетъ-быть, и *подалѣе*, чтобы принести жалобу на князя Любецкаго, высказать въ этой жалобѣ все, что̀ на душѣ его лежало камнемъ, невыносимо тяжелымъ.

Въ Москвѣ тогда было очень весело. Особенно оживляли ее безпутныя, дерзкія, почти безумныя, но удалыя похожденія двухъ лицъ. Одинъ былъ И—въ, объ которомъ я буду говорить сейчасъ; другой знаменитый князь Z, братъ еще болѣе знаменитаго человѣка, въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II. Одна уже игра его производила страшное впечатлѣніе: онъ ставилъ иногда семпелемъ, на одну карту, по десяти тысячъ червонцевъ. Удаль, красота, привѣтливость и щедрость его привлекали къ нему каждаго, не исключая и простолюдиновъ. Въ свѣтѣ онъ имѣлъ огромный вѣсъ, и дѣлалъ иногда добро. Около него постоянно увивались, изгибаясь, люди различныхъ положеній въ обществѣ. Дѣду посовѣтовали первоначально обратиться къ нему; но онъ не рѣшался, душа у него не лежала къ заискиванію милостей у патроновъ, которые, по внѣшнимъ формамъ своимъ, все-таки смахивали на князя Лю-

бецкаго. Покуда дѣдъ раздумывалъ, идти или не ходить къ князю Z, случилось происшествіе, которое имѣло окончательное вліяніе на его раздумье.

Въ происшествіи этомъ игралъ главную роль И—въ. Это былъ человѣкъ замѣчательный. Впослѣдствіи когда-нибудь я постараюсь познакомить съ нимъ читателей покороче, а теперь скажу о немъ только нѣсколько словъ. Ему было тогда съ небольшимъ двадцать лѣтъ; онъ былъ очень хорошъ собою, широкоплечъ, высокъ ростомъ, сложенъ богатырски; съ круглымъ, румянымъ лицомъ, съ вьющимися русыми волосами, съ глазами темноголубыми и бойкими; этотъ молодой человѣкъ представлялъ собою вполнѣ русскій типъ; его родственники возлагали на него большія надежды... И онѣ могли легко сбыться, какъ сбывались въ то время подобныя надежды. Состояніе онъ имѣлъ огромное, и замѣчательно то, что, тратя безумно деньги, онъ все-таки не разорился. Его окружала вездѣ толпа молодыхъ негодяевъ-паразитовъ, крупныхъ и мелкихъ. Онъ былъ страшно развращенъ; съ самыхъ раннихъ лѣтъ научился презирать человѣчество, и никогда не зналъ чувства долга. Одно ему нужно было: забавы и потѣхи; онъ искалъ ихъ во всемъ и повсюду. Самые дерзкіе, какъ и самые обыкновенные его поступки, имѣли всегда видъ какой-то особенной удали; но круп-

ныя потѣхи его рѣдко были безвреднаго свойства. Бояться ему было нечего: онъ имѣлъ такую родню которая вытащила бы его со дна морскаго; притомъ и дружба его съ княземъ Z придавала ему не малое значеніе въ обществѣ.

Около этого времени И—въ назвался обѣдать къ купцу первой гильдіи, весьма богатому фабриканту, у котораго онъ частенько занималъ деньги. И—въ очень любилъ русскія пѣсни; послѣ обѣда, чтобъ угодить своему знатному гостю, хозяинъ приказалъ позвать пѣсельниковъ, своихъ фабричныхъ. Этотъ хоръ очень понравился И—ву; онъ кинулъ имъ на водку пятьсотъ рублей.

— Ай да спасибо! утѣшилъ! говорилъ онъ, трепля купца по плечу: — постой же, и я тебя угощу!

И тотчасъ же послалъ за своими пѣсельниками, псарями. Они мигомъ явились, отлично пропѣли нѣсколько русскихъ пѣсень, привели въ восторгъ всѣхъ слушателей.

— Ну, братъ, сказалъ И—въ хозяину, когда псари окончили пѣніе, — давай же денегъ моимъ пѣсельникамъ!

— Слушаемъ-съ, батюшка Левъ Дмитричъ, извольте, и наша денежка не щербата, отвѣчалъ купецъ, вынувъ изъ кармана *золотой*.

— Какъ! вскричалъ запальчиво И—въ: — я твоимъ пятьсотъ рублей далъ, а ты!... Дай по край-

ней мѣрѣ столько же! Экая ты скотина бородатая, братецъ!

Купецъ началъ кланяться и улыбаться.

— Да помилуйте-съ, несвязно говорилъ онъ, — вѣдь оно-съ, эдакимъ-то манеромъ, многонько будетъ... Но видя, что И—въ начинаетъ гнѣваться, поспѣшно прибавилъ: — если вашей милости угодно, такъ не соблаговолите ли сами изъ той суммы-съ, которую изволите быть должны мнѣ, а то ей же Богу, мы теперича не при деньгахъ.

— Ахъ ты подлецъ, купчишка! закричалъ разъяренный И—въ — вотъ проучу я тебя, жидоморъ! Эй, вы! въ арапники его! да хорошенько! . . .

И пѣсельники И—ва пребольно высѣкли бѣднаго купца.

На другой день много было разговоровъ объ этой исторіи. Купецъ хотѣлъ жаловаться, кричалъ: «живъ не хочу быть, коли не моя верхъ возьметъ!» Даже родные И—ва нѣсколько струсили, но князь Z обработалъ это дѣло по своему.

Z призвалъ къ себѣ купца и объявилъ ему, что если онъ осмѣлится ротъ разинуть, то какъ разъ найдетъ себѣ мѣсто тамъ, «куда Макаръ телятъ гоняетъ.» Купецъ хорошо зналъ, что такое князь Z, и исторія кончилась ничѣмъ. О такой благополучной развязкѣ весь городъ, къ забавѣ своей, узналъ на другой же день.

Дѣда же моего не тѣшило это происшествіе. Онъ

тутъ же принялъ рѣшеніе не искать покровительства у князя Z, и никуда не жаловаться на Любецкаго; но это многаго стоило ему. Трое сутокъ сряду онъ никуда не показывался, а все ходилъ задумавшись по комнатѣ, не говоря ни слова, почти не принимая пищи и не засыпая ни на минуту; наконецъ собрался онъ ѣхать домой и передъ отъѣздомъ купилъ себѣ двухствольное ружье и пару пистолетовъ. Въ это короткое время онъ весь посѣдѣлъ, глаза его ввалились, лицо осунулось и приняло какой-то болѣзненный темный цвѣтъ.

Дома онъ сталъ заниматься стрѣльбою въ цѣль, что̀ сильно озаботило Надежду Ивановну. Ей не нравилось новое занятіе мужа, и, предчувствуя недоброе, она стала неусыпно наблюдать за всѣми поступками мужа. Не рѣшаясь сама войдти съ нимъ въ объясненія, она обратилась къ Сергѣю Адреевичу Берсеневу, разказала ему свои опасенія, не скрыла своихъ печальныхъ предчувствій, и просила у него совѣта. Берсеневъ встревожился. Новыя занятія друга показались ему очень странными. Зная душевное его разстройство, онъ пустился было въ разспросы, но не добился никакого толку отъ Туренина. Тогда ужасныя подозрѣнія запали и въ сердце Берсенева, онъ уже не скрывалъ ихъ отъ Надежды Ивановны, и они рѣшились вмѣстѣ и постоянно наблюдать за Николаемъ Михайловичемъ.

Къ увеличенію ихъ тревоги дѣдъ сталъ часто отлучаться изъ дому, то верхомъ, то пѣшкомъ, вооруженный ружьемъ и пистолетами, и жена его съ ужасомъ замѣтила, что онъ по большей части направляется къ имѣнію Любецкаго. Нельзя было предполагать, чтобъ охота была цѣлью его прогулокъ: онъ и въ прежнее время не любилъ охотиться съ ружьемъ, да и зачѣмъ бы ему заряжать его пулями? Какъ только исчезалъ онъ изъ дому, сердце бѣдной Надежды Ивановны сжималось смертельною тоскою; она въ отчаяніи бросалась на колѣни передъ образомъ Спасителя, и долго, усердно молилась объ избавленіи мужа ея отъ гибели.

Настала осень, время, въ которое князь Любецкій любилъ когда-то охотиться; теперь онъ сильно одряхлѣлъ, и уже рѣдко пускался въ отъѣзжее поле. Осень эта была дождливая и неблагопріятная для охоты; но однажды выдался денекъ, вполнѣ для нея пригодный. Въ этотъ день дѣдъ опять сталъ собираться куда-то. Онъ приказалъ осѣдлать лошадь, взялъ ружье, пистолеты; онъ торопился куда-то... Тогда страшная тоска овладѣла Надеждой Ивановной; она не выдержала. Стремительно кинулась къ мужу и, дрожа всѣми членами, стала уговаривать его остаться дома.

— Что ты, Надя?.. возразилъ онъ съ неудовольствіемъ. — Перестань говорить пустое. Мнѣ нужно... Я ѣду прогуляться, я поохочусь...

Надежда Ивановна горько заплакала, уговаривая его.

— Ради Господа! говорила она, рыдая: — послушайся меня, останься!.. Нѣтъ, не могу я терпѣть такой муки...

Дѣду стало жаль ея; онъ взялъ за руку Надежду Ивановну и повелъ въ другую комнату. Тамъ началъ онъ уговаривать ее, но она не слушала его увѣщаній, все продолжала плакать и просить, чтобъ онъ остался дома. «Нѣтъ, нѣтъ! я поѣду!» упорно твердилъ онъ. Она кинулась передъ нимъ на колѣни, и, обхвативъ его ноги, съ воплемъ твердила, что не пуститъ его. Гнѣвъ начиналъ овладѣвать Туренинымъ, онъ хотѣлъ было оттолкнуть ее, но не могъ: у него на это не достало духу.

— Да что ты, въ самомъ дѣлѣ, Надя? сказалъ онъ, смягчаясь. — Опомнись! Богъ съ тобою!

— Я знаю, куда ты идешь! изступленно вскрикнула она. — Я все угадала! ты убить его хочешь!..

Онъ вздрогнулъ и страшно поблѣднѣлъ. Голова его опустилась на грудь. Между тѣмъ Надежда Ивановна стояла на колѣняхъ и со слезами обнимала ноги его.

— Охъ, все знаю! изнемогая, твердила бѣдная женщина. — Да чтожь ты хочешь съ нами-то сдѣ-

лать!.. Не губи себя... не губи дѣтей малыхъ... меня горькую!.. Пощади насъ!..

Глубокая печаль наполнила душу дѣда. Онъ колебался, сила воли покидала его, не вмочь становилось ему бороться со скорбію любимой жены, матери его дѣтей. И онъ сказалъ ей съ смущеніемъ:

— Слушай, Надя... не стану передъ тобою таиться. Правда, я задумалъ... Но, ради Господа, пойми ты!.. Вѣдь нѣтъ другаго средства отдѣлаться отъ врага заклятаго... Ну, пропаду я, да васъ избавлю отъ гоненія. Наслѣдники, навѣрное, не будутъ вести такого дѣла... Пропаду я, да вы-то не останетесь безъ куска хлѣба!.. Вижу, что не совладаешь съ нимъ законнымъ образомъ, такъ надо своимъ судомъ разсудить...

— Нѣтъ! нѣтъ!.. спаси тебя Господи отъ такой мысли! съ жаромъ возразила она. — Не поможешь ты намъ...душу свою только загубишь!..Да развѣ можно мнѣ будетъ жить послѣ этого!.. А что съ дѣтьми будетъ? Нѣтъ, убей меня лучше! не сойду съ этого мѣста и тебя не пущу!.. Поклянись мнѣ!.. Господи!..помоги мнѣ вразумить его!..

Потомъ, обхвативъ еще крѣпче его ноги, она стала кричать:— Нянька! нянька! Наталья!.. Дѣти!.. Приведите сюда дѣтей!..

Обезсиленная душевнымъ волненіемъ, она упала на полъ; онъ могъ теперь свободно уйдти, но надо

было быть звѣремъ, чтобъ это сдѣлать; онъ остался. Надежда Ивановна почти безъ чувствъ лежала у ногъ его; между тѣмъ привели мать мою и двухъ другихъ малютокъ. Туренинъ не выдержалъ, слезы хлынули изъ глазъ его, и онъ далъ женѣ торжественную клятву.

Сцена эта не прошла даромъ для Надежды Ивановны: она заплатила за нее нервическою горячкой. Болѣзнь была тяжела и опасна, но она вынесла ее. Легко можно представить себѣ, что все это страшно подѣйствовало на душу дѣда; положеніе его было истинно-жалкое. Грусть, доходившая повременамъ до совершеннаго отчаянія, ненависть къ непримиримому врагу, печальная картина лишеній, на которыя обречено было его семейство, все это омрачало умъ его и наполняло душу невыносимыми, жестокими страданіями. Самая клятва, данная женѣ,— не мстить врагу ложилась на сердце его тоскою невыразимою. Разстроенному его воображенію безпрестанно представлялись всѣ бѣдствія и полная гибель семьи.

Между тѣмъ Надежда Ивановна оправилась отъ болѣзни. Съ великою горестію увидѣла она, въ какомъ страшномъ состояніи находится ея мужъ. Ни что не могло извлечь его изъ мрачнаго уныній; онъ пересталъ заниматься процессомъ; цѣлые дни ходилъ, бывало, по комнатамъ, блѣдный, утомленный и съ всклокоченными волосами; по ночамъ по-

чти не спалъ, или забывался только на нѣсколько минутъ сномъ тяжелымъ и прерывистымъ. На вопросы отвѣчалъ односложными словами и часто несвязно, самъ же никогда и ни о чемъ не спрашивалъ. Пересталъ онъ ласкать дѣтей своихъ, пересталъ даже молиться, только, расхаживая по комнатамъ, шепталъ про себя: *духъ праздности . . . унынія*... Видно, онъ уже начиналъ смутно сознавать, что одолѣвавшее его уныніе окончательно погубитъ его.

Посовѣтовавшись съ Сергѣемъ Андреевичемъ, Надежда Ивановна рѣшилась уговорить мужа ѣхать въ Рязань, съ тою будто бы цѣлію, чтобы посовѣтоваться о дѣлѣ съ Колымагинымъ. Конечно, она нисколько не разсчитывала на пользу такого совѣщанія, но думала, что поѣздка поразсѣетъ глубокую задумчивость, въ которой находился ея мужъ. Она упросила Берсенева ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Не безъ труда склонили дѣда на поѣздку. Несчастная Надежда Ивановна не воображала, что ускоряетъ страшную развязку, которой инстинктивно боялась.

Въ началѣ декабря Туренинъ отправился въ Рязань. Само собою разумѣется, что Колымагинъ не могъ оказать ему никакой помощи по дѣлу, принявшему самый дурной оборотъ; оставалось только жалѣть о горестномъ положеніи, до котораго доведенъ былъ его пріятель.

На ту пору, въ Рязани были дворянскіе выборы, время и теперь весьма шумное, но тогда еще болѣе безтолковое, потому что на выборы стекалось иногда тысячъ до двухъ дворянъ. Претенденты на главныя должности, бывшія тогда въ удивительномъ почетѣ, привозили съ собою цѣлыя толпы избирателей, которыхъ они на ту пору, на свой счетъ, одѣвали, кормили и поили.

Итакъ, въ Рязани было шумно и весело. Берсеневъ старался по мѣрѣ возможности разсѣевать своего друга; случалось имъ быть въ собраніи и въ театрѣ, который и тогда уже существовалъ въ Рязани; но всѣ эти увеселенія не только не тѣшили и не развлекали Туренина, напротивъ, еще усугубляли его хандру. Однажды Сергѣй Андреевичъ убѣдилъ его принять участіе въ одной изъ попоекъ; но винные пары до такой степени усилили мрачность духа дѣда, что во всю ночь надо было присматривать за нимъ, изъ опасенія, чтобъ онъ не наложилъ на себя рукъ.

Выборы кончились; жизнь губернская потекла по старому. Дѣдъ мой и Берсеневъ собирались уже домой, какъ однажды — это было дня за четыре до Рождества Христова — ихъ обоихъ пригласили на вечеръ къ одному изъ главныхъ служебныхъ лицъ губернскаго міра. Когда они воротились оттуда, съ несчастнымъ дѣдомъ моимъ сдѣлался въ ту ночь первый припадокъ сумашествія, той страш-

ной болѣзни, которою онъ пострадалъ около двѣнадцати лѣтъ. Старикъ Петръ Леонтьевъ, слуга его, бывшій съ нимъ въ Рязани, разказывалъ мнѣ, что это сумашествіе произошло отъ особенной причины. Передаю этотъ разказъ, какъ любопытное преданіе. Въ томъ домѣ, куда отправились дѣдъ и Берсеневъ на вечеръ, кто-то былъ сердитъ на Сергѣя Андреевича за его невыносимую насмѣшливость. Дѣдъ, окончивъ игру, сѣлъ въ уголокъ, задумался, и спросилъ себѣ стаканъ воды. Слуга, который подалъ воду, войдя въ переднюю, проговорилъ будто бы: «Эхъ, жаль! не тому попалось. Думали, что Сергѣй Андреевичь спрашиваетъ!..» По мнѣнію Петра Леонтьева, болѣзнь дѣда произошла именно отъ этого стакана воды, предназначеннаго Берсеневу.

Но, конечно, причина сумашествія Туренина заключалась въ той страшной печали, которая овладѣла имъ во время несчастнаго процесса.

По первому извѣстію о болѣзни мужа, Надежда Ивановна прискакала въ Рязань и съ ужасомъ увидѣла, что сталось съ нимъ. Онъ не узнавалъ ея! Умъ его совершенно затмился.

Его безпрестанно мучили видѣнія. Онъ воображалъ себя призваннымъ для отмщенія какому-то странному существу, которое мелькало передъ нимъ, безпрерывно измѣняясь и извиваясь, какъ змѣй, а онъ все гнался за этимъ видѣніемъ, все

готовился нанести ему ударъ,— но оно исчезало, и больной впадалъ въ изступленное состояніе.

Но мнѣ трудно и больно останавливаться на этихъ воспоминаніяхъ; они слишкомъ близки моему сердцу.

Безмѣрна была печаль Надежды Ивановны. Однако, несмотря на то, что душа ея такъ болѣла, бѣдная женщина не теряла присутствія духа, и, воротившись домой съ помѣшаннымъ мужемъ, сдѣлала всѣ необходимыя распоряженія. Сергѣй Андреевичъ вызвался провожать ихъ; Колымагинъ далъ своихъ людей. И привезли безумнаго Туренина въ Малѣево, гдѣ онъ не узналъ дѣтей своихъ, такъ дорогихъ и милыхъ ему въ былые дни.

Впрочемъ старшая дочь его, то-есть мать моя, всегда имѣла на него чрезвычайное вліяніе. Сперва она боялась его, но впослѣдствіи почувствовала своимъ дѣтскимъ инстинктомъ, что онъ не сдѣлаетъ ей вреда; и малютка могла удерживать его отъ порывовъ бѣшенства. Надежда Ивановна обрадовалась этому и старалась воспользоваться благодѣтельнымъ вліяніемъ своей дочери на несчастнаго. Не разъ спасала она его отъ большихъ бѣдъ. Разкажу одинъ случай: прошло нѣсколько лѣтъ послѣ помѣшательства дѣда, мать моя подросла, ей было уже десять лѣтъ, и вліяніе ея на больнаго отца съ каждымъ днемъ усиливалось. Разъ гуляла она въ саду и вдругъ увидѣла ужасную сцену. Отецъ

ея, подкравщись сзади къ дворовому человѣку, который рубилъ дрова, выхватилъ у него топоръ, и одолѣвъ его, послѣ недолгой борьбы, пригнулъ его голову къ колодѣ и занесъ топоръ. Къ счастію, побѣда слишкомъ восхитила его. Онъ медлилъ и улыбался съ торжествомъ, озираясь кругомъ. Въ эту минуту мать успѣла подбѣжать къ нему и спасти человѣка отъ явной смерти. Больной, услышавъ голосъ дочери, выронилъ изъ рукъ топоръ.

Какихъ средствъ не употребляла Надежда Ивановна для излѣченія мужа!..Сколько разъ предпринимала она съ нимъ поѣздки ко святымъ мощамъ, горячо молилась, говѣла и дѣлала посильныя приношенія! Не разъ возила его въ Москву, для совѣта съ тамошними докторами. Эти предпріятія стоили ей чрезвычайныхъ пожертвованій; не однажды подвергалась она опасности лишиться жизни, потому что съ несчастнымъ мужемъ ея дѣлались такіе припадки бѣшенства въ дорогѣ, что одна только помощь Божія могла спасти ее отъ погибели. Всѣ усилія остались тщетными, — ни молитвы, ни правильное лѣченіе у докторовъ, ни симпатическія средства, къ которымъ она считала необходимымъ прибѣгать. Болѣзнь была упорна; впрочемъ разъ или два въ годъ она покидала дѣда на самое короткое время; онъ приходилъ въ себя, но не на радость для семейства: тѣло и духъ его были такъ

слабы, что никто не узналъ бы въ немъ прежняго Туренина, котораго прямой и сильный умъ такъ уважался всѣми.

Въ припадкахъ же сумашествія онъ обладалъ необыкновенною физическою силой. Разныя странности разказывала мнѣ про него мать моя. Часто осенью, въ дождливую погоду или зимою въ сильный морозъ, онъ выбѣгалъ изъ дому въ одной байковой курткѣ, останавливался у какой-нибудь стѣны или сарая, и простаивалъ такимъ образомъ сутокъ по двое, не сходя съ мѣста, не принимая пищи, устремивъ глаза къ небу и произнося какія-то непонятныя рѣчи. Свести его съ мѣста силою не было никакой возможности, а отъ увѣщаній онъ приходилъ въ ужасную ярость...

Къ концу одинадцатаго года, страшно напряженный организмъ его сталъ замѣтно ослабѣвать, и самые припадки сдѣлались гораздо тише. Жена начала надѣяться и опять повезла его въ Москву. Но бѣдной женщинѣ какъ будто суждено было своими распоряженіями ускорять роковую развязку.

Въ Москвѣ она остановилась на какомъ-то подворьѣ. Комната, въ которой помѣстили дѣда, имѣла одно изъ оконъ прямо надъ воротами; на дворѣ стояло нѣсколько возовъ съ сѣномъ, и одна изъ телѣгъ приходилась какъ разъ подъ окномъ комнаты, которую занималъ дѣдъ. Больнаго неосторожно оставили однаго. Онъ воспользовался этимъ, и вы-

бивъ раму, выпрыгнулъ изъ окна. Конечно, онъ не могъ ушибиться, упавъ на сѣно; но на возу лежало нѣсколько сухихъ хворостинъ, и какой-то острый сучокъ попалъ ему подъ челюсть и пронзилъ насквозь правую щеку. Больнаго въ безпамятствѣ сняли съ воза; рана казалась неопасною; когда же привезли его домой, она сильно разболѣлась. Скоро вся челюсть отвалилась у несчастнаго, и онъ въ тяжкихъ страданіяхъ скончался. Недѣли за полторы до его смерти, Надежда Ивановна имѣла утѣшеніе видѣть, что мужъ ея совершенно пришелъ въ себя и могъ пріобщиться Святыхъ Тайнъ.

Надо прибавить, для полной вѣрности разказа, что всѣ члены этого семейства, измученные страшною болѣзнію дѣда, чрезвычайно были огорчены его кончиною.

Съ этихъ поръ стала Надежда Ивановна кое-какъ доживать свой вѣкъ, нерѣдко претерпѣвая недостатки, но уже избавленная отъ крайней бѣдности. Со времени помѣшательства дѣда, князь Любецкій прекратилъ свои преслѣдованія и, удовольствовавшись одной Волтуховкой, оставилъ тяжбу. Этотъ надменный человѣкъ умеръ года за три до кончины погубленнаго имъ сосѣда. Огромное имѣніе его не пошло въ прокъ его наслѣдникамъ.

Бѣдная бабка моя при небольшомъ состояніи могла однакоже существовать; одно только тревожило ее: это — долгъ помѣщику Поскребкину. Въ

одну изъ своихъ поѣздокъ въ Москву, для леченія мужа, она принуждена была занять у Поскребкина восемь-сотъ рублей. Въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, сумма эта выросла слишкомъ до восьми тысячъ, потому что г. Поскребкинъ никогда не соглашался, по истеченіи срока, брать отъ Надежды Ивановны проценты, но переписывалъ заемное письмо, присоединяя проценты къ суммѣ займа [1]). Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ имѣлъ въ виду завладѣть Малѣевымъ, которое называлъ «золотымъ дномъ»; но оно, къ счастію, не досталось ему. Надежда Ивановна съумѣла впослѣдствіи, конечно не безъ пожертвованій, отвратить замыслы г. Поскребкина.

---

[1]) Проценты между тѣмъ были огромные.

МІРСКАЯ БѢДА.

МІРСКАЯ БѢДА.*

РАЗСКАЗЪ.

(Посвящается княжнѣ Н. А. Оболенской.)

Своя рубашка къ тѣлу ближе.

Русская пословица.

Село Байдарово — самое большое селеніе въ .....ской губерніи: въ немъ считается теперь слишкомъ восемь тысячь жителей обоего пола. Оно занимаетъ привольное мѣсто, почти на самомъ берегу большой, судоходной рѣки, одной изъ кормилицъ земли русской. Выгоды этого положенія очевидны. Хотя многіе изъ крестьянъ нашего села живутъ и промышляютъ на сторонѣ, однако въ немъ всегда замѣтно особенное, суетливое движеніе. Байдарово, въ ущербъ своему уѣздному городу Суходолу, служитъ для всего уѣзда центромъ торговли, которая и привлекаетъ въ него на постоянное житье нема-

---

*) Разсказъ этотъ былъ помѣщенъ въ іюнской книжкѣ «Современника» за 1859 годъ, подъ названіемъ: «Своя рубашка».

лое число купцовъ и мѣщанъ изъ двухъ сосѣднихъ городковъ. Есть въ Байдаровѣ большіе, безобразной «купеческой» архитектуры, каменные дома съ неуклюжими деревянными пристройками; много лавчонокъ съ «краснымъ» и всякимъ другимъ незатѣйливымъ товаромъ; нѣсколько процвѣтающихъ питейныхъ домовъ, три трактира, да подъ-тридцать большихъ постоялыхъ дворовъ, съ длинными, темными навѣсами; есть тутъ еще одна суконная фабрика, нѣсколько кожевенныхъ, свѣчныхъ и мыловаренныхъ заводовъ, и наконецъ многое множество мелкихъ домишекъ, выстроенныхъ большею частію на стать уѣздныхъ городковъ нашихъ, и тѣсно лѣпящихся одинъ подлѣ другаго.

Окрестности села Байдарова неживописны, но въ характерѣ ихъ есть что-то напоминающее обаятельное раздолье степей: въ одну сторону отъ села разстилаются широкой и немного покатой равниной, далеко убѣгая изъ глазъ, богатые, поёмные луга, по которымъ извивается, въ отлогихъ берегахъ, многоводная, величавая рѣка; съ другой—тянутся сѣропесчаныя поля, обставленныя, вдали отъ Байдарова, на самомъ краю горизонта, малыми холмами, которые во многихъ мѣстахъ пересѣкаются рощами; тутъ же, какъ стражи этихъ полей, стоятъ два огромные кургана, слѣды давней жизни.

Въ этихъ мѣстахъ... ской губерніи повелась давнымъ-давно русская жизнь. Село Байдарово уже

не одну сотню лѣтъ стоитъ на теперешнемъ мѣстѣ; много событій, имѣвшихъ великое значеніе для земли русской, пронеслось и надъ нимъ. Не одинъ разъ, и въ теченіе долгаго времени, шли тутъ, разсѣевая повсюду смерть и погромъ, полчища кочевниковъ; но не перевелась жизнь въ Байдаровѣ. У жителей его, въ старые годы, были защита и спасенье: съ одной стороны — въ той широкой рѣкѣ, близь которой находится ихъ селище, такъ какъ черезъ нее нескоро можно было перебраться кочевникамъ, а съ другой — въ примыкавшихъ вплоть къ нему, непроходимыхъ лѣсахъ. Времена тѣхъ великихъ скорбей уже давно миновали; русскій народъ вообще незлопамятенъ, — онъ помнитъ немногое о бѣдахъ своихъ, но это немногое увѣковѣчиваетъ по своему: въ память татарскихъ нашествій онъ зоветъ млечный путь *Батыевой дорогой*.

Есть еще и миѳическія воспоминанія у жителей здѣшняго края. Помнятъ они, что во времена стародавнія жили въ этихъ мѣстахъ люди другаго племени, иного разбора — и не чета они были теперешнимъ мелкимъ человѣчкамъ: то были богатыри, ростомъ выше лѣса стоячаго, сильнѣе невримѣръ Ильи-Муромца. Жили они просто-на-просто, небольшими поселками, посреди непроходимаго бора. Нужды ихъ домашнія были очень просты — на семь поселковъ былъ у нихъ одинъ только топоръ, который пересылали они изъ поселка въ поселокъ,

перебрасывая его поверхъ боровыхъ деревьевъ. (Впрочемъ это былъ такой топоръ, что впослѣдствіи, когда перевелось племя богатырей, мужики племени теперешняго, найдя его какъ-то, выковали изъ него столько сошниковъ, что достало про всѣхъ обывателей семи большихъ деревень). Богатыри были нелюдимаго нрава и жили одни-одинехоньки, никогда не допуская въ свое общество женщинъ. Неподалеку же отъ ихъ поселковъ проживали отдѣльно богатырши, къ которымъ, по временамъ, захаживали богатыри въ гости. Такъ-то велось это племя долго-долго, какъ вдругъ случилось слѣдующее странное происшествіе: разъ пахалъ пашню одинъ изъ богатырей (знать, они тоже занимались земледѣліемъ) и пахалъ-то, видно, очень усердно: пройдетъ только разъ сохою — и цѣлая десятина готова. Но вдругъ увидалъ онъ, что чуть-было не наступилъ на какую-то странную тварь, которая тоже, какъ будто пахала; богатырь наклонился, поднялъ съ земли и крохотнаго пахаря, и крохотную его лошаденочку, взялъ, умѣстилъ ихъ на широкой ладони, посмотрѣлъ-посмотрѣлъ, да и хотѣлъ раздавить, какъ гадину. — «Нѣтъ! не тронь!» молвила, загорюнившись, случайно тутъ бывшая богатырша, — «знаешь ли ты, что́ это такое?... Это, вишь, народились новые люди. Мы-то всѣ изомремъ скоро, а въ наше мѣсто будутъ все вотъ какіе человѣчки — и поведется такое племя по конецъ зем-

ли....» И точно, говоритъ преданіе, скорехонько послѣ того перевелись богатыри въ этомъ краѣ, а на мѣсто ихъ шибко развелась нынѣшняя мелкота-люди.

Байдаровцы — народъ довольно развитый (между ними весьма много грамотниковъ), бывалый и трудовой. Много мозолей изнашиваютъ ихъ жосткіе пальцы и много денегъ переходитъ чрезъ ихъ руки; но та бѣда — доля у нихъ безталанная: огромному большинству ихъ, что̀ называется «міру», трудовая копѣйка вотъ уже давно нейдетъ въ прокъ. Завелась у нихъ на селѣ, въ самой сердцевинѣ «міра», такая мерзкая тля, которая постоянно портитъ, да портитъ ихъ дѣло, — но объ этой тлѣ послѣ, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о трудѣ и промыслѣ байдаровцевъ. Они — бондари на многія мѣста Россіи. Гдѣ только нужны особенно бочки, боченки и кадки, тамъ ужь непремѣнно найдете бондарей изъ Байдарова. Весь Новороссійскій край, а особенно южный берегъ Крыма, хорошо знаютъ нашихъ бондарей. Многіе изъ нихъ достаютъ отъ своего промысла въ годъ рублей по семи сотъ, по тысячѣ ассигнаціями, а иной разъ и съ залишкомъ. Около двухъ тысячъ человѣкъ ежегодно уходятъ изъ Байдарова на сторону, для бондарной работы. Все это прекрасно для всякихъ отчетовъ и статистическихъ описаній, но та бѣда,

повторяемъ, что трудовая копейка нейдетъ какъ-то въ прокъ смышленымъ бондарямъ байдаровскимъ.

Описываемое нами село принадлежало прежде знаменитому богачу *N.* Байдаровцы жили при немъ зажиточно и спокойно. Но какъ ни хороша была жизнь *за бариномъ*, а байдаровцамъ давно хотѣлось перемѣны, хотѣлось пожить на своей волѣ. Въ 18** году, узнавши, что баринъ, постоянно жившій до тѣхъ поръ заграницей, воротился въ Россію, байдаровскіе крестьяне рѣшили проситься на волю у добраго барина. Весь *міръ* крѣпко ухватился за это предположеніе; но всѣхъ болѣе хлопоталъ бурмистръ байдаровскій Тарасъ Вороненковъ, смышленый и ловкій мужикъ, умѣвшій и дѣло дѣлать, и въ мутной водѣ рыбу ловить. По его совѣту міръ байдаровскій отправилъ къ помѣщику «ходаковъ» просить милости, чтобы соизволилъ отпустить на волю свою вотчину.

Баринъ сначала удивился такой просьбѣ.

— Развѣ нехорошо вамъ у меня? спросилъ онъ довольно сердито у депутатовъ. — Чѣмъ же вы недовольны?

— А нѣту, батюшка, ваше превосходительство! отвѣчали депутаты: — всѣмъ мы довольны отъ вашей милости, — дай Господи много лѣтъ здравствовать!... Да все, то есть оно, тово, словно лучше будетъ... вѣдь, батюшка, и неровенъ часъ...

— Ну, вотъ, — на что это похоже? промолвилъ

совсѣмъ разгнѣванный баринъ. — Настоящіе мужики, то есть, дураки!.. Пошли вонъ съ глазъ моихъ!...

Пріуныли байдаровцы, когда узнали про отказъ на свою просьбу и про гнѣвъ барина.

— Вишь ты, ребята, заговорили-было нѣкоторые крестьяне на сходкѣ;—точно, кажись, не надо бы намъ затѣвать эвто дѣло...

— Ну, вотъ разсудили! возразилъ бурмистръ. — Экъ вы!... унывать лишь не надо, а рано ли, поздно ли, дѣльцо безпремѣнно выгоритъ,— вѣдь вода по каплѣ камень долбитъ... А то ужь съ первыхъ разовъ и пятиться стали!...

Вскорѣ послѣ того самъ Вороненковъ отправился къ барину и повезъ порядочную,—конечно, отъ міра собранную,—сумму для подарка вліятельному камердинеру г. *N*. Мѣра эта была очень успѣшна. Камердинеръ постарался внушить барину мысль, что не стоитъ держать за собою крестьянъ, которые такъ неблагодарны къ его милостямъ и попеченіямъ о нихъ, которые, не умѣя цѣнить той счастливой доли, что состоятъ за такимъ великолѣпнымъ господиномъ, осмѣливаются добиваться свободы. Впрочемъ, можетъ-быть, не добился бы успѣха и такимъ образомъ Вороненковъ, еслибъ сама судьба не помогла его планамъ: барину понадобилось, скорѣе предположеннаго, ѣхать опять заграницу, а вмѣстѣ съ тѣмъ понадобилась ему крупная сум-

ма — и онъ рѣшился отпустить на волю село Байдарово.

Онъ отпустилъ это имѣніе за два милліона ассигнаціями: при самомъ началѣ дѣла объ отпускѣ онъ получилъ съ крестьянъ шестьсотъ тысячъ, да вскорѣ получилъ изъ опекунскаго совѣта, гдѣ для облегченія всей операціи, заложилъ Байдарово, слишкомъ восемьсотъ тысячъ: остальную сумму, съ чѣмъ-то пятьсотъ тысячъ, крестьяне должны были выплатить въ извѣстные сроки; долгъ опекунскому совѣту, конечно, на нихъ же остался. До окончательной уплаты долговъ бывшему помѣщику и совѣту, крестьяне байдаровскіе должны были считаться невполнѣ еще получившими свободу.

Разказывать ли подробно, какъ при сборахъ денегъ на первоначальный взносъ помѣщику и на всякія хлопоты у многихъ крестьянъ побѣднѣе да посемьянистѣе, жилы вытягивались?... А между тѣмъ позабыли или недогадывались они про существованіе земскихъ чиновниковъ....

А Вороненковъ добился своей цѣли: онъ былъ выбранъ единогласно головою, и сталъ съ этихъ поръ полновластнымъ хозяиномъ въ Байдаровѣ. Ему уже никто не мѣшалъ распоряжаться мірскими дѣлами, мірскими деньгами, даже личностью крестьянъ. Повсюду нашелъ онъ поддержку своимъ намѣреніямъ, направленнымъ къ тому, чтобы какъ можно больше нажиться на счетъ мірской.

Дѣйствія его были ловки и смѣлы, да и обстоятельства сильно тянули на его руку.

Онъ легко убѣдилъ міръ, что для успѣшнаго веденія дѣлъ общественныхъ нужно имѣть на своей сторонѣ всѣхъ главныхъ уѣздныхъ чиновниковъ и многихъ губернскихъ. Всякіе чиновники проторили себѣ широкую дорогу въ Байдарово; въ немъ вдругъ завелось, на случай пріѣзда и проѣзда чиновныхъ особъ, три «въѣзжихъ дома»: одинъ — для крупныхъ, «набольшихъ» чиновниковъ, другой — для среднихъ, третій — для разной мелкоты чиновничьей. Байдарово лежитъ на большой дорогѣ изъ губернскаго города въ уѣздный. Когда разные «сановники» проѣзжали по этой дорогѣ, земская полиція всегда такъ пригоняла, чтобы въ Байдаровѣ устроивались обѣдъ, ночлегъ, либо закуска для «знатнаго» путешественника. За день, за два до благополучнаго «прослѣдованія», пріѣзжалъ обыкновенно въ село становой, а то и самъ исправникъ, и призывалъ къ себѣ голову Вороненкова. Тарасъ Семенычъ являлся въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ, выборныхъ отъ міра.

— Ну, братцы, — говорилъ становой или исправникъ, поздоровавшись сначала съ головою: — а я вамъ хорошую новость привезъ: *NN* изволитъ завтра или послѣ завтра проѣзжать черезъ ваше село. Все ли готово у васъ для пріема?...

— Помилуйте, отвѣчалъ Вороненковъ: — да у насъ завсегда все готово....

— Я въ этомъ напередъ былъ увѣренъ. Ты, Тарасъ Семенычъ, просто, золотой человѣкъ для цѣлаго вашего общества, да и для насъ тоже; вѣдь много, братецъ, з начитъ, когда такая особа останется довольна, проѣхавъ черезъ село, гдѣ квартира славная, хоть бы въ городѣ такая была.... и въ такомъ все порядкѣ... ну, и тово... угощеніе.... А для васъ-то, байдаровцевъ, какъ это выгодно и полезно! Вѣдь такое лицо всегда можетъ поддержать, оказать милость. Право, Бога надо благодарить.... Такъ иль нѣтъ, братцы?...

— Какъ же, батюшка!... много довольны за неоставленіе... отвѣчали, бывало, въ одинъ голосъ Вороненковъ и выборные, — первый впрочемъ очень громко и весело, а послѣдніе — гораздо тише и даже какъ-то робко.

— Ну, да, да! продолжалъ важно чиновникъ: — нельзя не цѣнить... я знаю.... Такъ ты, Тарасъ Семенычъ, распорядись же!... Видишь ли: этотъ господинъ изволитъ слѣдовать со свитою; ты сначала, разумѣется, хлѣбъ-соль поднесешь, — ну, а главное, чтобы все было готово на квартирѣ....

Подъ конецъ разговора, предусмотрительный чиновникъ говорилъ иногда вполголоса головѣ:

— Ты, смотри тоже, Тарасъ Семенычъ, какъ бы

тово... какъ бы необезпокоили... знаешь? — разными глупостями, просьбами недѣльными, жалобами...

— Не извольте безпокоиться, — отвѣчалъ голова, нарочно, громкимъ голосомъ: — у насъ такихъ людей нѣтъ въ обществѣ, благодаря Бога.... Всякаго у насъ народа много, есть и малосмысленные, а озорниковъ не имѣется... Что́ Бога гнѣвить, — живемъ спокойно, по милости начальства!..

И Вороненковъ отлично распоряжался при встрѣчахъ начальства.

На первостепенной квартирѣ всего оказывалось вдоволь: и отличной рыбы, и дичи, и вина, и фруктовъ изъ оранжерей сосѣдняго помѣщика. Чинъчиномъ происходили встрѣчи знатныхъ путешественниковъ. «Особа» выдетъ изъ экипажа медленно и важно, величественно подойдетъ къ тѣсносжавшемуся народу, еще важнѣе и величественнѣе приметъ хлѣбъ-соль отъ головы, потреплетъ его по плечу и промолвитъ съ благосклонною полуулыбкою: «А, голова!... здорово мой милый. Ну, что, какъты? по добру, по здорову?... Въ прошлый разъ, какъ я тебя видѣлъ, помнится мнѣ, ты не былъ такъ сѣдъ....» Само собою разумѣется, «особа» остается отмѣнно довольна помѣщеніемъ въ Байдаровѣ, сохраняетъ на долго благосклонное воспоминаніе обо всемъ этомъ, а пріѣхавши въ губернскій городъ, разсказываетъ тамошнимъ аристократамъ: «Вы не повѣрите, какъ они приняли меня!... уди-

вительная, чисто русская преданность!... Это даже трогательно!... народъ истинно-признательный.... И что́ странно? промышленность не испортила ихъ,—рѣдкій случай. Впрочемъ, и чиновниками тамошними я очень доволенъ: большею частію хорошіе, ловкіе люди. А голова байдаровскій!... право, дайте ему порядочное образованіе — въ совѣтники годился бы!..»

Конечно, эти проѣзды много помогали Вороненкову: крестьяне хорошо видѣли ласковую внимательность высшихъ начальниковъ къ Тарасу Семенычу, — и стали они уважать его подобострастно, а бояться пуще огня.

Да, всѣ эти потѣхи недешево обходились міру байдаровскому. Поборы съ крестьянъ сдѣлались чрезмѣрно велики и съ каждымъ годомъ еще увеличивались. На все были поборы... Противъ прежняго времени, тяга каждаго крестьянина увеличилась въ нѣсколько разъ. Впрочемъ всѣ сборы и поборы съ байдаровцевъ, бывшіе въ вѣдѣніи Тараса Семеныча, записывались въ особыя книги, и расходъ по нимъ выводился благопристойно, копейка въ копейку. Въ концѣ каждаго года, Вороненковъ предъявлялъ на міру общественные расходы и всегда добивался утвержденія ихъ. При этихъ случаяхъ онъ поступалъ ловко и предусмотрительно. Въ переднихъ рядахъ мірскаго схода становились люди преданные Тарасу Семенычу,

такіе притомъ, у которыхъ горло было широкое, да тутъ же стояло нѣскольно богатыхъ мужиковъ, болѣе или менѣе пріятелей Вороненкову и равнодушныхъ къ мірскимъ дѣламъ, — и наконецъ первые ряды схода замыкались крестьянами, «у которыхъ голова съ рожденья клиномъ сведена»; а мужичкамъ позубастѣе приходилось оставаться позади. Правда, Вороненковъ встрѣчалъ иногда оппозицію — не по поводу расходовъ, а поборовъ, — но она не сильна бывала; напротивъ, высказывалась робко, непослѣдовательно и неумно. Случалось, что иной мужикъ промолвитъ, глядя на всѣхъ изподлобья и избѣгая глазъ Тараса Семеныча:

— Да чтожь эвто, ребята, поборы-то все годъ отъ году прибавляются?... Вонъ на нонѣшній годъ опять накинули!... Право-слово, почитай, и не въ могуту становится....

— А и то, никакъ.... отзовется нѣсколько голосовъ, большею частію изъ заднихъ рядовъ схода.

И при этихъ словахъ вдругъ водворяется мертвая тишина.

— Эхъ, умныя головы!... возражаетъ глухимъ протяжнымъ голосомъ Вороненковъ.— Не подъ-силу, право,и дѣла-то съ вами вести! Трудишься,трудишься для міра,а все ничего не подѣлаешь. Вотъ теперича Ѳомка цѣлыймiръ смутьянитъ. А человѣкъ-отъонъ какой важный,есть кого послушать: голь,бездомовникъ,а

а тоже міромъ хочетъ заправлять!... Ну, что ты, лѣшій, горло-то дерешь?... Поборы большіе!... Да развѣ поборы не по нуждѣ дѣлаются? Вѣдь въ совѣтъ надоть платить и барину надоть.... а чиновникамъ-то — перестать, что-ли, давать? Сами же вы хотѣли откупиться, — ну, и должно дотянуть дѣло до конца. Оно и тяжеленько, да какъ быть-то? Мы теперича ни то казенные, ни то Богъ-вѣсть какіе, такъ тутъ, знамо, не безъ лишнихъ расходовъ.... А мнѣ-то мало труда достается? Сколько разъ въ «губернію» скатаешь, а не то что въ уѣздный городъ.... Ломаешь-ломаешь старыя кости-то; изъ-за всякаго мірскаго дѣла все я же въ отвѣтѣ!... Ну, да что́ толковать? Дураковъ учить, что мертвыхъ лѣчить. А коли такъ, — вы ослобоните меня изъ головъ, а у начальства я ужь вымолю себѣ отставку. Что жь, православные, мнѣ, ей-ей, не въ мочь, больно старъ становлюся, пускай другіе міру послужатъ.... Да вотъ чего лучше? Ѳома Игнатычъ головой будетъ въ мое мѣсто. Важно, чай, станетъ заправлять мірскими дѣлами!... А мы со сторонки поглядимъ, какъ Ѳома Игнатычъ хлѣбъ-соль поведетъ съ чиновниками, какъ будетъ ладить съ ними по дѣламъ-то и какъ дѣла-то пойдутъ!... Ослобоните, братцы, въ честь прошу!...

— Что ты, что ты! Тарасъ Семенычъ! раздаются крики со всѣхъ сторонъ. — Да мы безъ тебя, слов-

но малые ребята безъ отца, безъ матери!... Ты началъ дѣло, — тебѣ и кончать.... Всѣ начальники тебя знаютъ, доступъ имѣешь, всѣ тебѣ — рука.... Нѣтъ! ты ужь не покидай насъ!... А Ѳомкѣ-разбойнику мы ротъ-то зажмемъ!...

И накинется тутъ, бывало, народъ православный на бѣднаго Ѳомку, какъ на истаго врага своего. Когда же, послѣ учетнаго схода, начиналась попойка на счетъ головы, Ѳомкѣ приходилось бѣжать со сходки: такъ сильно разражались надъ нимъ брань и угрозы подгулявшихъ мірянъ. Съ своей стороны и Вороненковъ не оставался у Ѳомки въ долгу за дерзновенное покушеніе на его власть: въ первый же рекрутскій наборъ самъ Ѳомка, или сынъ его, либо кто-нибудь изъ семьи ужь непремѣнно отправлялся на царскую службу.

Старый и малый въ цѣломъ Байдаровѣ сильно боялись Тараса Семеныча, а коли боялись, значитъ, весьма уважали. Бывало, только покажется онъ на улицѣ, тотчасъ же всѣ снимаютъ шапки и въ поясъ кланяются.

Тарасъ Семенычъ Вороненковъ пользовался уваженіемъ со стороны и сосѣднихъ крестьянъ, ѣзжавшихъ на базары въ Байдарово. Имя его было извѣстно на далекое пространство; многіе помѣщики частехонько выставляли его въ примѣръ сво-

имъ бурмистрамъ и старостамъ. — «Вотъ Вороненковъ, говорили они: — такъ настоящій бурмистръ, даромъ что великая шельма!... Боятся и уважаютъ его въ цѣломъ Байдаровѣ. Да еще какими крестьянами онъ управляетъ? сущими разбойниками, которые издавна и страшно перебалованы, — вѣдь все на оброкѣ были, да и оброкъ-то какой!... Дай Богъ, чтобы наши крестьяне насъ самихъ такъ боялись!... За то и порядокъ ведется!...»

Можетъ быть, многіе бурмистры и старосты желали бы взять себѣ въ примѣръ Вороненкова, — да куда! никакъ не угоняешься за такимъ звѣремъ. Да, вотъ каковъ человѣкъ онъ былъ: сами чиновники, и даже многоопытные въ жизни, не считали для себя предосудительнымъ совѣтоваться съ нимъ о собственныхъ дѣлахъ. И молодецъ Вороненковъ! онъ скоро понялъ значеніе свое среди этой чиновничей братьи, «ублаготворяемой» имъ на счетъ мірской: съ достоинствомъ держалъ онъ себя между ними, не поддавался ихъ прихотямъ и ублажалъ ихъ настолько, насколько нужно было ему для его плановъ.

II.

Одинъ лишь человѣкъ во всемъ Бойдаровѣ нисколько не боялся Вороненкова, ясно видѣлъ всѣ его вредныя для міра дѣйствія, отъ души его не любилъ; но человѣкъ этотъ махнулъ рукой на все, по особымъ причинамъ вовсе не вмѣшивался въ мірскія дѣла и даже никогда не ходилъ на сходы.

Звали его Прокофьемъ Григорьевымъ Терёхиннымъ. Онъ былъ уже старикъ лѣтъ семидесяти, кожевникъ по промыслу. Промыселъ этотъ достался ему отъ отца, подъ руководствомъ котораго онъ и началъ заниматься дѣломъ. Никогда не работалъ онъ на чужой сторонѣ, а все жилъ безвыѣздно въ Байдаровѣ и очень любилъ свое родимое селеніе. Разъ, онъ такъ сказалъ про него:

— Всю нашу землю изойди, а не много найдешь такихъ привольныхъ мѣстъ, какъ вотъ наше село. Земля, хоша скудная, да вдоволь ея; а луга-то какіе!... Рѣка-кормилица.... Кругомъ въ деревняхъ— люди все больше зажиточные, можно и дома важно работать: про всѣхъ работы достанетъ. А на чужу сторону зачѣмъ ходить?... Оно бы нешто, колибъ

только работали, а то балуются.... извѣстно, — человѣкъ по году домъ и семью не видитъ. Ну и еще есть причина: оттого, пожалуй, что врозь живутъ и дома-то врозь смотрятъ — про мірское дѣло кому тутъ позаботиться!...

Прокофій Терёхинъ былъ очень зажиточный крестьянинъ. Домъ у него былъ, какъ полная чаша; кожевенное заведеніе — большое и исправное; всякихъ пожитковъ и домашней рухляди достало бы про нѣсколько большихъ семей. Кромѣ кожевеннаго дѣла, въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ своей жизни, онъ занимался торговлей рощами и дѣло это сильно шло ему въ руку: капиталъ у него былъ уже довольно значительный. Усчитывали на селѣ, что у него въ сундукѣ должно быть свободныхъ денегъ тысячъ тридцать ассигнаціями.

Наружность Прокофья Терёхина была характеристическая. Это былъ, видный собою, старикъ средняго роста, широкоплечій и сильный, съ широкимъ, свѣжимъ лицомъ, съ сѣдоватою окладистою бородой, съ открытымъ, но серіёзнымъ и даже нѣсколько суровымъ взглядомъ.

Онъ былъ чрезвычайно трудолюбивъ и всегда дѣломъ занятъ, даже въ праздники не отдыхалъ за бездѣльемъ. Въ словѣ своемъ онъ стоялъ твердо, въ дѣлѣ былъ честенъ, въ отношеніяхъ къ людямъ простъ и правдивъ. Но вообще въ характерѣ

его много было суровости. На это были тоже особыя причины. Съ молодыхъ еще лѣтъ своей долгой жизни онъ началъ «обмирать»; послѣ смерти отца и матери, погибли преждевременно и бѣдственно два его брата, молодцы ловкіе и преданные ему товарищи въ дѣлѣ; а потомъ стали умирать у него дѣти, которыхъ много было, и изъ которыхъ остался одинъ только сынъ. Старикъ горячо любилъ свою семью, и трудно было ему видѣть, какъ годъ-отъ-году эта большая, прекрасная, ладная семья таяла, словно вешній снѣгъ. О несчастныхъ утратахъ своихъ онъ имѣлъ одно крѣпкое убѣжденіе: думалъ онъ, что посылаются отъ Бога на него наказанія, не столько за грѣхи его собственные, сколько за грѣхи его отца, который точно былъ человѣкъ нрава тяжелаго и даже жестокаго, а смолоду много погрѣшилъ. Но кромѣ этого убѣжденія, семейныя утраты и еще имѣли на Прокофья Григорьева много вліянія: онъ сталъ несообщителенъ съ людьми посторонними, на все, что́ не прямо до него касалось, смотрѣлъ какъ-то подозрительно, холодно и безъ участія, а подъ конецъ сдѣлался скупъ, «жаденъ на деньгу»—какъ выражались о немъ въ Байдаровѣ. Не измѣнилъ онъ при этомъ честности своей, но тѣмъ не менѣе, казалось, только въ усиленномъ пріобрѣтеніи состоянія онъ и находилъ себѣ утѣху. Въ послѣдніе же пять-шесть лѣтъ было замѣтно въ трудовой

его дѣятельности что-то напряженное и безпокойное.

Обращеніе старика Терёхина съ семейными своими и работниками было ровное, спокойное, требовательное, строгое. Для всѣхъ въ дому онъ указывалъ работу и занятія; только женѣ своей Катеринѣ, женщинѣ печальной отъ потери дѣтей и набожной, онъ предоставилъ полную свободу въ дѣйствіяхъ. Но съ сыномъ Иваномъ онъ обращался особенно строго.

И странно казалось, почему такъ суровъ былъ старикъ къ Ивану, сыну безотвѣтному и вовсе неспособному выдти изъ воли отцовской, къ человѣку, въ которомъ ни разу не проглянули вредныя свойства или поползновенія къ чему нибудь дурному. Иванъ былъ очень красивый собою молодецъ, лѣтъ уже подъ тридцать, темнорусый, голубоглазый, со взглядомъ привѣтливымъ и кроткимъ. Онъ былъ роста высокаго, но жидокъ и слабосиленъ; а во всей физіономіи и осанкѣ его отражалось что-то задумчивое и робкое. Вообще для лѣтъ своихъ онъ былъ уже черезчуръ моложавъ; голосъ у него былъ тихъ и нѣженъ, какъ у дѣвушки: движенія— порывисты, неровны и торопливы.

Вотъ за эту-то торопливость строгій отецъ много попрекалъ Ивана.

— Словно ты мальчикъ махонькой! — говаривалъ старикъ Терёхинъ сыну: — ну, что ты мечешься

очертя голову? Развѣ такъ надо дѣло дѣлать? Вѣдь надо всмотрѣться, да приняться не со сполохомъ, съ разу не надсаживаться, — дѣло-то, смотришь, и пойдетъ. Семь разъ примѣрь, да одинъ отрѣжь,— вотъ оно и крѣпко будетъ. А то, словно въ пожаръ, торопится!... Да и въ пожаръ не надо торопиться...

Впрочемъ Прокофій никогда не изобидѣлъ сына своего ни грубымъ толчкомъ, ни даже браннымъ словомъ. Онъ любилъ его чрезвычайно, только не былъ нѣженъ съ нимъ: въ нравѣ его не было мягкости.

Разъ, онъ жаловался Катеринѣ на пустую торопливость Ивана:

— Хоть что хошь ты, — нѣту съ нимъ толку. Такъ-то, пожалуй, и мало проку выйдетъ!

— А ты, Прокофій Григорьичъ, не замай его... Запугаешь больше попреками...

— Да что онъ — махонькой, что ль?... Я ничѣмъ его не обижаю. Ни разу не поучилъ, какъ меня-то, бывало, за все про все отецъ учивалъ. Не любилъ, покойникъ, потачки давать, — чуть что не по немъ...

— Нѣтъ! ужь ты, ради Господа!...

— Да знаю, знаю я! Слышь — николи не трону. Вѣдь ты жь видѣла, — я и допрежь того... Господь съ нимъ! милъ онъ мнѣ, больно милъ.... только не могу, вотъ, утерпѣть, чтобъ не попрекнуть иной

разъ: заторопится, замыкается, да все невпопадъ!... Ты бы, Катерина, поучила его, да поговорила бы, чтобы онъ хорошенько въ дѣло вглядывался, а пуще всего, не торопился бы.

Когда начинается нашъ разсказъ, Иванъ уже восемь лѣтъ былъ женатъ. Какъ только исполнилось ему двадцать лѣтъ, старикъ женилъ его. Алёна, жена Ивана, была славная женщина. У нихъ уже было трое сыновей; Иванъ любилъ безъ памяти и дѣтей и жену. Старикъ Прокофій не нарадовался на внучковъ; особенно любилъ онъ старшаго, который видомъ и нравомъ своимъ походилъ на дѣдушку.

О женитьбѣ Ивана надо сказать здѣсь еще нѣсколько словъ.

За полгода передъ этою женитьбой, голова Вороненковъ засылалъ къ Прокофью Терёхину вѣрнаго человѣка передать старику, что, дескать, голова не прочь будетъ породниться съ нимъ, что за дочерью своей Ульяной дастъ онъ хорошее приданое.

— Нѣту! отвѣчалъ наотрѣзъ Прокофій: — что намъ съ нимъ родниться? — неровня мы ему!... Вишь, онъ, словно баринъ, аль какой чиновникъ, даромъ-что бороду понашенски носитъ. Пускай отдаетъ дочку за какого ни-на-есть приказнаго, а то, можетъ, и купецъ ее возьметъ.... А намъ, что съ нимъ въ родню входить! Мы люди простые, на

счетъ мірской не живали и напредки жить не будемъ. Слава тѣ, Господи, есть у насъ достатокъ честно нажитый, съ насъ и довольно. Намъ что́ надобно? нуженъ намъ въ семью человѣкъ хорошій, хоша бы и небогатый....

Конечно, Тарасъ Семенычъ Вороненковъ не могъ простить такую обиду. Онъ и давно не долюбливалъ Прокофья Терёхина, а теперь возненавидѣлъ его и всю его семью.

— Эхидная семья эвта, говорилъ онъ иногда пріятелямъ своимъ: — кому какъ, а ужь мнѣ она!...

Однако, Вороненковъ не рѣшился явно раздорить съ старикомъ Прокофьемъ. Много причинъ останавливало его отъ этого: Терёхинъ такъ жилъ на селѣ, что не за что́ было придраться къ нему, да и въ міру его уважали. Случалось, нѣкоторые байдаровцы, и довольные и недовольные Вороненковымъ, проговаривали о Терёхинѣ, что вотъ, молъ, и Прокофій Григорьичъ знатный былъ бы начальникъ, хоша и оченно крутенекъ нравомъ, — и такія рѣчи не встрѣчали въ міру возраженій. Смутное чувство самосохраненія шептало Вороненкову, что не слѣдуетъ ему затрогивать Терёхина, что этотъ человѣкъ можетъ быть ему врагомъ опаснымъ, что борьба съ нимъ была бы крайне трудна, а исходъ ея ненадеженъ.

«Вишь, проклятый! — думывалъ онъ съ мрачной злобою о старикѣ Прокофьѣ: — словно чортъ въ

болотѣ поселился — и не выживешь изъ болота-то!... Вѣдь богатъ, лѣшій, переходилъ бы въ купцы, — такъ нѣтъ!... Уродится же такой человѣкъ, ни за что ты съ нимъ не поладишь. Породниться хотѣлъ, — такъ куда тебѣ!... Эвту обиду николи не прощу.... То хорошо, покрайности, что онъ на сходы не ходитъ, въ дѣла мірскія не суется. А все надоть бы мнѣ сострунить эвтаго стараго волка: думается иной разъ, какъ бы онъ подъ меня не подъискался!...

Но напрасно такъ думалось Тарасу Семенычу. Терёхинъ нисколько не заботился о ходѣ мірскихъ дѣлъ. Всѣ поборы платилъ онъ бездоимочно и по первому требованію — и ни разу не выразилъ желанія дознавать — отчего они съ каждымъ годомъ увеличиваются. Разъ, только сказалъ онъ сборщикамъ всякихъ мірскихъ податей:

— Опять прибавили на нонѣшній годъ. Экъ вамъ неймется! Больно лакомы стали, — а пора бы и честь знать....

— Мы-то чѣмъ виноваты, Прокофій Григорьичъ? возразили сборщики.

— Толкуй, толкуй!... Вишь невинные, безпричинные!... то ужь не овца, что съ волкомъ въ лѣсъ пошла.... Міроѣды вы!...

— Что ты!... Бога побойся, Прокофій Григорьичъ! Мы, ей-ей, тово.... Да и кого эвто величаешь такъ?...

— Кого?... Чтожь ты думаешь, побоюсь правду сказать?... Главный-то міроѣдъ — Тарасъ Семенычь Вороненковъ, голова нашъ мудреный, да и вы съ нимъ тоже.

— Сказать-то — не штука, а ты доказалъ бы. А то такъ съ-вѣтру....

— Нѣтъ, не съ вѣтру!... Малоль что́ я вижу, да молчу? Своего дѣла у меня довольно.... старъ я.... да что́ тутъ?... Вотъ коли-бъ міръ нашъ смыслъ имѣлъ, ладенъ былъ, — пожалуй, я и доказать взялся бы. Ну, да что по-пустому калякать? Берите-ко денежки, — вотъ вамъ Богъ, а вотъ и порогъ.

Разговоръ этотъ дошелъ до головы Вороненкова, Чрезвычайно озлобился онъ на старика Терёхина-но опять сдержался. — Наконецъ выпалъ-таки случай, по которому оба эти старика сдѣлались отъявленными врагами.

III.

Дѣло вышло вотъ изъ-за чего:

Былъ у Прокофья Григорьева родной племянникъ, сынъ его единственной сестры, Абрамъ

Ѳедотовъ Сусловъ, — малый молодой, неглупый, нраву веселаго и добраго, но черезчуръ гульливый, озорной подчасъ, и мастеръ большой позубоскалить, подсмѣяться; за что и слылъ онъ въ Байдаровѣ подъ именемъ «Абрамки-Балахирева.» Малой этотъ жилъ постоянно на сторонѣ, въ калашникахъ и прянишникахъ, и являлся домой только въ рабочую пору, да на Рождество. Во все время святокъ онъ много, бывало, кутилъ и безъ устали потѣшалъ народъ своими выдумками и шутовскими продѣлками; перебывалъ онъ во многихъ городахъ, видалъ балаганное паясничанье и любилъ самъ представлять передъ народомъ разныя штуки. Отецъ его, человѣкъ смирный и робкій, безпрестанно его останавливалъ; дядя Терехинъ вчастую бранилъ за «бездѣлушничество», а раза два и голова Вороненковъ сильно тузилъ его за «озорничество»; но Абрамка все не унимался.

Вотъ какъ-то, тоже о святкахъ, Абрамъ Сусловъ больше обыкновеннаго разкутился.

Надо сказать здѣсь, что Тарасъ Семенычъ, кромѣ офиціяльныхъ сходовъ, не жаловалъ никакихъ сборищъ, особенно же святочныхъ, — сборищъ всегда шумныхъ, а иногда и буйныхъ. Онъ не могъ совсѣмъ запретить ихъ, но при всякомъ случаѣ грозно изъявлялъ свое начальническое неудовольствіе. Поэтому, чтобы не наводить на гнѣвъ голову, гульливый народъ собирался гдѣ-нибудь по-

дальше отъ его двора. На тотъ разъ, когда случилось описываемое нами происшествіе, такое сборище было въ избѣ кузнеца Антона.

Просторная, съ низкимъ потолкомъ, горница была биткомъ набита народомъ. Нѣсколько сальныхъ огарковъ, оплывшихъ отъ жара, тускло горѣли въ грязныхъ бутылкахъ, вполовину освѣщая закоптѣлыя стѣны и веселыя, разрумяненныя лица. Зрители всюду помѣстились — съ печи и съ палатей рядкомъ торчали головы. Несмотря на тѣсноту, посрединѣ избы очистили небольшой кружокъ. Здѣсь, прислонясь къ столбушкѣ возлѣ печи, стоялъ молодой, видный собою парень въ александрійской рубашкѣ. Подлѣ него находился «дружко», который громко выкликалъ: «не желаетъ ли кто изъ красныхъ дѣвушекъ, изъ молодыхъ молодушекъ добраго молодца изъ неволи выкупить?»

Выкупомъ, разумѣется, былъ поцалуй. Но кто ни подходилъ — всѣмъ отказъ, пока дѣвки, съ громкимъ смѣхомъ, не вытолкали изъ-середи себя дюжую и красивую Параню, сердечную зазнобушку Егора, — того парня, что̀ стоялъ у столбушки. Закраснѣлась Параня, закрыла лицо рукавомъ, подошла, опустивъ глаза, и низехонько поклонилась. Егоръ улыбнулся, встряхнулъ кудрями, обнялъ дѣвушку, поцаловалъ ее три раза въ обѣ щеки и отошелъ отъ столба. «Выкупивъ» парня, Параня

заняла его мѣсто. Такъ игра продолжалась до тѣхъ поръ, пока всѣ другъ съ другомъ перецѣловались.

— Ряженые! ряженые!... вдругъ вскричали нѣсколько голосовъ.

Дверь широко распахнулась и въ нее, вмѣстѣ съ клубами морознаго пара, ввалилась ватага новыхъ гостей, въ самыхъ безобразныхъ, уродливыхъ нарядахъ. Впереди всѣхъ старичишка, съ накладнымъ горбомъ и длинною льняной бородою, выкидывалъ ногами какія-то мудреныя колѣнца, а самъ наигрывалъ на гармоникѣ: за нимъ едва двигался неуклюжій медвѣжонокъ, котораго съ визгомъ и хохотомъ всѣ толкали, кто рукой, а кто и ногой; дальше выступалъ лѣшій, а тамъ вытягивалъ шею журавль. Наряды ихъ была незатѣйливы, большую роль играли овчинные тулупы, надѣтые на разный ладъ и навыворотъ. Пришелъ и рыбакъ, усѣлся на полу и съ разными приговорками, да прибаутками, началъ закидывать удочку, ловить «рыбу съ руками и ногами». Дѣвки и бабы, которыхъ старался онъ зацѣпить за платье, вырывались отъ него, бѣгали, визжали.... Крикъ, смѣхъ, возня!... За всѣмъ этимъ гамомъ не слыхать уже стало ни гармоники, ни двухъ балалаекъ.

— Смотри-ко-сь, малый, говорилъ парень съ дурковатой рожей, широкимъ носомъ, рыжій, какъ огонь: — вѣдь эвто Абрамка никакъ ж равлемъ-то?

— И, нѣтъ, малый! отвѣчалъ другой. — Журав-

лемъ Петруха Гладышевъ, а Абрамка врядъ ионѣ придетъ.

— Что такъ?

— А какъ же!... Вечерась, какъ онъ чортомъ приходилъ, Сенька поколотилъ его — инда у Абрамки кровь носомъ полила. Больно озорноватъ Сенька!...

— Онъ въ надеждѣ, что сестра его въ работницахъ у Тараса Семеныча.... молвилъ третій.

— Молчи, покамѣстъ цѣлъ! предупредилъ его товарищъ.

Но Абрамка былъ незлопамятенъ, — да и что ему былъ какой нибудь пинокъ или колотушка, когда дѣло шло о весельѣ? Какъ скоро затѣвали гдѣ игру, ему ужь не сидѣлось дома. Если онъ сегодня опоздалъ, такъ потому только, что не всѣ еще сборы его были кончены. Закадычные друзья его, Терёха да Гаранька, нескоро заучили, что̀ надо, а безъ нихъ нельзя было обойтиться. Абрамка-Балахиревъ затѣялъ такое представленіе, какого никто сроду не видывалъ въ Байдаровѣ.

Въ то время, какъ всего менѣе о нихъ думали, трое пріятелей явились какъ-тутъ на вечеринку. Абрамка — впереди, двое другихъ немного поодаль. Абрамка шелъ степенно и важно, искоса поглядывая то на ту, то на другую сторону, палочкой изрѣдка въ полъ постукивая, и поглаживая льняную, клиномъ остриженую, бороду. У Абрамки

углемъ выведены густыя, черныя брови; на немъ синій суконный кафтанъ — ужь Богъ вѣсть откуда досталъ онъ такой, — и выворотные сапоги. Какъ взглянули на него, такъ и покатились со смѣху: живой, какъ есть живой Тарасъ Семенычъ, — и поступь такая же, и взглядъ, даже ростъ, — Абрамка маленько съёжился, да и лѣвой бровью точно такъ же безпрестанно подергиваетъ. А какъ заговорилъ Абрамка — хохотня удвоилась.

Посереднѣ избы товарищи Абрамки засуетились около него и стали очищать ему дорогу.

— Посторонитесь, посеоронитесь!... говорили они. — Аль не видите? *Самъ* Тарасъ Семенычъ идетъ!...

И толпа со смѣхомъ раздвигалась, ожидая, что начнется что нибудь занятное. Она не ошиблась.

Тарасъ Семенычъ выдвинулся впередъ, оперся на палочку, понасупилъ брови и протяжно крякнулъ. Съ низкими поклонами подошелъ къ немъ Терёха, одѣтый въ какія-то шутовскія лохмотья и весь испачканный сажею.

— Батюшка, Тарасъ Семенычъ!...заговорилъ жалобнымъ голосомъ Терёха: — позволь срубить въ лѣсу хворостинку, утромъ выгонять скотину.

Тарасъ Семенычъ затопалъ ногами и застучалъ крѣпко палкою.

— Ахъ ты, разбойникъ! такой-сякой!... Про твою ли харю лѣсъ растетъ казна его стережетъ?.

Слыхано ли, видано ли — въ лѣсъ тебѣ ходить, да въ лѣсу-то хворостины рубить?...Да я эвту хворостину обломаю о твою же спину!

— Батюшка, Тарасъ Семенычъ! положи гнѣвъ на милость! Выслушай ты наше глупое слово, а у насъ про тебя угощенье готово.

Тутъ Терёха подалъ какой-то кулекъ. *Тарасъ Семенычъ*, съ разными ужимками, заглянулъ сначала въ кулекъ, потомъ взялъ его и привѣсилъ въ рукѣ.

— Ладно! говоритъ ударивъ мужика по плечу. — На гостинцѣ спасибо, — бери, что̀ тебѣ любо.... Да ты не токма хворостинку, стяни хоть осинку. Только гляди — озирайся, на глаза не попадайся.

Тарасъ Семенычъ опять застучалъ палкою.

— Позовите, говоритъ, сына моего Макара Тарасыча.

Подбѣжалъ Гаранька, представлявшій сына.

— А гдѣ жь ты, Макарушка-болванушка, пропадалъ? Аль во кабакѣ на мои денежки гулялъ?... Смотри ты, Макаръ, я тѣ какъ-разъ вспорку задамъ!...Ахъ, сынъ ты мой любезный! не будь разиней-зѣвакой, а будь такой же, какъ я, собакой... Вотъ, смотри-ко-сь, ни изъ кожи я, ни изъ рожи, а хожу-то теперь не въ рогожѣ. Смолоду я въ полѣ скотинку гонялъ, а схитрилъ-помудрилъ, такъ и въ головы попалъ! Ну, помни же крѣпко мое

наставленье, а вотъ тебѣ родительское благословенье!...

И вслѣдъ за этими словами Абрамка, къ пущей потѣхѣ зрителей, началъ преусердно тузить терпѣливо игравшаго роль свою Гараньку.

— Ахъ ты!...животики надорвешь!... вишь, лѣшій его какъ разбираетъ!...говорили въ толпѣ.

— Настоящій, какъ есть, Тарасъ Семенычъ!... И ругается, словно онъ же!...

Одинъ только пожилой, пасмурный мужикъ, казалось, былъ недоволенъ представленіемъ: онъ все покачивалъ головою и частенько проговаривалъ: «неладно! неладно!»

— Эхъ, малый! молвилъ онъ громко, обратившись къ Абрамкѣ: — шутъ ты настоящій, что и говорить, — а не похвалилъ бы тебя Прокофій Григорьичъ, кабы увидалъ за такими дѣлами.

Абрамка оглянулся. Имя дяди, какъ упрекъ совѣсти, кольнуло его, и на минуту онъ было смутился. Но. тряхнувъ забубенной головою, онъ опять вошелъ въ роль и продолжалъ нредставленіе, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Что и смотрѣть-то! сказалъ пожилой мужикъ, увидавъ, что его увѣщаніе пропало даромъ.— Бѣсамъ только на потѣшенье!...Тьфу!...

И онъ пошелъ изъ избы.

— А и то.... замѣтилъ другой мужикъ: — дядя

Кузьма дѣло говоритъ. Пустыя эвто потѣхи. Узнаетъ Тарасъ Семенычъ,—вѣдь какъ достанется!...

— Что жь, дядя Аксёнъ? спросилъ дурковатый, рыжій парень, разинувъ огромный ротъ. — Небось осерчаетъ?...

Не успѣлъ дядя Аксенъ отвѣтить, какъ вдругъ Абрамка, въ жару своей потѣхи, задѣлъ рыжаго парня совсѣмъ нечаянно, но очень больно: рыжій далъ ему сдачи, а Абрамка изо всей мочи полоснулъ его по головѣ. Рыжій взвизгнулъ и бросился вонъ изъ избы опрометью. На улицѣ онъ догналъ мужика, порицавшаго представленіе.

— Куда такъ бѣжишь? спросилъ мужикъ.

— Домой.... отвѣчалъ нетвердо рыжій.

— А что жь не смотрѣлъ?

— Абрамка побилъ....

Мужикъ покачалъ головою.

— Знамо, все дурости, такъ дурость и выходитъ, — произнесъ онъ наставительно.

А между тѣмъ въ избѣ Антона, на минуту прерванное, представленіе пошло опять своимъ порядкомъ.

Доложили *Тарасу Семенычу*, что пріѣхали чиновники изъ уѣзднаго города.... Но не станемъ передавать въ подробности, какъ *Тарасъ Семенычъ* принималъ гостей *дорогихъ*, какъ угощалъ ихъ всякимъ угощеніемъ, какъ устроивалъ съ ними разныя сдѣлки, и какъ наконецъ, подъ видомъ смиренія и по-

корности, надулъ самихъ же чиновниковъ: образчикъ грубаго юмора, можетъ быть, уже утомилъ нашихъ читателей.

Въ отрывистыхъ, несвязныхъ, но яркихъ картинахъ Абрамка перебралъ всю жизнь семейную, всю сельскую дѣятельность Тараса Семеныча. Зрители хохотали до-упаду. Въ этой веселости народной сказалась затаенная, общая нелюбовь къ головѣ Вороненкову. А Абрамка, замѣтивъ, что зрителей сильно потѣшаетъ его представленіе, такъ и лѣзъ изъ кожи.

Но Абрамка наконецъ усталъ и хотѣлъ уже кончить представленіе, но кончить соотвѣтственно принятой имъ на себя роли. Вотъ онъ низко-низко поклонился всему собранію и заговорилъ протяжно.

— Господа мои честные, пріятели дорогіе! захотѣлось ужь мнѣ на покой, такъ пойду я къ себѣ домой. А я вамъ оченно благодаренъ: живу, поживаю, что̀ твой баринъ! и ужь больно-больно сытъ, и кармашекъ, — слава тѣ Господи! — во̀ какъ набитъ....

Только-что вымолвилъ онъ слова эти, кто-то схватилъ его за плечо, давая знакъ замолчать: Абрамка, по невольному движенію, остановился и оглянулся, — а между тѣмъ въ избѣ настала мертвая тишина....Вдругъ, къ ужасу своему, онъ увидалъ настоящаго Тараса Семеныча, увидалъ его лукавое лицо, его безпрестанно движущуюся бо-

родку, его круглые, быстрые и злые глаза, густыя, дугообразныя брови, сѣдую, угловатую голову, съ низко-подрѣзанными на лбу волосами.

— А чтожь сталъ?...промолвилъ глухо, какъ будто сквозь сжатые зубы, Вороненковъ, старавшійся казаться спокойнымъ, между тѣмъ какъ глаза его такъ и горѣли. — Ну-тка опять!...А съизнова бы, Абрамъ Ѳедотычъ!... Да повесели же честной народъ...Ты вѣдь, какъ-есть, настоящій Балахиревъ!...

Но Абрамка, дрожа весь отъ страха, уже сорвалъ накладную бороду, палочку бросилъ и стаскивалъ съ себя синій кафтанъ. Нѣкоторые изъ зрителей какъ разъ замѣтили смущеніе и испугъ Абрамки; несмотря на присутствіе разгнѣваннаго головы, это начинало уже ихъ забавлять и они стали-было посмѣиваться полегоньку.

— Вишь, попался-таки!... смотри-ко-ся!... Абрамка-то... говорили въ толпѣ шопотомъ.

— Спасибо, Абрамъ Ѳедотычъ!... продолжалъ Вороненковъ, гнѣвъ котораго начиналъ пробираться наружу. — Спасибо!... Вотъ какъ при народѣ меня цыганишь!... Вишь ты: благо смѣются свиньи эвти разныя, — такъ ты, безстыжіе глаза... Чтожъ эвто, послѣдніе дни, что-ль, пришли?... Да вотъ я, братецъ ты мой, отучу тебя отъ эвтакаго наругательства!... А вы-то, твари поскудныя!... ахъ вы!... Но домамъ, сволочь эдакая!... вотъ я васъ!...

И весь народъ въ одно мгновеніе исчезъ изъ

избы, даже самъ хозяинъ, Антонъ кузнецъ, убѣжалъ. Голова съ старшиною, писаремъ и двумя десятскими да Абрамка одни остались на мѣстѣ.

Абрамка окончательно струсилъ. Онъ сталъ на колѣни и взмолился самымъ жалобнымъ голосомъ:

— Батюшка, Тарасъ Семенычъ!... простите!... Вотъ же ей-ей!... на семъ мѣстѣ провалиться!... напредки—николи не буду!.. Другу и недругу....

— А, знаю что напредки не будешь, возразилъ злобно голова: — я ужь тово.... стучу отъ озорничества, дай срокъ, совсѣмъ-таки раздѣлаюсь!... Что ты Прошкѣ Терехину племянникъ приходишься, такъ и обнадежился эвтимъ-то! Да нѣтъ, со бака! я, вѣдь, ни на кого не посмотрю.... Вишь, родъ вашъ ехидный!...

Затѣмъ онъ подозвалъ десятскихъ

— Возьмите-ка его, разбойника, сказалъ онъ имъ: — да посадите въ темную! Чорстваго хлѣба ему по ломтю утромъ и вечеромъ, да водицы .... Я-тѣ протрезвлю! Я, братъ, съ тобой справлюсь!... Воля-то у меня надъ вами не отнята!...

Подхватили десятскіе раба Божія Абрамку Суслова, скрутили ему руки назадъ такъ, что чуть костей не переломали, угостили его тутъ же добрыми пинками и треухами, да потомъ и втолкнули въ арестантскую при конторѣ, — темную, холодную, сырую и мрачную комнату. Три дня, три ночи прогостилъ въ арестантской бѣдный «Балахиревъ»,

и только на четвертые сутки былъ выпущенъ самимъ головою, который при этимъ вдоволь понатѣшился своимъ значеніемъ .... Абрамъ Сусловъ былъ не изъ храбраго десятка, угрозы Тараса Семеныча навели на него великій страхъ. Да и какъ было не струсить ему? Никто за него не заступился, даже самые близкіе родные.

Отецъ Абрама, узнавъ про арестъ его за такія проказы, не рѣшился самъ идти къ головѣ просить о сынѣ, а кинулся къ старику Терехину. Но Прокофій Григорьевъ и слышать не хотѣлъ о заступничествѣ за Абрама, да и отцу его наказалъ строго-на-строго — не ходить къ головѣ просить прощенія, ни въ контору спровѣдывать сына.

— Нѣту, Ѳедотъ, говорилъ онъ старику: — не моги и думать ходить: вѣдь Абрамка-то взаправду больно виноватъ; вишь, вздумалъ зубы скалить надъ мірскимъ дѣломъ!... Какой тутъ смѣхъ!... А пускай хорошенько проберутъ его голодъ, да холодъ; небось, не развалится, а можетъ, и поумнѣетъ на предки. Тебѣ, братъ Ѳедотъ, надо бы построже, а то малый-то непутевый выходитъ: испиваетъ частенько, дѣломъ неладно займается; ну, много-ль отъ него пользы для дому?... шутомъ на міру сталъ, а ужъ это послѣднее дѣло .... А къ головѣ зачѣмъ ходить! какой тамъ милости просить у него?... Не дастъ онъ разума Абрашкѣ, да и не уморитъ его

въ темной; на это воли у него нѣтъ: подержитъ-подержитъ, да самъ и выпуститъ ....

IV.

Съ годъ прошло послѣ этого происшествія, а къ концу того года пришелся рекрутскій наборъ. И вспомнилъ тогда, въ самую пору Тарасъ Семенычъ о дерзновенномъ зубоскальствѣ Абрамки Суслова, а особенно о томъ, что при такой большой винѣ, никто изъ родныхъ виноватаго, — не только дядя Терёхинъ, ни даже Ѳедотъ Сусловъ, «не покорились,» не пришли просить милости и прощенія.

Когда пришло время везти рекрутъ, голова Вороненко въ ловко распорядился, Разъ, поздно вечеромъ, собралъ онъ сходъ изъ самыхъ преданныхъ ему людей и составилъ приговоръ на отдачу въ военную службу, за порочное поведеніе, Абрама Ѳедотова Суслова. Затѣмъ въ ту же ночь, онъ приказалъ переловить на селѣ очередныхъ молодыхъ парней, передъ самымъ выѣздомъ лично захватилъ и Абрама — и тотчасъ же отправился въ губернскій городъ.

Ошеломленный Ѳедотъ Сусловъ, у котораго Абрамъ былъ единственный сынъ, прямо кинулся въ домъ Терехиныхъ, разбудилъ старика Прокофія и съ громкими рыданіями повалился ему въ ноги.

— Прокофій Григорьичъ! — говорилъ несчастный Ѳедотъ: — єпаси !... заступися !... Господи !... Абрамку въ некрута повезли !...

— Какъ !... когда ?... вскричалъ изумленный Прокофій.

— Ночью .... вотъ теперича взяли, — увезли ужь !... Самъ голова поѣхалъ.... что дѣлать.... Господи!.. что дѣлать то мнѣ?..

Между тѣмъ въ домѣ всѣ проснулись, кромѣ малыхъ дѣтей. Въ горницу. гдѣ Прокофій говорилъ съ Сусловымъ, прибѣжали Иванъ Терехинъ, жена его Алена и мать. Женщины, глядя на бѣднаго Ѳедота, горько плакали, а Иванъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ: его поразило это. первое на его глазахъ, семейное горе.

— Ну, ну !... молвилъ старикъ Прокофій, обращаясь къ семейнымъ своимъ. — Испужалися какъ !... головы потеряли !... Богъ не безъ милости !... А Иванъ-то ... эхъ, прости Господи !...

И, неговоря больше ни слова, старикъ надѣлъ полушубокъ, кинулся на дворъ и самъ проворно запрягъ лучшую лошадь. Потомъ вбѣжалъ въ избу м взялъ шапку и накинулъ тулупъ на плечи.

— Поѣдемъ.... сказалъ онъ отрывисто Ѳедоту.

Въ эту минуту Иванъ, тоже совсѣмъ одѣтый по дорожному, подошелъ къ отцу.

— Батюшка!... пролепеталъ онъ, задыхаясь отъ волненія: — меня возьми съ собою....

— Нѣту!... отвѣчалъ старикъ.

Иванъ въ какомъ-то отчаяніи опустилъ голову.

— Прокофій Григорьичъ, молвила Катерина: — онъ не помѣха тебѣ.... возьми и его....

Старикъ съ минуту подумалъ.

— Ну!... тихо вымолвилъ онъ и махнулъ рукой сыну, чтобы тотъ за нимъ слѣдовалъ.

И всѣ трое тотчасъ же отправились.

Прокофій самъ сталъ править и погналъ изо всей мочи свою сильную лошадь; верстахъ въ пяти отъ Байдарова настигли они цѣлый поѣздъ. Впереди, на тройкѣ, въ плотно-укрытой повозкѣ, ѣхалъ тихою рысцою Тарасъ Семенычъ съ волостнымъ писаремъ; за нимъ тянулись десять подводъ съ рекрутами и съ караульщиками при нихъ. Всѣ почти рекруты были скованы по ногамъ: большая часть изъ нихъ, какъ истые байдаровцы, народъ бывалый, привыкшій смолоду къ перемѣнамъ въ жизни, сидѣли въ саняхъ равнодушно, какъ ни въ чемъ не бывало; а четверо, успѣвшіе, передъ самымъ отправленіемъ въ путь, хлѣбнуть порядкомъ винца, пѣли во все горло какія-то пѣсни. Но нѣсколько человѣкъ, а въ томъ числѣ и Абрамъ Сусловъ, лежали ничкомъ въ саняхъ.

— Стой ребята!... громко крикнулъ поѣзду старикъ Терехинъ.

Весь поѣздъ остановился. Пробужденный внезапной остановкою отъ пріятной дремоты, Тарасъ Семенычъ выглянулъ изъ повозки.

— Что тамъ? спросилъ онъ.

Прокофій, приказавъ сыну держать лошадь, подошелъ съ Ѳедотомъ Сусловымъ къ повозкѣ Вороненкова. За нѣсколько шаговъ до повозки онъ раза два повторилъ Ѳедоту: «ты погоди... я стану.... поговорю...» Сильно кипѣло у старика на сердцѣ

— Тарасъ Семенычъ!... сказалъ онъ Вороненкову. — Ты зачѣмъ это взялъ?... зачѣмъ везешь вотъ и его сына?...

— А тебѣ что за дѣло? отвѣчалъ голова.

— Какъ, что за дѣло? продолжалъ Прокофій: — онъ родной племянникъ мнѣ!... Онъ — одинъ сынъ у отца!... Развѣ ты по закону везешь его теперича?..

— Ахъ ты, старый смутникъ, закричалъ грозно Вороненковъ: — да какъ ты посмѣлъ остановить меня?... Какъ смѣлъ-то?... Я дѣло вотъ исполняю, а ты, словно разбойникъ, останавливаешь середь дороги! .. Да я тебя...

— Ты на меня не кричи! возразилъ Терехинъ.— Пустыми-то рѣчами не запугаешь меня, — я тебѣ не кто другой. Дѣломъ ты сказывай: за чѣмъ взялъ Абрамку?...

— Вотъ такъ, я и скажу тебѣ!.. какъ бы не

такъ!... Отколь эвто указъ ты мнѣ привезъ?... Аль тебя въ начальники надо мной поставили, что посмѣлъ такъ-то допрашивать?...

— Нѣту, я не начальникъ тебѣ.... Богъ съ тобой, ты начальствуй.... Да вѣдь всякой, кажись, можетъ и должóнъ спрашивать: за что и куда его сына берутъ.... по закону, аль не по закону?...

— Ахъ ты, разбойникъ!... Прислушай, ребята: вотъ онъ каковъ есть озорникъ!... Ну, братецъ ты мой! справлюсь я и съ тобою теперича!... Отъ начальства отвѣта сталъ требовать!... Дай срокъ!.. Много ужь я терпѣлъ отъ тебя, стараго чорта!...

— Не смѣй ты называть такъ меня! перервалъ гнѣвный Прокофій: — не смѣй, воръ, міроѣдъ, приказный прихвостень!... Я не старый чортъ, а человѣкъ старый — ликъ Божій на мнѣ есть!... Не смѣй!... А теперича я тебѣ дѣломъ сказываю: отпусти сей-часъ Абрамку!...

— Батюшка! Тарасъ Семенычъ! отецъ родной! завопилъ Ѳедотъ Сусловъ, бросаясь на колѣни передъ повозкой. — Не погуби до конца!... Одинъ сынъ и есть у меня! Что хошь со мной дѣлай!... У Абрамки ребятишки махонькіе!... Батюшка!... смилуйся!...

Но Вороненковъ и слушать не хотѣлъ жалостныхъ рѣчей старика Суслова. Воспользовавшись тѣмъ, что Прокофій Терехинъ замолчалъ, онъ предался неистовой ярости и заругался во всю мочь.

Когда наконецъ изсякъ потокъ его мерзкихъ словъ, Терехинъ сказалъ ему:

— Слушай же ты, песъ-міроѣдъ!... Отселева — недругъ ты мнѣ заклятой и я тебѣ недругъ!... Вотъ сначала людской судъ насъ разсудитъ, а тамъ — вѣдь не долго намъ ждать — придетъ и судъ Божій!.. Думалъ я, грѣшникъ... суди-жь меня Господь.... не хотѣлъ все я взяться за мірскую правду, а теперича, — вотъ тебѣ Христосъ!... возьмуся!...

— Вишь, чѣмъ угрозилъ! злобно сказалъ Вороненковъ. — Я, братъ, не-токма-что... и до твоего сынка, пожалуй, доберуся!... Воля-то есть у меня!... А тебѣ, смутнику, старому дураку, найду мѣсто, — дай срокъ!... Трогай, ребята!

И поѣздъ тронулся полегоньку.

— Не попуститъ тебя Богъ долго злыя дѣла дѣлать! тихо промолвилъ старикъ Терёхинъ, глядя вслѣдъ удалявшимся подводамъ. — Господи! грѣшилъ я, видѣлъ все и не хотѣлъ... Господи! пришелъ часъ воли Твоей!

Потомъ отдалъ онъ свою лошадь Ѳедоту Суслову, чтобы тотъ ѣхалъ въ городъ и просилъ бы чиновниковъ о помилованіи сына.

— Можетъ, и сжалятся... сказалъ онъ съ горькою усмѣшкой.

Несчастный Сусловъ тотчасъ же отправился, а Терёхины пошли домой.

Понуривъ голову, Прокофій шелъ то тихо, то

скоро. Изрѣдка глубокій вздохъ, словно подавляемый стонъ, вылеталъ изъ его широкой груди. Рядомъ съ нимъ шелъ сынъ его, безпрестанно спотыкаясь отъ мѣсившагося подъ ногами снѣга и не отводя глазъ отъ поникшей головы отца. Въ этой старой головѣ кипѣли тогда печальныя мысли. Видѣлъ Иванъ, что отецъ его трудную думу думаетъ, никогда прежде не замѣчалъ онъ въ немъ такого разстройства, такой печали — и замирало сердце у молодаго парня. Раза два прошенталъ Прокофій какія-то короткія слова, но сынъ не могъ разобрать ихъ.

Глухая ночь стояла еще надъ окрестностью. Темныя облака висѣли сплошною массой на небѣ. Порывистый вѣтеръ, запѣвая иной разъ тоскливую пѣсню, подгонялъ нашихъ путниковъ. Легкая метелица вздымала въ полѣ рыхлый снѣгъ и гнала его по сторонамъ проселочной дороги.

Скоро Терёхины стали подходить къ Байдарову, уже глухо доносился до нихъ крикъ пѣтуховъ на селѣ. Кое-гдѣ прорѣдѣла наконецъ темь ночная, а въ самомъ, верху неба тускло проглянули звѣзды — и вѣтеръ сталъ утихать. Еще съ четверть версты прошли Терёхины и, въ видѣ темной полосы на краю горизонта, показалось передъ ними родное селеніе. Видно было, что Байдарово стало уже просыпаться; въ иныхъ мѣстахъ поднимались надъ нимъ столбы изкрасна-голубоватаго дыма, а въ

одной изъ церквей раздавался рѣдкій благовѣстъ къ заутрени.

Старикъ Терёхинъ остановился и снялъ шапку. Нѣсколько мгновеній простоялъ онъ неподвижно, съ опущенной низко головою.

— Мой это грѣхъ!... мой грѣхъ великій!... произнесъ онъ наконецъ вполголоса, прижимая крѣпко къ груди правую руку.

Слова эти заставили вздрогнуть Ивана, но еще больше смутился онъ духомъ, когда увидалъ, что отецъ его, никогда при немъ не плакавшій, отираетъ слезы.

— Батюшка! осмѣлился промолвить Иванъ: — а батюшка!... можетъ, и не отдадутъ его...

— Не о томъ... оставь... отвѣчалъ тихо старикъ. Потомъ онъ набожно перекрестился три раза и сказалъ, какъ бы про себя: — авось... и мнѣ, грѣшнику, Господь, поможетъ!...

V.

Когда Прокофій возвратился домой, Катерина, увидавъ только его да сына, залилась горькими слезами, а жена Абрама Суслова, тутъ же бывшая съ дѣтьми своими, заголосила, какъ о покойникѣ.

Имъ вторила, плача на-взрыдъ, жена Ивана Терехина; дѣти Абрамкины и Ивановы, глядя на старшихъ, тоже плакали. Этотъ взрывъ общей горести произвелъ страшное впечатлѣніе на душу старика, сильно потрясенную не столько гнѣвомъ противъ Вороненкова и жалостью къ участи племянника, сколько одною тяжкою думою, которая подавляла всѣ его мысли и чувства. Прокофій не могъ удержаться и тоже заплакалъ, какъ никогда въ жизнь не плакалъ. На нѣсколько минутъ тоска одолѣла его — онъ не находилъ себѣ мѣста: то вставалъ съ лавки и ходилъ по горницѣ, то садился опять, то подходилъ къ Катеринѣ или женѣ Абрама и какъ бы хотѣлъ сказать имъ что-то, то становился насупротивъ образовъ, словно собирался молиться. А сынъ его сидѣлъ, прислонясь къ стѣнѣ, и не плакалъ, но его била лихорадка, и потревожному взору его, безсознательно слѣдившему за движеніями отца, по его блѣдному лицу, на которомъ чрезвычайно рѣзко выражался глубокій ужасъ, можно было замѣтить, что душа его чуть ли не больше всѣхъ потрясена.

Наконецъ старикъ Терехинъ какъ бы опомнился и возобладалъ надъ движеніями души своей. Онъ нѣсколько разъ поклонился въ землю передъ образами, шепча молитвенныя слова; за нимъ помолились и всѣ. Переставъ молиться, Прокофій сказалъ женѣ своей:

— Воля Божья, Катерина!... Попускаетъ Онъ злодѣю, — знать, наказать насъ хочетъ, вѣру нашу испытать....

Катерина перекрестилась.

— Гдѣ жь Ѳедотъ-то? спросила она.

— Въ городъ поѣхалъ... я лошадь далъ.... Нельзя жс — проводитъ сына.

— Можетъ, упроситъ судей праведныхъ... молвила робко Катерина.

— Нѣту, отвѣчалъ Прокофій: — нечего тутъ надѣяться, — голова настоитъ на своемъ. Не минуетъ Абрамка солдатства.

Жена Абрамкина опять заголосила.

— Ну, перестань же! строго прикрикнулъ на нее старикъ: — вѣдь слезами тутъ не поможешь. Молися Богу лучше! Есть у васъ родные, — воть хоть бы мы, — не покинемъ же васъ всѣхъ.

Но жена Абрамова не переставала рыдать и причитать. Наконецъ Прокофій велѣлъ Ивану и работнику отвести ее домой, а Катеринѣ сказалъ, чтобы она шла съ ними же да присмотрѣла за бѣдной женщиной.

Когда ушли они, онъ сталъ собираться ѣхать въ рощу. Въ это время онъ такъ уже владѣлъ собою, что на лицѣ его не осталось никакихъ слѣдовъ недавней тревожной печали, только взглядъ его темносѣрыхъ глазъ сталъ тусклъ и суровѣе обыкновеннаго.

Однако же не удалось Прокофью тотчасъ выѣхать изъ дому. Лишь только взялся онъ за шапку, какъ въ горницу къ нему стали набираться сосѣди, уже провѣдавшіе о ночной поѣздкѣ Терехиныхъ и Суслова въ погонь за головою. Сосѣдскія бабы стали перешептываться съ Аленой, а мужики обратились къ Прокофью.

— Да что такое приключилося? спрашивали они. — За что жъ эвто повезли въ некрута Абрама Суслова?

— А спросили бы вы у стараго бѣса — прости Господи — у Тараса Вороненкова! отвѣчалъ гнѣвно старикъ.

— Гдѣ-жь его спрашивать теперича? возразилъ Антипъ Ишутинъ, мужикъ простой и болтливый: — вишь, голова-то уѣхалъ; чай, дня четыре, аль и больше, проѣздитъ. Ты-то, Прокофій Григорьичъ, должонъ знать; слышно, ты догонялъ его.

— Да, догонялъ и догналъ, да и сказалъ ему, что онъ воръ, міроѣдъ, старой песъ эдакой!...

— Какъ-таки! вскрикнули двое изъ сосѣдей, а на лицахъ прочихъ выразилось величайшее изумленіе.

— Да такъ! возразилъ Терехинъ. — А что жь?... Не побоюсь я сказать правду!... Вишь, онъ, злодѣй, коли захочетъ, — надъ всякимъ измывается! Вѣдь Абрамка-то Сусловъ одинъ сынъ у отца!...

— Слышалъ я, братцы, сказалъ Ишутинъ: — что вчера ночью голова приговоръ сдѣлалъ, чтобы, то

есть, отдать Абрама за порочность.... Эхъ! отца-то больно жаль!...

— Приговоръ сдѣлалъ! молвилъ съ презрѣніемъ Прокофій. — Ну, да знамо дѣло, этотъ приказный прихвостень все на приказную стать обдѣлалъ!... Да что́, — развѣ по одной некрутчинѣ неправда? развѣ это одно? Вотъ хоть бы поборы, оброки какіе!... А отъ него все это!...

— Оно, знамо, тяжелѣй стало супротивъ прежняго-то, заговорили нѣкоторые.

— Да вы поглядите-ко только, продолжалъ Прокофій: — вѣдь онъ и не скрывается: какой домина поставилъ! какую фабрику завелъ!... А чѣмъ такимъ торговалъ — расторговался? На чьи все это денежки?... На мірскія, братцы, на наши кровныя! А, чай, помните вы, какъ онѣ достаются? Сколько верстъ исходятъ наши ребята, чтобъ только работу найти.... не одинъ денёкъ гнутъ они спину за работой-то.... А въ чью добычу потовая работа достается? Тарасу Семенычу Вороненкову она дома строитъ, фабрики заводитъ! Тараса Семеныча она въ лисьи шубы рядитъ, сытной ѣдою, сладкимъ питьемъ угощаетъ, бариномъ нашимъ дѣлаетъ!... Эхъ, за свои же денежки какое лихо мы себѣ купили!... Вотъ теперича мы и вольные стали!... Да развѣ это свобода?...

— Воля Божья! промолвилъ старикъ Ефимъ Моргунцовъ, а прочіе тяжело вздохнули.

— Нѣту, братцы! возразилъ Терехинъ: — не Божья воля, — это паша воля глупая!... Словно мы робятишки махонькіе!... Учесть его не умѣемъ!

Сказавъ эти слова, Прокофій сталъ поглядывать на собесѣдниковъ своихъ пытливо и съ видимымъ безпокойствомъ. На лицахъ ихъ всѣхъ тоже выразилась тревога. Съ минуту всѣ молчали; наконецъ Алексѣй Деминъ, человѣкъ праву безпокойнаго и сварливаго, сказалъ Терехину:

— Да ты, Прокофій Григорьичъ, что жь прежде его не учитывалъ?... Бывало, и на сходы николи не придешь.... А теперича вотъ подбиваешь!...

— Грѣшенъ я, печально отвѣчалъ смущенный старикъ: — грѣшенъ передъ Господомъ Богомъ, передъ добрыми людьми, передъ всѣмъ міромъ православнымъ!... И слезно каюся!... Думалъ я, что мнѣ одному не подобаетъ вести дѣло мірское.... Да чего... больше я грѣшенъ: думалъ я, какъ бы только поспокойнѣй прожить....

— Вишь ты когда образумился! молвилъ Деминъ съ укоризною. — Вотъ, какъ куснулъ онъ тебя самого, ты эвто и сталъ заговаривать про мірское дѣло.

— И то правда, отозвались нѣкоторые.

— И я скажу; правда! отвѣчалъ Прокофій. — Упрекайте меня, братцы, по-дѣломъ мнѣ! Вотъ за то, что я позабыть хотѣлъ про мірскую обиду, и меня задѣлъ злодѣй мірской. Только твердо вамъ

говорю: я-то опомнился, въ разумъ пришелъ! Не позабудьте же рѣчей моихъ: за мірское дѣло надо стоять дружно, такъ Богъ велитъ! Надо стоять, живота не жалѣючи!... И какъ вы тамъ хотите, а я за міръ потягаюсь съ Тарасомъ Вороненковымъ. Дѣло порѣшеное, и я на все готовъ!...

— А никакъ ужь напрасно, Прокофій Григорьичъ!... сказалъ опять Деминъ какъ-то насмѣшливо.

Опустивъ голову, прочіе собесѣдники молча и задумчиво смотрѣли въ землю. Старикъ поглядѣлъ на всѣхъ, покачалъ слегка головою и тихо промолвилъ:

— Что жь, братцы! не замай, — вы въ сторонѣ, я и одинъ — помоги Господи — дѣло начну....

Въ эту минуту отворилась дверь и вошелъ Иванъ Терехинъ. Увидавъ его, Прокофій вдругъ замолчалъ, провелъ рукой по лбу и сказалъ сосѣдямъ:

— Прощайте покуда, а мнѣ вотъ надо съѣздить въ рощу.

— Такъ какъ же ты съ головою-то? спросилъ Антипъ Ишутинъ.

— Ну, что̀ тутъ еще калякать! возразилъ сурово Прокофій: — мнѣ вотъ ѣхать пора.

Минуты съ двѣ сосѣди побыли еще тутъ, а потомъ молча стали расходиться одинъ за другимъ.

Старикъ Терехинъ наскоро собрался въ недальнюю дорогу. Передъ тѣмъ, какъ садиться въ сани, онъ отвелъ сына въ сторону и сказалъ ему:

— Ты, малый, смотри у меня, — ничего не болтай, не въ свое дѣло не суйся.

— О чемъ это, батюшка? спросилъ Иванъ.

— А объ Абрамкѣ. Помни: дѣло твое тутъ, какъ есть, сторона. Станутъ тебя спрашивать, коротенько отвѣчай: повезли, молъ, въ солдаты — да и только. А про что́ говорилъ я съ головою, ничего не моги сказать. Ты тутъ не суйся, говорю.

— А если.... началъ-было Иванъ.

— Ну, что тамъ! перервалъ сердито старикъ. — Наказалъ я тебѣ — и держи крѣпко, что́ наказано. Теперича еще слушай: коли что́ я начну, ты ни во что́ не входи, не говори ни съ кѣмъ да и мнѣ не разказывай, что́ услышишь, никакихъ рѣчей не переноси. Было бъ тебѣ напередъ сказано.... Знаешь ты меня, аль нѣтъ?... Что́ я задумалъ — и одинъ сдѣлаю, а ты мнѣ въ помощь не годишься; пожалуй, помѣхою только будешь.

При послѣднихъ словахъ Иванъ видимо опечалился.

— Сокрушаться не о чемъ, молвилъ старикъ тихо и ласково: — я вѣдь потому такъ говорю, что ты еще въ силу не вошелъ, никакихъ дѣлъ не знаешь; знамо, изъ моей руки все смотрѣлъ, да и правъ-то у тебя невыносливый для труднаго дѣла....

Старикъ посмотрѣлъ еще нѣсколько на сына, тряхнулъ потомъ головою, какъ бы въ подтвержденіе мысли своей о неспособности его участвовать въ

трудномъ предпріятіи, и наконецъ, посадивъ къ себѣ въ сани любимаго своего внучка Гришу, отправился въ рощу.

Всю дорогу дума его вертѣлась или на томъ, что надо непремѣнно и какъ можно скорѣе начать дѣло обо всѣхъ неправдахъ Вороненкова, или на томъ, что всячески не должно допускать Ивана до какого-нибудь участія въ дѣлѣ.

«Гдѣ же ему? силы нѣтъ такой!...» разсуждалъ онъ о сынѣ своемъ. «Бѣды только наживетъ даромъ. Мнѣ ужь немного вѣку осталось, — передъ концомъ послужу міру вѣрою и правдою, а Ивану что накликать на себя злобу Вороненкова?»

Между тѣмъ какъ занимали его такія мысли, онъ уже не правилъ лошадью, и она брела черезчуръ медленно и неровной поступью.

— Дѣдушка! а дѣдушка! сказалъ Гриша, заглядывая въ глаза дѣду. — Дай-ко мнѣ возжи-то.

— А на что тебѣ? спросилъ старикъ, словно очнувшись.

— Да ты не правишь, думаешь все.... отвѣчалъ мальчикъ, улыбаясь.

— Вишь ты! молвилъ Прокофій, тоже улыбнувшись.—Вотъ такъ ты и замѣтилъ, что я все думаю?

— А какъ же! возразилъ ребенокъ: — я вѣдь вижу, что думаешь, больно-много думаешь....

Старикъ отдалъ ему возжи, ласково посмотрѣлъ на него и подумалъ: «будетъ прокъ въ маломъ!...

Эхъ, кабы Ванюша такой былъ!... А то скоро умру, ктожь тогда за міръ-то постоитъ?» И съ новой печалью старикъ опустилъ голову.

Прокофій пробылъ до вечера въ рощѣ, гдѣ у него была выстроена изба. Дѣлами своими по лѣсному промыслу онъ занялся усердно; неторопясь и внимательно осмотрѣлъ срубленный лѣсъ, приготовленный для разныхъ подѣлокъ; неторопливо же и спокойно распорядился на счетъ дальнѣйшихъ работъ. Только съ работниками онъ былъ неразговорчивъ: при всѣхъ этихъ занятіяхъ въ рощѣ мысль его была теперь далеко — онъ все думалъ о томъ, какъ и съ чего именно начать дѣло съ Вороненковымъ.

«Помощи отъ міру нечего ждать, разсуждалъ онъ самъ съ собою: — одному, какъ есть, придется. Изъ воли Вороненкова ни за что не выдутъ. Поздно я за умъ хватился.... Можетъ, свѣкуетъ онъ головою, можетъ пропаду изъ-за-напрасна.... Трудно ужь теперь дѣло-то начать! Вездѣ есть неправды Тарасовы, — а какъ доказать на него? А и то: пусть будетъ воля Божія! Сказалъ я Вороненкову, что разсужусь съ нимъ сначала судомъ людскимъ — и не отстану-таки отъ слова. Немного мнѣ жить осталось, надо для души потрудиться»....

Къ ночи Прокофій воротился домой. Послѣ ужина, Катерина подошла къ нему и сказала:

— Прокофій Григорьичъ, не прогнѣвись на меня, а я опять хочу поспрошать на счетъ Абрама-то....

— А что́ нужно?

— Неужли-таки отдадутъ его въ солдаты? Можетъ, голова постращать его хочетъ.

— Вишь ты! По твоему, шутки шутить онъ вздумалъ. Нѣтъ, порѣшилъ онъ дѣло не въ шутку.... А я тебѣ вотъ что́ скажу: изъ-за насъ угодилъ Абрамка въ солдаты. Не досталъ Вороненковъ по коню, такъ изначала по оглоблямъ ударилъ!...

— А начальники-то.... одинъ сынъ у отца!... ужли не смилуются?... промолвила со слезами Катерина.

— Вѣдь ужь я сказалъ давича: нечего тутъ надѣяться. Голова настоитъ на своемъ.... Злому завсегда много зла надобно.

Катерина еще больше заплакала.

— А ложись-ко спать, сказалъ старикъ: — что горевать-то? Баба ты набожная, молись больше... поднимаетъ молитва погибающихъ со дна морскаго!

— Какъ бы и намъ теперича... прошептала чуть слышно Катерина.

— А что́ намъ? сурово возразилъ старикъ: — воли Божьей не минуешь. На семъ свѣтѣ зачастую и неправда верхъ беретъ... Говорю тебѣ — молися.

На другой день старикъ Терехинъ съѣздилъ въ Суходолъ и перепродалъ знакомому купцу довольно выгодно свою рощу, да кромѣ того сбылъ за

хорошія деньги весь почти кожевенный товаръ, заготовленный у него въ заведеніи. Послѣ этихъ распоряженій онъ сталъ гораздо спокойнѣе духомъ.

«Ну», думалъ онъ, «что бы теперича ни случилось, а Ивану и всей семьѣ будетъ, чѣмъ вѣкъ прожить, коли Господь грѣхамъ потерпитъ».

Въ слѣдующіе дни онъ сталъ собирать свѣдѣнія объ обидахъ, сдѣланныхъ Вороненковымъ, какъ всему міру, такъ и разнымъ лицамъ изъ байдаровцевъ. Но неохотно проговаривались обиженные.

— Да на что тебѣ, Прокофій Григорьичъ? отвѣчали они на его распросы. — Вѣдь ужь эвто давно было. Мы и тогда не жаловались. Гдѣ ужь тутъ!.. Какъ бы еще чего дурнаго не вышло!

А Прокофій, кромѣ собиранія свѣдѣній объ обидахъ, добивался еще и того, чтобы возбудить рѣчами своими хоть въ нѣкоторыхъ крестьянахъ, если не желаніе участвовать вмѣстѣ съ нимъ, въ борьбѣ съ Вороненковымъ, такъ сознаніе вредности дѣйствій его для міра. Но и въ послѣднемъ старикъ не успѣлъ: надо было раньше приниматься за дѣло.

— Оно, тово... Прокофій Григорьичъ, говорили въ отвѣтъ на его жаркія рѣчи міряне байдаровскіе: — оно, знамо, нашъ хлѣбъ онъ ѣсть-то... и съ чиновниками ужь больно снюхался... Да можетъ, и надобно такъ-то, можетъ покуда безпремѣнно надобно...

А были и такіе, которые еще хуже принимали рѣчи старика Терехина.

— Намъ-то что̀ за дѣло? проговаривали они. — Вишь, вы оба богачи: ну, и какъ тамъ хотите!.. Тягайтесь промежь себя, а намъ зачѣмъ приставать?..

Но Прокофій, несмотря ни на что̀, остался при своемъ твердомъ намѣреніи. Одно только смущало его нѣсколько; не зналъ онъ, съ чего начать дѣло, а посовѣтоваться съ приказными людьми ему очень не хотѣлось.

— Ужь такой народъ, думалъ онъ о нихъ: — міроѣды настоящіе!.. Воронъ ворону глазъ не выклюетъ,—пожалуй, продадутъ меня. А все, должно быть, безъ нихъ не обойдешься...

Прошло такимъ образомъ дня четыре, а Вороненковъ все еще не возвращался. Прокофій выжидалъ его пріѣзда, чтобы, узнавъ окончательно объ участи Абрама Суслова, тотчасъ потомъ ѣхать въ городъ поискать дѣловаго, вѣрнаго человѣка, который написалъ бы прошеніе обо всѣхъ злыхъ дѣлахъ Тараса Семеныча.

Между тѣмъ Катерина узнала изъ толковъ на селѣ, что мужъ ея затѣваетъ дѣло съ головою. Это намѣреніе испугало чрезвычайно бѣдную женщину.

— Прокофій Григорьичъ, разъсказала она: — слышала я... населѣ проговаривали...

— А что? спросилъ старикъ: — объ Абрамкѣ чтоль?

— Нѣтъ, отвѣчала Катерина: — сказываютъ, что ты съ головой хочешь потягаться...

— Правду сказываютъ. Ну, такъ чтожь ты?

— Оставь... ради Господа...

— Перестань пустое болтать!.. Крѣпко-на-крѣпко задумалъ я это дѣло...

— Охъ, горя-то сколько!.. Вороненковъ съ земскими... бѣда будетъ...

Старуха горько заплакала.

— Перестань же, говорю, — молвилъ Прокофій: — ты вотъ лучше послушай, что̀ скажу....

Когда Катерина нѣсколько поуспокоилась, онъ продолжалъ:

— Ты мнѣ и не моги впередъ отговарить: дѣло это совсѣмъ порѣшеное! А вотъ что̀, помни хорошенько: неровно, дѣла я не покончу и Господь приберетъ меня, — ты не допускай Ивана тягаться: ему не подъ силу будетъ... Прикажи ему въ купцы выписаться въ Суходолъ, пускай непремѣнно выпишется, какихъ бы денегъ ни стоило. Я и самъ ему скажу, коли Господь память передъ концомъ не отыметъ; да все лучше, чтобъ и ты спозаранку знала. Помни же, Катерина...

Она хотѣла было что-то отвѣчать, но рыданія подорвали ея рѣчь.

— Эхъ-ма!.. сказалъ старикъ: — вотъ онѣ, бабы-то, каковы! Ты имъ дѣло говоришь, а онѣ все свое... Ступай-ко ты спать, а мнѣ пора на покой.

VI.

Наконецъ голова возвратился изъ губернскаго города. Абрама Суслова онъ сдалъ-таки въ рекруты, несмотря на усильныя хлопоты и непрестанныя мольбы отца его. Ѳедотъ Сусловъ разжалобилъ-было даже чиновниковъ, но не умилостивилъ Тараса Семеныча, который настоялъ на своемъ, съумѣлъ и смогъ уничтожить въ самомъ началѣ чиновническое сердоболіе,—и Абрамъ былъ отданъ въ солдаты «для примѣра» всѣмъ, кто бы вздумалъ возстать противъ значенія головы Вороненкова въ міру байдаровскомъ. Горесть старика Ѳедота была неописанна: въ нѣсколько дней онъ постарѣлъ многими годами.

Съ тяжелымъ чувствомъ узнали въ Байдаровѣ про участь Абрама: всѣ были поражены не столько сознаніемъ несправедливости этого дѣла, сколько сожалѣніемъ къ старику Суслову и къ семьѣ Абрама, а особенно немилосердіемъ головы. Впро-

чемъ, головѣ нечего было опасаться этого чувства въ народѣ: оно не возбуждало противъ него оппозицію, а только еще болѣе усиливало страхъ къ нему.

Тотчасъ же по возвращеніи своемъ, Тарасъ Семенычъ узналъ отъ преданныхъ ему людей о рѣчахъ и замыслахъ Прокофья Терехина.

— Вишь, старый чортъ! говорилъ онъ своимъ пріятелямъ: — все неймется ему! Мало того: на дорогѣ онамеднись остановилъ и обругалъ, собака, да еще тягаться вздумалъ!... Я было хотѣлъ такъ оставить, старый онъ больно человѣкъ, изъ ума выжилъ, а онъ самъ-таки лѣзетъ.... Да вотъ погоди! даромъ-что много у него денегъ, — пособью ему рога!...

Вороненковъ, ни мало не медля, отправился въ уѣздный городъ къ окружному начальнику, съ жалобами на Терехина....

— Вы ужь, ваше высокоблагородіе, закончилъ онъ разказъ свой о замыслахъ Терехина: — вы ужь заставьте вѣчно за себя Бога молить, не попустите злодѣю моему, — погибели моей, какъ есть, ищетъ! Я все ему прощалъ, чего-чего не терпѣлъ, а теперича вотъ мочи моей не стало.... Ваше высокоблагородіе! я вѣдь вѣрный слуга вашей милости, а онъ, разбойникъ, знать никого не хочетъ... Знамо, старикъ — своевольникъ, дуроломъ, на карманъ больно надѣется.... А вотъ, богатъ-богатъ, да

пользы отъ него нѣтъ ни нагрошъ: «за что, говоритъ, я давать буду? я все по закону....» Ужь коли такіе законники, то есть, смутьяны, озорники разведутся у насъ на селѣ, нетокмà-что дѣлами, управлять, и жить-то нельзя будетъ!... Нонѣ съ меня начнетъ злодѣй эдакой, а тамъ мало ль до кого доберется....

Окружной, Михайло Силуянычъ Рыкайловъ, какъ разъ вошелъ во всѣ виды Вороненкова. По просьбѣ его, онъ обѣщалъ на дняхъ же отправиться въ Байдарово, чтобы въ самомъ началѣ прекратить затѣи Терехина:

— Будь покоенъ, голова, сказалъ онъ:— я уйму стараго бездѣльника. Спасибо, что во́-время предупредилъ: ты, братъ, право, дѣльный человѣкъ.... Да, зло надо прекращать въ началѣ. Вотъ дай-ка волю такому негодяю, а онъ начнетъ міромъ мутить, а онъ начнетъ доносы писать!... Не оберешься тогда мерзкихъ дѣлъ, а начальству-то какое будетъ безпокойство! Нѣтъ, братъ, я-то ужь не люблю потакать: у меня всегда расправа короткая, таковъ мой характеръ! Меня по этой статьѣ и начальство знаетъ съ отличной стороны.

Окружной этотъ былъ одаренъ отъ природы мощными средствами для «короткой расправы.» Его широкія плечи, огромные кулаки, густой басъ, мрачный взглядъ изподлобья, умѣнье браниться неистово внушали во всѣхъ его подчиненныхъ величайшее

къ нему уваженіе. Способности нашего окружнаго, «прошедшаго, по его собственному выраженію, — огнь и воду» и перемѣнившаго на своемъ вѣку много всякихъ должностей, были замѣчены съ хорошей стороны: никогда не случалось ему долго хлопотать въ отыскиваніи себѣ мѣста. Вообще этотъ господинъ былъ крупнаго разбора. Крестьяне Суходольскаго округа, когда его назначили къ нимъ, съ перваго же взгляду оцѣнили по своему его качества.

— Вишь, онъ какой «тѣльный!» — говорили они промежь себя. — Важный начальникъ будетъ .... У него, ребята, держи ухо востро !...»

И точно надо было держать ухо востро. Михайло Силуянычъ былъ изъ военныхъ и администрація его имѣла особенный характеръ ....

Между тѣмъ какъ гроза начальническаго гнѣва собиралась надъ старой головою Прокофья Терёхина, онъ разнемогся-было не-на-шутку, а потому и отложилъ свою поѣздку въ городъ, для написанія просьбы. Впрочемъ черезъ нѣсколько дней ему полегчило, и онъ опять началъ собираться въ путь; — но вдругъ, однажды вечеромъ, явился къ нему десятскій, съ приказаніемъ немедленно идти въ волостное правленіе къ господину окружному.

— Зачѣмъ зовутъ тебя?... съ безпокойствомъ стала спрашивать Катерина.

— А кто-жь его знаетъ!... отвѣчалъ Прокофій.— Можетъ, Вороненковъ что ни-на-есть затѣялъ.

— Ты бы не ходилъ туда: вишь, тебѣ еще не можется.

— Нѣтъ, я пойду, молвилъ старикъ задумчиво:— лучше пойдти, узнаю тамъ.... А и то: коли не пойдти, скажутъ: «ослушàется»... Да я вѣдь и въ силахъ теперича дотащиться.

Строго запретивъ сыну провожать себя, онъ отправился, — и видимо черезъ силу. Путь былъ неблизкій: волостное правленіе находилось отъ его дома слишкомъ въ верстѣ. На дворѣ было холодно и темно, рѣзкій вѣтеръ дулъ прямо въ лицо Терехину, и, опираясь на толстую палку, онъ брелъ очень медленно. Но ожидали его, видно, съ крайнимъ нетерпѣніемъ: не прошелъ онъ еще и половины разстоянія, какъ повстрѣчался съ нимъ шибкобѣжавшій другой десятскій.

— Прокофій Григорьичъ, скорѣе!... скорѣе ступай!... кричалъ онъ ему еще за нѣсколько шаговъ:— все тебя спрашиваетъ....

— Что́ больно скоро понадобилось? — отвѣчалъ Терехинъ, не прибавляя шагу.

— Экой ты! говорю, требуетъ!.., въ зашей меня прогналъ за тобою,—погами инда затопалъ !... Ужь и больно осерчалъ !...

— Да кто? кто?... сказывай порядкомъ.

— А Михайло Силуянычь, окружной-то....

— Вишь ты!... а про что такъ осерчалъ?

— Голова, Тарасъ Семенычъ все ему про тебя,— ужъ и больно много говорилъ!... Такъ все сказывалъ: ослушникъ, молъ, озорникъ... А пріѣхалъ окружной вотъ въ сумерки,— прибавилъ, совсѣмъ некстати, десятскій.

— Пускай наговариваетъ, молвилъ старикъ: — мнѣ чего бояться? Я по правдѣ иду.

Въ эту минуту повстрѣчались съ Терехинымъ еще двое посланныхъ: разсыльный окружнаго начальника, пожилой, видный солдатъ, да сельскій писарь, малый молодой, съ лисьимъ рыльцемъ.

— Скорѣе !... кричалъ въ большихъ попыхахъ усердный писарь. — Изъ-за тебя брань принимать!... Вишь, тащится!...

Но старикъ, вмѣсто того, чтобы поспѣшить, остановился.

— Скорѣе !... повторилъ онъ. — Погляжу вотъ, малый ты какой прыткій. А я и такъ замаялся: — вѣтеръ больно насупротивъ,— надо и духъ перевести.

— Да чтожь ты эвто ослушаешься? — закричалъ писарь: — вѣдь, чай, окружной требуетъ-то!... Ты, братъ....

— Ну, нѣтъ! — возразилъ спокойно старикъ, все еще стоя: — я тебѣ не братъ, да и вовсе родней ты мнѣ не приходишься. Да и про ослушаніе лаешь

ты съ-дуру; говорю — замаялся, вишь я усталъ, я вѣдь старикъ старой.

Писаришка очень разгнѣвался.

— Мнѣ окружной приказалъ, заоралъ онъ. — Десятскіе! чего смотрите? Бери его подъ руки, тащи волокомъ!...

— Ну ты! — промолвилъ сурово разсыльный. — Ужь больно разходился!... Старичина и самъ пойдетъ.

— Спасибо, — сказалъ Терехинъ: — знамо, я самъ пойду.... А вотъ и отдохнулъ я маненько, — теперича и поплетусь поколь мочи моей хватитъ.

Въ сопровожденіи четырехъ посланныхъ, онъ дотащился полегоньку до волостнаго правленія, и наконецъ вошелъ въ это мѣсто суда и расправы.

Горница была ярко освѣщена: на большомъ столѣ, горѣли двѣ стеариновыя свѣчи, а на другомъ столѣ, въ глубинѣ горницы, и на лежанкѣ у входа пылало съ полдюжины свѣчъ сальныхъ. На лежанкѣ же громко кипѣлъ огромный самоваръ; тутъ былъ и весь чайный приборъ; а въ тѣни отъ самовара скромно жалась къ стѣнкѣ только-что початая бутылка рома. Какъ хозяинъ угощенія, Вороненковъ держался возлѣ лежанки и стоялъ въ почтительномъ положеніи понимающаго свой долгъ подчиненнаго; позади его находился полный стаканъ пуншу, налитый съ начальническаго дозволенія; но онъ не притрогивался еще къ нему, ради

приличія. По обѣ стороны входной двери торчали почти неподвижно двое писарей, смотрѣвшихъ, не смигивая глазъ, все на прямаго своего начальника — голову. А самъ окружной, заложивъ руки за спину, важно расхаживалъ взадъ и впередъ, и половицы выстроеннаго «хозяйственнымъ способомъ» зданія жалобно и на разные лады трещали подъ тяжелыми стопами Михайлы Силуяныча. Въ тоже время онъ громогласно разсуждалъ о разныхъ дѣловыхъ предметахъ, прихотливо перескакивая отъ одного предмета къ другому, а иногда и совсѣмъ отъ нихъ удаляясь затѣмъ, чтобы хорошенько ругнуть Терехина, осмѣливающагося такъ долго не являться. Въ отвѣтъ на всѣ такія рѣчи изрѣдка слышалось и хриповатое шипѣнье Воронѣнкова, который всячески старался такъ направлять разговоръ, чтобы не остывало начальническое намѣреніе «учинить расправу для водворенія порядка.»

Разсыльный и писарь вошли вмѣстѣ съ Прокофьемъ и остановились съ нимъ у входной двери; десятскіе остались въ сѣняхъ.

— Привели Терехина, ваше-высокоблагородіе!— возгласилъ подобострастно усердный писарь.

— А !... произнесъ многозначительно Михайло Силуянычь. И подойдя къ Терехину, онъ остановился передъ нимъ, осмотрѣлъ его съ ногъ до головы, а потомъ устремилъ свой мрачный взоръ прямо въ

глаза ему. Но этотъ грозный пріемъ не произвелъ на Прокофья особеннаго дѣйствія: Послѣ обычнаго поклона начальнику онъ стоялъ спокойно и не спуская глазъ. Конечно это не могло понравиться окружному; на сердцѣ у него такъ вдругъ и закипѣло.... Однако спокойствіе и важный видъ старика удержали на первыхъ порахъ порывы его ярости.

— А!... повторилъ Михайло Силуяпычь болѣе тихимъ тономъ, — и черезъ мгновеніе прибавилъ: — старый мошенникъ!..

При этихъ словахъ у старика чуть-замѣтно сдвинулись брови, но онъ продолжалъ молчать и смотрѣть спокойно.

— Мошенникъ!... да!... мерзавецъ старый!... опять пробормоталъ сквозь зубы Михайло Силуянычъ. Потомъ онъ подошелъ къ большому столу, взялъ недопитый стаканъ пуншу и разомъ осушилъ его. Въ эту минуту писарь, ходившій за Терехинымъ, проворно, но на цыпочкахъ, подбѣжалъ къ Вороненкову и сталъ торопливо нашептывать ему что-то.

Подкрѣпивъ свою энергію добрымъ глоткомъ сильнаго напитка, Михайло Силуянычъ, не отходя отъ стола, опять началъ пристально смотрѣть на Терехина.

— Голова! вдругъ закричалъ онъ: — такъ это тотъ самый негодяй старичишка?

— Точно такъ-съ, ваше высокоблагородіе, подобострастно отвѣчалъ Вороненковъ.

— Ахъ ты, разбойникъ! продолжалъ окружной, еще возвышая голосъ. — А подойди-ко сюда, — вотъ ко мнѣ-то, старый чортъ!...

— Напрасно такъ, возразилъ Терехинъ, не сходя съ мѣста. — За что браните вы меня, ваше высокоблагородіе?

Вопросъ этотъ привелъ въ бѣшенство окружнаго. Онъ почти бѣгомъ подбѣжалъ къ старику.

— Да какъ ты смѣлъ!... Да какъ ты смѣлъ такъ отвѣчать мнѣ! кричалъ онъ.

Понахмуривъ брови, Прокофій опять молчалъ, а окружной бранилъ его неистово. Долго ругательства его и угрозы текли неудержимымъ потокомъ... Но наконецъ онъ началъ уставать; охрипшій голосъ его сталъ обрываться; онъ пересталъ уже ногами топать, пересталъ грозить кулакомъ и даже указательнымъ пальцемъ. Въ эту минуту Вороненковъ, никакъ не желавшій, чтобы «расправа» ограничилась только этимъ, подкрался съ боку къ Михайлѣ Силуянычу и сказалъ ему:

— Онъ, ваше высокоблагородіе, и идти-то сюда не хотѣлъ... на силу притащили... Вотъ онъ сказываетъ, прибавилъ голова, указывая на писаря.

— Бездѣльникъ!.. вскричалъ окружной и со всего размаха ударилъ по лицу Терехина.

Старикъ весь вздрогнулъ и пошатнулся; лицо его страшно поблѣднѣло. И въ тоже мгновеніе глаза его загорѣлись и стали метать искры... По-

шатнувшись, онъ едва было не упалъ; руки его опустились, глухой, протяжный стонъ вылетѣлъ изъ его груди. Но вдругъ онъ вытянулся во весь ростъ и порывисто сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ... Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили всѣ за движеніями старика, въ которыхъ было столько грознаго и величественнаго.

По серединѣ комнаты Прокофій остановился и, поднявъ руку къ образамъ, заговорилъ громкимъ голосомъ:

— Видитъ Господь!... восьмой десятокъ идетъ мнѣ!... отродясь не бывало! Видитъ Господь и взыщетъ обиду!

И голосъ его, задрожавъ, оборвался. Тогда какъ будто опомнился окружной.

— Чтожь! сказалъ онъ шибко дрожащимъ голосомъ, усаживаясь за столъ: — а ты, тово... старый, ты... своевольничать хотѣлъ...

— Я хочу идти противъ вора-міроѣда Тараски Вороненкова! возразилъ грозно Терехинъ: — не остановите вы меня побоями!... Убейте, тогда остановите, а правда все выведетъ на свѣтъ.

— Замолчи ты, старый...

— Брани меня! продолжалъ также грозно Прокофій. — Брани, бей опять!... Небось теперь, бей!... Старъ я, — не мнѣ самому за себя вступиться... Взыщетъ Богъ, помяни ты мое слово! А меня ни-

чѣмъ не остановишь, не за себя, а за міръ хочу стоять...

И, какъ бы призывая Бога въ свидѣтели этимъ словамъ своимъ, старикъ перекрестился. А между тѣмъ душевное волненіе превозмогло его физическія силы: онъ опять поблѣднѣлъ, голова его стала качаться и онъ вдругъ замолчалъ.

Михайло Силуянычъ началъ ходить по горницѣ, не глядя ни на кого. Онъ видимо былъ взволнованъ и смущенъ. Черезъ нѣсколько минутъ подошелъ онъ къ Терехину и тихо, почти ласково, сказалъ ему:

— Слушай Терехинъ, — уважая твою старость... ну, ты извини меня, какъ быть! погорячился я... За то и я ужь нисколько не взыскиваю... А ты вотъ уважь меня, старикъ, въ честь прошу: не заводи никакихъ кляузныхъ дѣлъ... Вѣдь прежде ты жилъ такъ хорошо, ни въ какія дрязги не вмѣшивался, — ну, какъ это на старости лѣтъ?

— Нѣту! возразилъ старикъ слабымъ голосомъ: — сказалъ я: постою за правду до конца!... А больше и говорить не хочу съ тобой...

Окружной нахмурился, онъ быстро отошелъ къ окну и сталъ сердито барабанить по стекламъ.

— Ваше высокоблагородіе ! прошепталъ Вороненковъ, подкравшись къ окружному : — вы не смотрите, — сущій, то есть, разбойникъ ... Не отпус-

кайте его домой ... Кудабъ засадить ... какъ бы онъ, тово ... Коли теперича не унять, — бѣда ....

— Эй, вы ! закричалъ Михайло Силуянычъ, опять приходя нѣсколько въ азартъ: — посадить его подъ арестъ !... А тамъ посмотримъ .....

— Пускай, прошепталъ Терёхинъ.

Писаря не посмѣли, однако, и теперь взять Прокофья, а всѣ кинулись въ сѣни за десятскими. Разсыльный, опустивъ голову, отошелъ къ сторонкѣ. Когда вошли десятскіе, окружной сказалъ почти шопотомъ головѣ:

— Вели имъ...

Вороненковъ поспѣшно передалъ приказаніе, и десятскіе отвели старика въ «темную».

Грозная сцена окончилась тихо. Но впечатлѣніе, произведенное ею на всѣхъ, особенно сильно отразилось на Михайлѣ Силуянычѣ. Какъ ни былъ онъ опытенъ на счетъ «расправокъ», какъ ни мало привыкъ обращать вниманіе на правоту дѣла, однако въ настоящемъ случаѣ совѣсть громко заговорила въ немъ. По природѣ своей онъ былъ не злой человѣкъ, но воспитаніе, не давшее ему никакихъ правилъ, прежняя жизнь, гульливая и неразумная, а особенно дѣятельность не по закону, безъ всякаго сознанія долга, — испортили его совершенно. Изрѣдка просыпалось въ душѣ его тоскливое чувство правды, но то бывало лишь на мигъ и конечно онъ самъ всячески старался подавить его въ себѣ. Такъ

было и теперь: чувство это опять пробудилось, и никогда, можетъ быть, не сжимало оно такъ болѣзненно душу Михайла Силуяныча. Онъ сердито отказался отъ чаю, не велѣлъ подавать себѣ ужина и отпустилъ тотчасъ же всѣхъ, и голову, не сказавъ ему ни слова на прощаньи. Затѣмъ онъ позвалъ къ себѣ своего разсыльнаго.

— Спиридоновъ! сказалъ онъ ему: — приготовь мнѣ постель поскорѣе, а потомъ.... нѣтъ! послѣ постель, а теперь отпусти домой Терехина, да вели проводить его....

— Слушаю-съ, отвѣчалъ сурово разсыльный.

Спиридоновъ не замедлилъ исполнить это приказаніе, но какъ ни скоро онъ повернулся, а Михайло Силуянычъ остался недоволенъ медленностью разсыльнаго.

— Какъ ты долго! замѣтилъ онъ брюзгливо: — ну, что́ ?... какъ тамъ ?

— Отпустилъ Терехина, отвѣчалъ разсыльный.

— Говорилъ онъ что нибудь ?...

— Ничего не говорилъ ....

Худо спалось въ эту ночь нашему администратору, дурные сны ему видѣлись. Проснулся онъ рано и тотчасъ же приказалъ запрягать лошадей. Вороненкова онъ и теперь принялъ нехорошо: ни одного почти словечка не промолвилъ съ нимъ, никакихъ приказаній не отдалъ и только что безпрестанно спрашивалъ: «готовы ли лошади?» — а

наконецъ и въ дорогу отправился не напившись даже чаю.

На дворѣ было уже свѣтло, когда онъ выѣхалъ и это сердило его тоже: почему-то неловко казалось ему ѣхать теперь на глазахъ байдаровцевъ; однако никто почти изъ нихъ не попался ему на длинныхъ улицахъ огромнаго селенія: всѣ жители Байдарова, бывшіе на этихъ улицахъ, прятались по дворамъ при проѣздѣ окружнаго, — онъ замѣтилъ это и еще болѣе смутился.

— Скотина Вороненковъ! сталъ онъ думать о вчерашней исторіи. — Пожалуй, и самъ виноватъ въ ссорѣ съ Терехинымъ, а меня вотъ ввелъ .. . Жаловаться будетъ старикъ, навѣрное будетъ .... Оно, конечно, ничего, вѣдь не съѣдятъ же за какую нибудь оплеуху мужику .... А все какъ-то ....

VII.

Въ домѣ Терехиныхъ, кромѣ дѣтей Ивана, да работника, никто не спалъ въ ожиданіи возвращенія старика. Катерина сидѣла въ уголку у печки и шептала про себя какія-то молитвы. Неподалеку отъ ней сидѣла Алена и, задумавшись, гладила русую головку старшаго сына своего, который спалъ себѣ

спокойно на голой лавкѣ. Иванъ же безпрестанно выбѣгалъ на дворъ и на улицу послушать и посмотрѣть, не идетъ ли отецъ. Никому изъ нихъ не шло въ голову домашнее дѣло и ни за какую работу не могли они взяться, а всѣ какъ будто ждали чего-то особеннаго, небывалаго и страшнаго. Но вотъ, мимо оконъ, послышались тяжелые, медленные шаги, брякнуло кольцо у калитки и заскрипѣла она отворившись, — Иванъ опрометью бросился вонъ изъ горницы и на дворѣ еще встрѣтилъ старика.

Прокофій вошелъ тихо, блѣдный и тяжко дыша отъ усталости. Не взглянувъ ни на кого изъ домашнихъ, онъ прямо прошелъ къ столу въ переднемъ углу и усѣлся у края стола. Но черезъ минуту онъ приподнялся, взглянулъ на образа, медленно перекрестился три раза и опять сѣлъ, закрывъ глаза рукою.

— Что ты, Прокофій Григорьичъ? что ты это, родимый ?... али неможется тебѣ ?... стала спрашивать Катерина, подойдя къ нему.

— Вотъ, Катерина, сказалъ онъ вдругъ, поднявъ голову и устремивъ на жену свою глаза, горѣвшіе лихорадочнымъ огнемъ: — вотъ на старости лѣтъ, на восьмомъ десяткѣ, можетъ на самомъ-то концѣ, привелось мнѣ за правду мірскую ....

Онъ не могъ договорить и долгій стонъ закончилъ слова его.

— Господи! воскликнула Катерина. — Чтожь такое приключилось?

— Онъ ударилъ меня! грозно молвилъ старикъ и всталъ съ мѣста и вытянулъ обѣ руки, какъ будто хотѣлъ схватиться съ оскорбившимъ его человѣкомъ. — Слышите ?... ударилъ !... О, Господи !... тяжко какъ !... когда за правду хочу я стоять !...

— Кто ударилъ? кто? вскричали Катерина и Иванъ.

— Окружной !... Вороненковъ — злодѣй поругался надъ моей старостью .... Онъ это заставилъ !...

Послѣднія слова онъ насилу выговорилъ: такъ ослабъ его голосъ отъ волненія; онъ замолчалъ, опустилъ голову на руку и задумался. И никто не нашелъ словъ, чтобы продолжать разговоръ съ старикомъ. Катерина, тяжело дыша, глотала слезы и всячески старалась удержаться отъ стоновъ и рыданій. Иванъ стоялъ подлѣ отца ни живъ, ни мертвъ: его, какъ громъ, поразило это извѣстіе. Алена ушла въ другую горницу; грудь ея разрывалась отъ тоски, и она горько плакала. Такъ прошло немало времени. Наконецъ старикъ подошелъ къ Катеринѣ и сказалъ ей:

— Спать тебѣ пора, Катерина, и всѣмъ пора !... Не сокрушайся ты .... Видно, такъ Богу угодно.... Ну, ступай же, Катерина, вотъ и я пойду.... Помолюся, пойду.... авось-либо....

Онъ ушелъ въ свою маленькую каморку и запер-ся тамъ. Цѣлую ночь онъ не спалъ. Голова его

горѣла; ему крѣпко неможилось: то жаромъ, то холодомъ всего его обдавало. И горькія мысли безпрестанно волновали его душу. Онъ не могъ отогнать ихъ, не могъ успокоиться хоть на минуту. Принялся-было онъ за любимое свое чтеніе, псалтирь, но долженъ былъ отложить святую книгу: мрачная дума, какъ бы насильственно врываясь въ его разгорѣвшуюся голову, влекла его къ инымъ, житейскимъ предметамъ.

Онъ сталъ вспоминать о всей своей жизни, о долгомъ трудѣ, давшемъ ему довольство и покой, — все припомнилъ, и вдругъ представилось ему, что онъ грѣшникъ великій, что трудился онъ для себя одного, позабывая сираго и нищаго, не возлюбивъ ихъ довольно по закону Божію — и правда его не вставала за правду мірскую, что за то Богъ и наказывалъ его смертью дѣтей.... И при такихъ мысляхъ унывала душа его, и онъ твердилъ покаянные псалмы и молитвы, которыхъ много зналъ, по обычаю всѣхъ грамотныхъ байдаровцевъ, обыкновенно подъ старость дѣлающихся начётчиками.

А тамъ припоминались ему: Абрамка-племянникъ, старый хворый отецъ его и всякія неправды Вороненкова, и гнѣвъ волновалъ его.....

Долго шла эта ночь и много надломила она силы крѣпкаго старика.

Къ утру сонъ посѣтилъ его ненадолго. То былъ тревожный сонъ. Снилась ему темная ночь; въ тѣс-

номъ пространствѣ, ограниченномъ мглою, двигались и мѣшались, въ дикомъ, непонятномъ смятеніи, и все какъ будто на одномъ мѣстѣ, ряды особенныхъ головъ человѣческихъ, — а лицъ не видалъ онъ; и надъ этою тѣсною массой головъ вдругъ вскидывалось множество рукъ, какъ будто то были утопленники, въ послѣдній разъ всплывавшіе наверхъ втягивавшей ихъ въ себя бездны.... Это явленіе возмущало страшною тоской душу Прокофья. О, какъ жаль было ему и этихъ утопленниковъ, и всѣ эти головы! Всѣ эти головы были родныя ему!....

Но вотъ, сквозь густую мглу, внезапно мелькнулъ яркій лучъ.... И Прокофій началъ всматриваться въ ту сторону. Тамъ, далеко, далеко явились предъ нимъ другія толпы людей и видны были ему лица ихъ въ слабыхъ очертаніяхъ. Широко разстилались тамъ тучныя пажити, луга пространные и зеленые; многоводныя рѣки ихъ орошали — и надъ всѣмъ пространствомъ свѣтозарно сіялъ свѣтъ незаходимый....

«О, свѣте тихій славы Твоея, Господи!» съ отрадою произнесъ старикъ нѣсколько разъ, и съ этими словами проснулся.

Но свѣтлое видѣніе не воскресило его тѣлесныхъ силъ. Съ самаго утра болѣзнь такъ одолѣла Прокофья, что онъ не могъ уже встать съ постели. Страшно перепугалась Катерина, видя его въ такомъ положеніи. Онъ замѣтилъ это и сталъ утѣшать ее.

— Ну, что́ ты это? словно впервой видишь больныхъ-то? говорилъ онъ ей.

— Да и то — ты впервой такъ-то.

— Ну, чтожь!... А ты безъ времени не тревожься. Вѣдь коли-бъ конецъ мой пришелъ, я бы и самъ чувствовалъ, а то нѣтъ, кажись .... Вотъ погоди, Катерина, дѣла-то я еще не сдѣлалъ.... Живой объ живомъ и думаетъ, примолвилъ онъ задумчиво.

Чуть только день занялся, сосѣди и родные почти безпрестанно стали навѣщать домъ Терехиныхъ. Шопотомъ разспрашивали они Катерину, Алену и Ивана о томъ, что такое вышло у старика съ окружнымъ. Все происшествіе было извѣстно имъ въ подробности, но все-таки хотѣлось имъ узнать еще подоскональнѣе. «Вѣдь жалѣючи васъ спрошаемъто», говорили докучливые гости. Шопотъ въ сосѣдней горницѣ тревожилъ иной разъ больнаго, и вспадало ему на мысль велѣть, чтобы никого не пускали; однако онъ не сдѣлалъ этого.

Одинъ разъ, какъ не было постороннихъ, Иванъ сказалъ ему: — батюшка, а лучше бы не пускать.... Ты какъ скажешь? А то вѣдь оченно неспокойно тебѣ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Прокофій: оставь, — они непомѣха.

«И то», подумалъ онъ, — «пускай ихъ ходятъ: и надо имъ про все знать....»

Весь этотъ день онъ былъ очень слабъ, но духомъ спокоенъ. Съ домашними, даже съ любимымъ

своимъ внучкомъ, онъ говорилъ мало. Думалъ все онъ, какъ бы поскорѣе оправиться, чтобы за дѣло приняться; мысль о дѣлѣ никакъ не покидала его. А мысли о злобѣ Вороненкова и о вчерашнемъ оскорбленіи онъ отгонялъ отъ себя: на это онъ имѣлъ еще довольно душевной силы. Изрѣдка вспоминалъ онъ объ умершихъ дѣтяхъ и братьяхъ, но и съ этими грустными воспоминаніями онъ могъ еще совладѣть, прибѣгая тотчасъ же къ молитвѣ. Душа его отдыхала теперь.

Передъ вечеромъ, когда всѣ посторонніе разошлись наконецъ, онъ позвалъ къ себѣ Ивана и велѣлъ ему читать вслухъ псалтирь. Всѣ его мысли направились на молитву и съ особенною отрадой останавливались на слѣдующихъ стихахъ, которые заставлялъ онъ повторять себѣ по нѣскольку разъ:

«И изведетъ, яко свѣтъ, правду....»
«Господь крѣпость людямъ своимъ дастъ...»
«Кротціи же наслѣдятъ землю...»

Стало смеркаться, и Прокофій впалъ какъ будто въ дремоту. Замѣтивъ это, Иванъ и Катерина, тоже слушавшая чтеніе, вышли потихоньку. Но дремота старика была только на нѣсколько минутъ. Вдругъ обхватило его тоскливое чувство; какая-то неясная, но грозная мысль пронеслась въ душѣ его: великій ужасъ напалъ на нее: то было предчувствіе смерти. Въ тоскѣ онъ сталъ метаться и кликать: «подите вы всѣ сюда!... подите скорѣй!...»

Когда взошли къ нему Катерина, Иванъ, Алена и Гриша, старикъ велѣлъ подать побольше свѣту; зажгли двѣ свѣчки, кромѣ лампады передъ образами; но ему все было темно: глаза его безпрестанно застилались мракомъ.

— Охъ! тяжко, жутко мнѣ что-то... страшно... говорилъ онъ чуть слышнымъ голосомъ.

И только положивъ руку на голову старшаго внучка, котораго подвела къ нему Алена, онъ успокоился. Долго онъ молчалъ и не отвѣчалъ даже на робкіе вопросы Гриши. Казалось, онъ опять нѣсколько задремалъ. Такъ прошло часа два.

Но вдругъ онъ порывисто приподнялся и, быстро смотря на всѣхъ, сказалъ Катеринѣ:

— Катерина! помнишь, о чемъ я говорилъ тебѣ?... Вотъ, время пришло...

Она не поняла этихъ словъ и не знала, что отвѣчать.

— Ты останься, а вы выдьте, молвилъ онъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Потомъ, какъ всѣ вышли, онъ продолжалъ:

— Часъ воли Божіей!... Катерина! я скоро умру, можетъ нонѣ же....

Она вся задрожала отъ ужаса и скорби.

—Господь съ тобою! говорилъ онъ: воля Божья великая, смерти не минуешь. Пошли за отцомъ Алексѣемъ. Скорѣй, пока могу, пока память есть!... Охъ! коли-бъ сподобилъ Господь причаститься Святыхъ Таинъ!

Рыдая въ голосъ, Катерина выбѣжала, чтобы послать за священникомъ, а старикъ закрылъ глаза и опять заметался въ томленіи.

Скоро пришелъ отецъ Алексѣй. Исповѣдуясь передъ нимъ Прокофій вспомнилъ всѣ дѣла своей долговременной жизни, сознался прегрѣшенія свои, раскаялся въ нихъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ и всѣмъ врагамъ своимъ простилъ. Потомъ онъ причастился съ чистой вѣрою и любовію къ Богу, съ твердой надеждою на великое милосердіе Его въ будущей жизни. Умилительно совершился священный обрядъ. И послѣ него стало легко на душѣ Прокофія.

Когда священникъ ушелъ, старикъ позвалъ къ себѣ однаго Ивана и сказалъ ему:

— Умираю, Ваня.... послушай же меня передъ концомъ моимъ. Слушалъ ты меня завсегда, а какъ меня схоронятъ-то, станешь ли помнить твердо, что скажу теперь?

— Батюшка! не выду изъ воли твоей николи! отвѣчалъ Иванъ, плача.

— Буди же милость Господня надъ тобою!... Слушай, Ваня: дѣла не начинай съ Вороненковымъ — тебѣ не подъ-силу.... Господь отплатитъ ему за все! Можетъ, ужь близко время, и не будетъ ходу такимъ-то злымъ неправдамъ. За меня не вступайся, Иванъ, а за міръ вступиться — трудъ это великій; вотъ и мнѣ пришелся онъ не подъ-силу. О, Господи! знать не-

достоинъ я былъ.... Правду Твою не скрылъ въ сердцѣ моемъ, но поздно пришелъ въ разумъ истины!...

Старикъ грустно задумался на минуту; потомъ опять началъ говорить сыну:

— Перепишися ты хоть въ Суходолъ, въ купцы; достатокъ у тебя будетъ немалый; тамъ будетъ, кажись, повольготнѣе здѣшняго. Трудися честно и право, живи по закону, по-Божьи, никого не обидь, помогай сиру и нищу. Дѣтей возрасти въ страхѣ Божіемъ, да отдай ихъ въ науку хорошую, ученіе — свѣтъ и добро, съ ученіемъ будетъ способнѣй. Да береги ты Гришу-то, ради Господа! Ну, позови теперича всѣхъ.

Благословивши семейныхъ, онъ простился съ ними и со всѣми, кто тогда былъ изъ постороннихъ, снова набравшихся въ домъ Терехиныхъ, при извѣстіи, что старика причащали.

Но все труднѣе и труднѣе становилось ему говорить; черты лица его сдѣлались неподвижны и мертвенны; только въ глазахъ, иногда быстро оглядывавшихъ все, еще свѣтился лучь жизни, но и они стали потухать. Прерывистымъ голосомъ сказалъ онъ, чтобы перенесли его подъ образа, да велѣлъ Ивану опять читать псалтирь у его изголовья.

Дрожа отъ великой скорби, Иванъ началъ читать псаломъ за псалмомъ, и скоро посторонніе присутствующіе замѣтили, что старикъ какъ будто говоритъ что-то: то были отрывистыя слова молитвъ.

—Память отошла.... кончается.... шептали промежь себя сосѣди.

Между тѣмъ Катерина безпрестанно впадала въ безпамятство. Горесть ея была неописанна. Сосѣди и родные рѣшились насильно вывести ее въ коморку Прокофьеву, чтобы она не помѣшала душѣ умирающаго оставить тѣло. Въ горницѣ, гдѣ лежалъ умирающій, находились: Иванъ, все читавшій псалтирь, Ѳедотъ Сусловъ, горько плакавшій въ уголку, и еще человѣкъ шесть родныхъ, которые хранили глубокое молчаніе; часто крестились и тяжело вздыхали; да иногда входила потихоньку Алена, которую влекла сюда какая-то необоримая сила; вмѣстѣ съ нею входилъ и Гриша, котораго она не могла заставить оставаться съ Катериною: такъ жалобно и убѣдительно просилъ онъ пустить его къ дѣдушкѣ.

И вотъ Гришѣ показалось, что дѣдушка зоветъ его.

—Матушка! шепнулъ онъ Аленѣ: — дѣдушка меня зоветъ.

—Почудилось тебѣ, отвѣчала она.

Но въ эту минуту глаза Прокофья широко раскрылись, ярко вспыхнули, быстро все оглядѣли— и онъ явственно для всѣхъ присутствующихъ произнесъ:

—Гриша! Алена! на-те.... возьмите....

Гриша и Алена хотѣли-было кинуться къ нему, но нѣсколько рукъ удержали ихъ.

—Что ты Алена? опомнись, да перекрестись! не подходите ни за что́! заболтали шопотомъ сосѣди и родные, усердно крестясь:—Господи Христе! чтой-то такое онъ отдаетъ? Чай, знаешь, что эвто худое дѣло!... охъ, родимые, худо!... вотъ ужь не чаяли а старикъ-то, знать....

—На-те, возьмите!... повторилъ умирающій, и въ этихъ словахъ слышалось что-то грозное.

Алена мгновеніе колебалась; но, перекрестившись, она почти вырвалась отъ удерживавшихъ ее людей и быстро подошла къ Прокофью, вмѣстѣ съ Гришею.

—Батюшка! тихо сказала она, наклонившись надъ нимъ:—мы здѣсь! Батюшка! во имя Божіе благослови насъ!

—Господь надъ вами! произнесъ онъ, для нихъ только слышнымъ голосомъ, и протянулъ руку свою, едва приподнимая ее, надъ ихъ наклоненными головами. Иванъ тоже кинулся къ нему, но въ тоже мгновеніе Прокофій испустилъ духъ и на устахъ его мелькнуло какое-то радостное чувство.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
00025293885